НОВАЯ НАУКА
Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE
International Center
for Scientific Partnership

НАУЧНЫЙ ПОИСК: ПРОБЛЕМЫ, ВЕКТОРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Часть 2

Сборник статей Международной
научно-практической конференции,
состоявшейся 18 августа 2025 г.
в г. Петрозаводске

г. Петрозаводск
Российская Федерация
МЦНП «НОВАЯ НАУКА»
2025

УДК 001.12
ББК 70
Н34

Ответственные редакторы:
Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.

Н34 Научный поиск: проблемы, векторы, перспективы : сборник статей Международной научно-практической конференции (18 августа 2025 г.). — В 2-х частях. Часть 2. — Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2025. — 321 с. : ил., табл.

ISBN 978-5-00215-838-6
ISBN 978-5-00215-840-9 (Ч. 2)

Настоящий сборник составлен по материалам Международной научно-практической конференции НАУЧНЫЙ ПОИСК: ПРОБЛЕМЫ, ВЕКТОРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ, состоявшейся 18 августа 2025 года в г. Петрозаводске (Россия). В сборнике рассматривается круг актуальных вопросов, стоящих перед современными исследователями. Целями проведения конференции являлись обсуждение практических вопросов современной науки, развитие методов и средств получения научных данных, обсуждение результатов исследований, полученных специалистами в охватываемых областях, обмен опытом. Сборник может быть полезен научным работникам, преподавателям, слушателям вузов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Авторы публикуемых статей несут ответственность за содержание своих работ, точность цитат, легитимность использования иллюстраций, приведенных цифр, фактов, названий, персональных данных и иной информации, а также за соблюдение законодательства Российской Федерации и сам факт публикации.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке Elibrary.ru в соответствии с Договором № 467-03/2018K от 19.03.2018 г.

УДК 001.12
ББК 70

ISBN 978-5-00215-838-6
ISBN 978-5-00215-840-9 (Ч. 2)

© Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2025
© МЦНП «НОВАЯ НАУКА» (ИП Ивановская И.И.), оформление, 2025

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:

Аймурзина Б.Т., доктор экономических наук
Ахмедова Н.Р., доктор искусствоведения
Битокова С.Х., доктор филологических наук
Блинкова Л.П., доктор биологических наук
Гапоненко И.О., доктор филологических наук
Героева Л.М., доктор педагогических наук
Добжанская О.Э., доктор искусствоведения
Доровских Г.Н., доктор медицинских наук
Дорохова Н.И., кандидат филологических наук
Ергалиева Р.А., доктор искусствоведения
Ершова Л.В., доктор педагогических наук
Зайцева С.А., доктор педагогических наук
Зверева Т.В., доктор филологических наук
Казакова А.Ю., доктор социологических наук
Кобозева И.С., доктор педагогических наук
Кулеш А.И., доктор филологических наук
Мантатова Н.В., доктор ветеринарных наук
Мокшин Г.Н., доктор исторических наук
Муратова Е.Ю., доктор филологических наук
Никонов М.В., доктор сельскохозяйственных наук
Панков Д.А., доктор экономических наук
Петров О.Ю., доктор сельскохозяйственных наук
Поснова М.В., кандидат философских наук
Рыбаков Н.С., доктор философских наук
Сансызбаева Г.А., кандидат экономических наук
Симонова С.А., доктор философских наук
Ханиева И.М., доктор сельскохозяйственных наук
Хугаева Р.Г., кандидат юридических наук
Червинец Ю.В., доктор медицинских наук
Чистякова О.В., доктор экономических наук
Чумичева Р.М., доктор педагогических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 9

ПРЕДМЕТНОЕ, МЕТАПРЕДМЕТНОЕ И ПРОЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 10
Налетов Юрий Анатольевич, Евсеев Алексей Николаевич

ФИЛОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АДАПТАЦИИ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ 17
Сайфутдинова Озода Бахтияровна, Сайфутдинова Малика Тахировна

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА ПОДРОСТКОВ В ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ШКОЛЫ В ПРОЦЕССЕ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ 29
Капкова Елена Евгеньевна

ПОНЯТИЕ «ФУНКЦИЯ» В ОБУЧЕНИИ КЛАССИЧЕСКОМУ ТАНЦУ: КОГНИТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ И ОСОЗНАННОСТЬ ДЕЙСТВИЯ 35
Алферов Егор Андреевич

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФОП ДО 43
Константинова Оксана Владимировна

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАДРОВЫХ АРХИВОВ УНИВЕРСИТЕТОВ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ «ЦИФРОВОЙ КИТАЙ»: ДОСТИЖЕНИЯ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 47
Лю Лэ

РОЛЬ ПОИСКОВО-ЛАБОРАТОРНОЙ РАБОТЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ, ОСВАИВАЮЩИХ ПРОФЕССИЮ «МАСТЕР ПО РЕМОНТУ И ОБСЛУЖИВАНИЮ АВТОМОБИЛЕЙ» 56
Мовсарова Петимат Мехдиевна

ПРЕПОДАВАНИЕ АНСАМБЛЕВОЙ ИГРЫ В ДУХОВОМ ОРКЕСТРЕ В НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛАХ КИТАЯ 62
Ню Хунчжэн

INNOVATIVE METHODS FOR CULTIVATING STUDENTS' CREATIVITY IN ELEMENTARY SCHOOL ART CLASSES 68
Deng Jiaxin

ИНТЕГРАЦИЯ 3D-МОДЕЛИРОВАНИЯ В ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ 76
Михайлов Илья Андреевич

ГИТАРА В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ИСКУССТВА 82
Гагарина Екатерина Николаевна

ИННОВАЦИОННЫЕ ШКОЛЫ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПЛАТФОРМЫ В РОССИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРИМЕРЫ 88
Герасимова Анастасия Игоревна, Неволина Виктория Васильевна

КАК ПОДГОТОВИТЬ УЧАЩИХСЯ К ВОЕННО-СПОРТИВНОЙ ИГРЕ «ЗАРНИЦА»: ПРЕОДОЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ 93
Читнев Алексей Иванович

СЕКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ 98

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ УКЛОНЕНИЯ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ 99
Ромась Игорь Олегович

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В АКЦИОНЕРНОМ ОБЩЕСТВЕ 106
Галахова Анна Олеговна

ВОПРОСЫ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА РАССЛЕДОВАНИЯ СОВЕРШЁННОГО ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМ ПРЕСТУПНЫМ СООБЩЕСТВОМ ДЕЯНИЯ ПО ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДА ОТ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБРАЩЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ 114
Коцюба Вероника Денисовна

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ 123
Маркова Кира Александровна

РЕГИОНАЛЬНАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДОСУДЕБНЫХ ПРОЦЕДУР: ОЦЕНКА МЕДИАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ В РОССИИ 129
Питиримова Татьяна Юрьевна

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ АКТОВ В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ 137
Фрей Анна Андреевна

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ 142
Фоменко Юрий Сергеевич

ЗЕМЛЯ КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО НАРОДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ 146
Богатов Даниил Юрьевич

СЕКЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 158

ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНОГО ПРОФИЛЯ МОЛОДЁЖИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ШКАЛЫ ИНТЕЛЛЕКТА ВЕКСЛЕРА (WAIS) 159
Качалов Вадим Юрьевич, Артамонов Максим Петрович

ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕМОНСТРАТИВНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК СТРАТЕГИИ САМОУТВЕРЖДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ 169
Смирнова Ольга Сергеевна

ПОДРОСТКОВЫЕ ДЕВИАЦИИ: АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПЦИЙ 177
Сыромуков Сергей Алексеевич

ФАКТОРЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ 183
Быкова Алена Александровна

ВЛИЯНИЕ АГРЕССИВНОСТИ РЕБЕНКА НА ПРОЯВЛЕНИЕ БУЛЛИНГА В ДЕТСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ 188
Князютенкова Светлана Анатольевна, Шаповалова Дарья Юрьевна

КОМПЛЕКСНАЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА ПО СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕВИАНТНЫХ ПОДРОСТКОВ 194
Сыромуков Сергей Алексеевич

УРОВЕНЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И УРОВЕНЬ ЭСКАПИЗМА У УЧИТЕЛЕЙ СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ 201
Доронин Сергей Николаевич

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОФИЛАКТИКИ АУТОАГРЕССИВНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ 209
Хомченко Татьяна Сергеевна

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 215

АНАЛИЗ КЛАССИФИКАЦИЙ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ 216
Заякина Ирина Александровна, Степанова Мария Георгиевна

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СОМАТИЧЕСКОГО ТИПА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ 221
Абдукадырова Тумиша Таштиевна, Исраилов Амерхан Умарович

ЦИФРОВОЙ ЕСЕНИН В МУЗЕЙНОЙ ПРАКТИКЕ: НАУЧНЫЙ ПОДХОД И ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ 227
Андреева Екатерина Сергеевна

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ КИТАЯ И РОССИИ – НА МАТЕРИАЛАХ «ДОКЛАД О РАБОТЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА КНР» И «ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ» РОССИИ ЗА 2021–2024 ГОДЫ 236
Цю Шухуай

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ 241
Осадчая Ульяна Олеговна

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА КОМИЧЕСКОГО ТЕКСТА 247
Шепилов Роман Сергеевич

СЕКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ..... 251

А.В. ПОТАНИНА: ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА ВОСТОКОВЕД В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ 252
Федорова Вера Ивановна

SEVERAL JEWISH AND TURKIC MESSAGES IN THE KHAZAR INSCRIPTIONS 261
Rjabchikov Sergei Victorovich

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ 267
Ветчинкин Лев Леонидович

СЕКЦИЯ ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ 272

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ АРТ-ОБЪЕКТОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ АРХИТЕКТУРНО-ДИЗАЙНЕРСКОЙ ПОДГОТОВКИ 273
Прохоров Сергей Анатольевич, Прохоров Никита Сергеевич, Соколик Марина Максимовна

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТОНАЦИОННО-СЛУХОВЫХ НАВЫКОВ У СТУДЕНТОВ-ДИРИЖЁРОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ..... 279
Дорошенко Тамара Михайловна

КУЛЬТУРНЫЙ СИМБИОЗ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И В КИТАЕ 289
Кан Тун

СЕКЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ..... 294

ШОПИНГ КАК ФОРМА ДОСУГА, ИЛИ КАК МОЛОДЕЖЬ ИСПОЛЬЗУЕТ ПОКУПКИ ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ..... 295
Луцькая Екатерина Евгеньевна, Горлова Виктория Николаевна

ПРОГРАММЫ ЛОЯЛЬНОСТИ В ТУРИСТИЧЕСКОМ БИЗНЕСЕ: СТРАТЕГИИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ 303
Луцькая Екатерина Евгеньевна, Крюкова Валерия Сергеевна

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ 307

СОХРАНЕНИЕ И АДАПТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В БЕЛОРУССКОМ ТЕАТРАЛЬНОМ И МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ 308
Стефанович Полина Андреевна

СЕКЦИЯ ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ 314

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МОДА 315
Стругова Лилия Сергеевна

СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРЕДМЕТНОЕ, МЕТАПРЕДМЕТНОЕ И ПРОЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Налетов Юрий Анатольевич
к.филос.н., доцент
Евсеев Алексей Николаевич
студент
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева»

Аннотация: В последние годы в отечественном педагогическом сообществе множится критическая оценка предметного образования в средней школе. В качестве возможной альтернативы рассматриваются метапредметный и проектный подходы к обучению. Статья посвящена исследованию актуальных проблем внедрения метапредметного и проектного обучения в современный образовательный процесс. Обосновывается положение о том, что в современной школе предметное и метапредметное, проектное обучение должны не противоречить, а содержательно и методологически дополнять друг друга.

Ключевые слова: предметное образование, метапредметное обучение, модульное, проектное обучение, мыследеятельностный подход.

SUBJECT-BASED, META-SUBJECT-BASED, AND PROJECT-BASED TEACHING IN MODERN SCHOOLS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Naletov Yuri Anatolyevich
Evseev Alexey Nikolaevich

Abstract: In recent years, there has been an increasing critical assessment of subject-based education in secondary schools in the Russian pedagogical community. As a possible alternative, meta-subject and project-based approaches to education are being considered. This article explores the current challenges of implementing meta-subject and project-based education in the modern educational process. It argues that in today's schools, subject-based and meta-subject, project-

based education should not contradict each other, but rather complement each other in terms of content and methodology.

Key words: subject-based learning, meta-subject-based learning, modular learning, project-based learning, and the activity-based approach.

Происходящие изменения в современном российском обществе непосредственно воздействуют на отечественную образовательную систему. Российское образование находится в состоянии перманентной перестройки: обновляются стандарты и методики, формируются компетентная модель обучения, концепции проектного и инклюзивного обучения. Реформирование системы среднего образования, изменение содержания, методов и форм обучения ориентировано на достижение следующих параметров образовательного процесса:

– Гибкость и мобильность образовательного процесса (программ обучения). В процесс обучения могут быть своевременно внесены некоторые изменения, позволяющие подстроить его под интересы участников образовательного процесса (учителя и ученика). В этой связи востребованным является модульное, метапредметное обучение и т.д.

– Практическая направленность обучения. Происходит постепенное отказ от понимания образования как процесса освоения содержания некоторых академических дисциплин, и больший акцент делается на устойчивом воспроизводстве некоторых социально значимых практических навыков и умений. В этом контексте весьма продуктивными считаются исследовательское обучение, а также обучение по принципу кейс-стади.

– Радикальный отказ от авторитарной педагогики (отсутствие жёсткой учебной иерархии). Акцент делается на воспроизводство горизонтальной структуры взаимодействия учителя и ученика. Фактически учитель теряет свою надзирающую, охранительную функцию и превращается в наставника, партнера. Подобный педагогический подход стимулирует самостоятельность и инициативность учеников, которые могут активно воздействовать на процесс обучения, предлагая собственные идея, темы для изучения и обсуждения.

– Личностно-ориентированный подход к обучению, при котором главной задачей обучения постулируется не академические успехи, а личностный рост, который проявляется прежде всего в способности решать

жизненные задачи, умение разрешать конфликты и реализовывать творческий потенциал ученика.

– Разнообразие форм и направлений обучения. Могут применяться домашнее обучение, совместные проекты с родителями, экспедиции, элементы педагогики Монтессори, Вальдорфской школы и т.д.

Следует отметить, что все вышеперечисленные изменения предполагают если не полный отказ от традиционной предметной формы образования, то значительное ее развитие и трансформацию на принципиально иных педагогических основаниях [1]. В первую очередь это связано с переоценкой роли учителя в современной школе. Учитель более не должен натаскивать детей на предметы, а рассматривается как организатор образовательного процесса. Причем главной целью образовательной деятельности является не освоение некоего набора знаний, а личностный рост и развитие ученика.

Действительно, то что скрывается за обновлением методик и подходов, представляет собой явление гораздо большего масштаба, в современной школе мы наблюдаем постепенную смену фундаментальных педагогических укладов. На данный момент в некотором приближении можно выделить три педагогических уклада: традиционный (ЗУНовский), информационно-тестовый и мыследеятельностный. Наиболее разработан так называемый «ЗУНовский» или трансляционный подход. Он сводит образовательный процесс к управляемому воспроизводству определенного набора знаний, умений и навыков. На этой основе велась стандартизация школьного образования в России с 90-х гг. Информационно-тестовый уклад бурно развивается в последние два десятилетия, в первую очередь это связано с внедрением в стране ЕГЭ и ОГЭ. Мыследеятельностный уклад опирается на концептуальные положения «мыследеятельностной педагогики» (Ю.В. Громыко) [2].

Мыследеятельностная педагогика – это новый тип содержания образования. Для него характерен отказ от формального освоения знания, и акцент делается на выделении деятельностной единицы содержания знания, которая и является основным дидактическим элементом образовательного процесса. По сути, в основе мыследеятельностной педагогики заложены концептуальные положения философского операционализма, утверждающего что всякие понятия – это инструменты, предназначенные для оперирования с предложениями языка наблюдений, следовательно, раскрыть смысл теоретических понятий, возможно указывая на ту операцию (логическую,

психолого-когнитивную), посредством которой это понятие вводится в оборот. Таким образом, теоретические понятия, посредством определения их операционных значений, соотносились с действительностью. «За каждым понятием можно восстановить способ его порождения. Если учитель раскрывает для учащегося такой способ и передает его последнему как средство его собственного действия, то можно утверждать, что учитель работает с понятием как с деятельностной единицей содержания образования» [3].

В рамках мыследеятельностной педагогики контакт учителя и ученика происходит в рамках определенного деятельностного взаимодействия. На занятиях происходит освоение прагматических образцов и теоретических способов построения понятий и концептуальных конструкций. При этом выстраивание взаимодействия учитель/ученик предполагает включенность ученика в обсуждение определенной проблемы, скрывающейся за каждой теоретической конструкцией. Тем самым создаются условия для формирования собственной позиции и навыков теоретической саморефлексии.

Новый педагогический уклад, акцентированный на выделении деятельностной единицы содержания знания, во многом противоречит традиционной логике предметного образования. Поэтому востребованными видятся идеи метапредметного и проектного обучения.

«Метапредметный (или междисциплинарный) подход к образованию заключается в том, что школьники изучают не ряд явлений в рамках одного предмета, а одно явление с помощью нескольких предметов» [4]. Например, можно изучать географию, экономику, политологию и на основе этих предметов узнать о жизни Франции, альтернативный подход предполагает целенаправленное изучение Франции, опираясь на положения вышеназванных дисциплин. Такой подход повышает интерес к процессу обучения, упрощает запоминание фактов и закономерностей.

Метапредметный подход за счет выстраивания межпредметных связей позволяет сформировать у ребенка более целостное представление о мире, избавиться от «расколотого сознания» современного человека. Следует отметить, что метапредметный подход по своей сути близок к проектному обучению, поскольку изучение некоей дидактической единицы через призму различных предметов должно заканчиваться созданием некоего творческого продукта – итоговой работы, проекта, который должен пройти определенную аттестацию. При этом, данная работа может быть сопряжена с командной

работой над проектами, а это, в свою очередь, закладывает азы научного мышления и улучшает коммуникативные навыки.

Проектное обучение в педагогике (метод проектов), как известно, предполагает, что учащиеся приобретают знания и навыки в процессе самостоятельного планирования и выполнения практических заданий-проектов. Цель проектного обучения – решить конкретные проблемы и создать конечный продукт. Преимуществами проектного обучения являются:

– личностная ориентированность: учёт индивидуальных особенностей учеников, возможность построения некоей индивидуальной траектории обучения школьника;

– активный характер обучения. В рамках проектного обучения практически невозможно построить трансляционную модель взаимоотношений учитель/ученик, обучающийся сам определяет тему, методы, а в дальнейшем обретает навыки практического применения полученных знаний;

– еще одним преимуществом проектного обучения может быть командный характер обучения, поскольку проекты могут реализовывать группы учеников, стимулируя тем самым развитие коммуникативных навыков;

– интегративный характер полученных знаний, определяется проблемным способом формирования дидактических единиц, которые кристаллизуются вокруг некоторых актуальных тем, идей, теоретических конструктов.

Несмотря на очевидные преимущества метапредметного и проектного подходов, их массовое применение в школе ограничено некоторыми обстоятельствами.

Во-первых, ограничивающим фактором является консервативная позиция педагогов. В педагогических ВУЗах педагоги воспитываются в первую очередь как учителя-предметники, следовательно, сломать консервативный настрой учителей возможно только в случае масштабной перестройки принципов подготовки педагогических кадров. Пока система готовит предметников, а вся работа в школе подстроена под предметное образование, ничего не изменится.

Во-вторых, серьёзным сдерживающим фактором является система итоговой аттестации школьников: ОГЭ и ЕГЭ. Успешная сдача этих экзаменов возможна лишь при глубоком знании школьных предметов. Более

того, по результатам экзаменов определяется не только проходной балл в ВУЗы, но и рейтинг учителей и школ. Дети не представляют свои проекты, исследования, для творческих подростков остается одна лазейка – олимпиады, но они тоже построены по предметному принципу. В этих условиях метапредметный и проектный подходы рассматриваются учителями, учениками и родителями как некоторая не очень нужная экзотика.

Следует отметить, что современное педагогическое сообщество в целом не поддерживает идеи радикального преобразования содержания обучения. История российской школы в XX веке изобилует неудачными «перестройками» в том числе и в методологической сфере. Так, еще сто лет назад в начальный период формирования советской системы образования в школах массово отказывались от предметного обучения как пережитка старого строя. В школах повсеместное распространение получили проектное обучение и так называемые комплексные программы. Содержание учебного материала в которых концентрировалось вокруг трех тем: природа, труд, общество. Предметная система обучения при таком подходе практически ликвидировалась. Опыт реализации этих программ показал, что они не обеспечивали овладение учащимися систематическими знаниями и формирование у них учебных навыков. В ходе масштабной педагогической экспертизы была отмечена слабая эффективность обучения при применении Дальтон-плана, метода проекта и бригадно-лабораторного метода [5; 6]. Зачастую, методологическая революция сопровождалась примитивизацией процесса обучения, и в конечном счете в 30-х годах Наркомпрос повсеместно вернулся к традиционному предметному обучению.

В современных условиях полный отказ от предметного обучения даже не обсуждается. Метапредметные образовательные технологии рассматриваются как дополнительные, позволяющие преодолеть трудности предметной разобщенности процесса обучения в школе. Кроме того, очевидно, что метапредметный подход опирается на хорошее знание материала традиционных учебных предметов, что собственно и позволяет пересобрать учебный материал и заново его интерпретировать с точки зрения деятельностных единиц содержания знания. В этой связи, наиболее продуктивным этот подход видится в средней и старшей школе. Ученик-подросток обладает уже определенным набором академических знаний, значительной способностью к самостоятельному обучению, а также в силу возраста акцентирован на выработку собственной уникальной позиции.

Таким образом, метапредметный подход и проектное обучение в современной школе активно ищут собственную «нишу» в образовательном процессе. При этом, данные педагогические подходы не только должны выполнять интегративную роль, позволяя избежать опасностей узкопредметной специализации. Но в первую очередь они призваны стимулировать интерес школьников к обучению и реализацию творческой деятельности ребёнка.

Список литературы

1. Иванов Д.Е. Кризис предметного образования // Первое сентября. – 2002. – № 67.
2. Громыко Ю.В. Обучающая мыследеятельность нового поколения и базовые педагогические компетенции // Психолого-педагогические исследования. – 2022. – Том 14 (№ 2). – С. 100-128.
3. Громыко Н.В. Это не заумь и не страшно. Смысл и назначение метапредметного подхода в образовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://ug.ru/eto-ne-zaum-i-ne-strashno-smysl-i-naznachenie-metapredmetnogo-podhoda-v-obrazovanii/.
4. Лысенко Я. Правила в школе диктуют педагоги преклонного возраста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.gazeta.ru/social/2017/05/19/10681703.shtml.
5. Осовский Е.Г. Альтернативная педагогика 20-х годов. - М.: Юпитер, 2009. – 187 с.
6. Равкин З.И. Советская школа в период восстановления народного хозяйства. 1921-1925 гг. – М.: Педагогика, 2016. – 259 с.

© Ю.А. Налетов, А.Н. Евсеев, 2025

DOI 10.46916/21082025-7-978-5-00215-840-9

ФИЛОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АДАПТАЦИИ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Сайфутдинова Озода Бахтияровна
кандидат исторических наук, заместитель директора
Образовательное учреждение № 33 имени Кемеля Токаева
Сайфутдинова Малика Тахировна
магистр филологии, специалист иностранного языка
Образовательное учреждение № 33 имени Кемеля Токаева
Научный руководитель: **Орозалиева Айнура Асановна**
к.п.н., профессор
Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына

Аннотация: В статье исследуются процессы адаптации заимствований лексики в современном русском и английском языках в условиях цифровой образовательной среды и межкультурного взаимодействия. Рассматривается влияние современных цифровых технологий, образовательных платформ и онлайн-ресурсов на интенсификацию распространения и усвоения иностранных терминов. Особое внимание уделяется методическим аспектам преподавания заимствованных слов, в том числе формированию у обучающихся критического мышления и межкультурной компетенции. Приводятся примеры адаптации лексики с учетом фонетических, семантических и культурных факторов, обосновывается роль медиасреды в актуализации новой лексики. Результаты исследования могут быть применены для разработки эффективных методик обучения иностранной лексике в условиях глобализации и цифровизации образовательного процесса.

Ключевые слова: методика преподавания, заимствованная лексика, адаптация терминов, цифровые технологии в образовании, межкультурная компетенция, медиасреда, критическое мышление, иностранная лексика.

PHILOLOGICAL AND LINGUISTIC ANALYSIS OF THE ADAPTATION AND USAGE OF LOANWORDS IN RUSSIAN AND ENGLISH: TEACHING METHODOLOGY

Saifutdinova Ozoda Bakhtiyarovna
Saifutdinova Malika Takhirovna
Scientific adviser: **Orozalieva Ainura Asanovna**

Abstract: This article examines the processes of lexical loanword adaptation in contemporary Russian and English within the context of digital educational environments and intercultural interaction. The influence of modern digital technologies, educational platforms, and online resources on the intensification of the dissemination and acquisition of foreign terms is analyzed. Special attention is given to the methodological aspects of teaching borrowed vocabulary, including the development of learners' critical thinking skills and intercultural competence. Examples of lexical adaptation are provided with consideration of phonetic, semantic, and cultural factors, and the role of the media environment in the activation of new vocabulary is substantiated. The research results can be applied to the development of effective teaching methods for foreign vocabulary in the context of globalization and the digitalization of the educational process.

Key words: loanwords, term adaptation, digital technologies in education, intercultural competence, teaching methodology, media environment, critical thinking, foreign vocabulary.

Современные процессы межъязыкового взаимодействия оказывают значительное влияние на развитие лексических систем, особенно в контексте преподавания иностранных языков. Одним из центральных явлений, определяющих содержание лексической работы в образовательной среде, является заимствование и адаптация терминов, преимущественно из английского языка. Эти процессы сопровождаются изменением семантики, стилистических характеристик и прагматической функции слов, что требует их всестороннего анализа с позиции прикладной лингвистики и методики преподавания.

В образовательной практике преподавания английского языка заимствованные слова часто становятся инструментом формирования языковой компетенции, расширения тематического словаря и развития межкультурной осведомлённости. Такие термины, как «инклюзия», «мобильность», «инновация», изначально функционирующие в академической и профессиональной среде, постепенно проникают в учебные тексты, задания, аутентичные материалы и устную коммуникацию учащихся. Их освоение требует не только перевода, но и интерпретации в контексте

обеих культур, что актуализирует интеграцию лингвистических и страноведческих подходов в обучении.

Одним из ключевых каналов актуализации новой лексики является медиасреда. Международные информационные агентства, цифровые платформы и социальные сети способствуют распространению терминов, зачастую ещё до их официального закрепления в словарях. В процессе преподавания иностранного языка работа с подобными источниками позволяет знакомить обучающихся с живым, контекстуально насыщенным языком, развивая навыки критического восприятия информации, понимания смысловых нюансов и стилистической окраски заимствованных слов. Например, при изучении англоязычных образовательных блогов и материалов международных онлайн-курсов был зафиксирован активный перенос термина «mentoring», в исходной культуре обозначающего долгосрочное сопровождение профессионального и личностного развития обучающегося опытным специалистом [1, с. 608-609]. Однако в русскоязычной образовательной среде этот термин нередко употребляется в ином значении — как краткосрочная консультация или серия советов, что отражает адаптацию концепта под существующие педагогические практики. Подобный пример наглядно показывает, что медиасреда и образовательные платформы не только транслируют новые термины, но и модифицируют их в соответствии с культурными и институциональными особенностями.

Особое значение приобретает способность студентов различать формальные и неформальные контексты употребления лексических единиц, распознавать их семантические сдвиги и метафорическое переосмысление. Это требует включения в учебный процесс заданий на анализ дискурса, сопоставление вариантов перевода, работу с фрагментами медийных текстов, а также рефлексии по поводу языковых изменений. Так, в исследовании, посвящённом обучению метафорам в рамках курсов английского языка для профессиональной коммуникации, Мария Сол Веласко Сакристан подчёркивает, что перевод может внести значительный вклад в преподавание метафоры в учебной аудитории, ориентированной на язык для специальных целей [2]. Автор предлагает систему упражнений, в которых студенты анализируют метафорические выражения в аутентичных текстах и сопоставляют их переводы на родной язык. Такой подход позволяет не только различать формальные и неформальные варианты употребления, но и отслеживать семантические сдвиги и метафорическое переосмысление в процессе межкультурной адаптации.

Кроме того, цифровые технологии, используемые в образовательной среде, ускоряют адаптацию заимствованных слов и делают их усвоение более естественным. Современные обучающие подходы — коммуникативные, контекстно-ориентированные и медиапроектные — создают условия для осмысленного освоения лексики, находящейся на стыке академического и повседневного употребления. Цифровые технологии в образовательной среде создают благоприятные условия для усвоения заимствованной лексики благодаря возможности многократного и контекстуального повторения материала. Например, использование интерактивных платформ, таких как Quizlet, Duolingo и Memrise, которые комбинируют видеоконтент, упражнения на сопоставление значений и игровые элементы, позволяет студентам видеть новые термины в разнообразных коммуникативных ситуациях. Благодаря этому происходит не просто механическое запоминание, а осмысленное усвоение лексики, что способствует формированию устойчивых языковых навыков и межкультурной компетенции.

В результате, лексические заимствования в преподавании английского языка следует рассматривать не только как предмет лингвистического анализа, но и как методический ресурс. Изучение механизмов их адаптации и функционирования в речи позволяет формировать у студентов гибкую языковую компетенцию, критическое мышление и готовность к межкультурной коммуникации в условиях быстро меняющейся языковой среды.

В современном образовательном пространстве происходит активное внедрение заимствованных из английского языка терминов, таких как «feedback» и «self-care». Эти лексические единицы не только обогащают профессиональную лексику, но и способствуют формированию новых коммуникативных моделей, отражающих современные тенденции в восприятии учебного процесса, личностного развития и социального взаимодействия. Процесс усвоения таких слов включает не только фонетическую и морфологическую адаптацию, но и осмысление их культурно-смыслового контекста, что требует от преподавателей и обучающихся глубокой рефлексии и методической подготовки.

Термин «фидбек» изначально имел техническое значение в инженерных науках, но впоследствии прочно вошёл в педагогическую и психологическую терминологию. В англоязычных странах «feedback» рассматривается как инструмент обратной связи, направленный на конструктивную коррекцию и стимулирование учебной деятельности [3, с. 82-85]. В русском языке,

несмотря на широкое использование, он зачастую сохраняет более формальный, иногда даже оценочный оттенок, что отражает традиционные особенности отечественной образовательной системы. Такое различие указывает на необходимость учитывать лингвокультурные особенности при преподавании и использовании данного термина в учебной практике.

Схожая ситуация наблюдается с термином «self-care», который в англоязычной педагогике широко применяется в контексте психологического здоровья и эмоциональной устойчивости [4, с. 224-226]. В русском языке «self-care» часто используется как калька, но вместе с тем активно переводится и интерпретируется через призму местных культурных традиций и образовательных реалий. В связи с растущим вниманием к проблемам профессионального выгорания и стрессоустойчивости среди педагогов и студентов, этот термин становится важным элементом дискурса, требующим методически выверенного подхода к объяснению и практическому освоению.

Современные цифровые технологии, образовательные платформы и онлайн-ресурсы способствуют быстрому распространению подобных заимствований, создавая условия для активного межкультурного взаимодействия. В этом контексте методика преподавания должна выходить за рамки простой передачи знаний о новых словах и включать формирование критического мышления и умения анализировать культурно обусловленные вариации их употребления у обучающихся. Такой комплексный подход способствует не только овладению лексикой, но и развитию межкультурной компетенции, что является одной из ключевых целей современного образования [5; 6; 7, с. 10-13].

Однако интеграция международной терминологии в язык является лишь начальным этапом. После попадания термина в языковую систему начинается процесс его адаптации, необходимый для функционирования в рамках родного языка. Это превращает заимствованные слова в органичную часть национального дискурса, требующую определённых лексических и грамматических корректировок. Одним из наиболее распространённых методов адаптации является транслитерация — процесс сохранения звучания слова с его записью согласно орфографическим нормам целевого языка. Например, термин «маркетинг» в русском языке сохраняет своё произношение и адаптируется графически без значительных изменений, а «фидбэк» — как заимствование, активно используемое в профессиональной и повседневной речи. Такие заимствования сохраняют фонетическую близость к

оригиналу и одновременно вписываются в систему родного языка, что способствует их активному употреблению в повседневной речи [8, с. 8-10].

Данный пример демонстрирует, важность транслитерации для сохранения первоначальной формы слова, что облегчает восприятие и использование нового термина носителями языка. При этом сама процедура адаптации представляет собой комплексный процесс, в котором форма и звучание слова подстраиваются под фонетические и орфографические нормы, не теряя при этом своего первоначального значения.

Следует также отметить, что социально-культурный контекст, в котором происходит заимствование, оказывает значительное влияние не только на графическую форму, но и на семантику слов. Заимствованные термины, даже если в языке-источнике сохраняют исходное значение, приобретают новые оттенки и коннотации в другом языковом и культурном пространстве. Особенно это заметно в области профессиональной и социальной коммуникации, где национальные особенности и культурный фон способствуют переосмыслению значений заимствований [9, с. 246]. Это обстоятельство указывает на необходимость не ограничиваться формальным изучением адаптации заимствований, а исследовать также трансформации их смыслового содержания в различных условиях употребления. Такой подход позволяет глубже понять, как слова не просто интегрируются в язык, а становятся носителями новых культурных смыслов и функциональных значений.

Анализ существующих данных показывает, что заимствования способны подвергаться как незначительным изменениям, так и масштабным трансформациям, что зависит от степени их проникновения в общественное сознание и частоты использования. Например, слово «маркетинг», пришедшее из английского, в русском профессиональном дискурсе сохранило основное значение, но одновременно приобрело дополнительные оттенки, связанные с современными бизнес-практиками и технологиями продвижения. С другой стороны, термин «фидбэк» широко используется и в деловой, и в бытовой речи, расширяя свое значение от технического понятия «обратная связь» до более общего понятия оценки и реакции. Это свидетельствует о том, что заимствования не только обогащают словарный запас, но и отражают социальные изменения и новые формы коммуникации, что важно учитывать при разработке методик преподавания и обучающих материалов.

Кроме того, процесс адаптации терминов часто сопровождается изменениями, обусловленными культурными особенностями и сферой

употребления. Понятие «self-care», широко известное в англоязычной культуре как забота о собственном психическом и физическом здоровье, в русскоязычном пространстве расширяет свое значение, включая элементы личностного роста и психологического благополучия. Такой сдвиг требует от преподавателей учета культурного контекста и разработки специальных методических подходов для адекватного введения и объяснения подобных терминов студентам [10]. Важно отметить необходимость комплексного подхода к преподаванию заимствованных терминов, который учитывал бы не только лингвистические характеристики, но и культурные особенности, что способствует более глубокому пониманию и эффективному усвоению учебного материала.

Разнообразие способов адаптации заимствованной лексики требует более пристального внимания к механизмам, посредством которых такие слова приживаются в речевой практике. После рассмотрения графической и фонетической адаптации целесообразно сосредоточиться на семантических изменениях, происходящих при встраивании заимствований в новую языковую среду. Именно в процессе смысловой переработки заимствованное слово обретает устойчивость, превращаясь из инородного элемента в органичную часть лексической системы.

Так, например, слово фидбэк, заимствованное из английского языка, в русском употребляется преимущественно в профессиональной среде — в образовании, маркетинге и управлении. В оригинале feedback может означать как эмоциональную реакцию, так и техническую обратную связь. Однако в русском языке значение этого слова стало более прагматичным и специализированным: оно обозначает структурированный отклик в рамках делового общения или учебной деятельности [11, с. 114]. Это сужение семантики отражает тенденцию к функциональному упрощению заимствования и подчёркивает зависимость от контекста, в котором слово было воспринято. При преподавании подобной лексики важно учитывать, что лексемы с широкой семантической амплитудой в языке-источнике могут приобретать ограниченные и даже фиксированные значения в языке-реципиенте. Такая трансформация требует не только перевода, но и разъяснения семантических рамок и контекста употребления.

Аналогичная ситуация наблюдается с заимствованием «воркшоп», которое в английском языке охватывает широкий спектр значений — от ремесленной мастерской до научно-практической сессии. В русском языке оно практически полностью утратило первоначальный смысл и стало

использоваться исключительно в значении «интенсивное практикоориентированное занятие», как правило, в образовательной или корпоративной среде [12, с. 35-38]. Такая односторонняя фиксация значения, обусловленная особенностями языкового сознания, говорит о том, что успешная адаптация невозможна без учёта социокультурной и прагматической специфики языка-получателя. Преподавание таких единиц требует от педагога не механического включения словаря, а сознательной работы над формированием у студентов языковой гибкости и способности к контекстуальной интерпретации.

Эффективной методикой в данном случае является контекстуальное моделирование ситуаций общения с использованием заимствованных терминов. Преподаватель может предлагать студентам анализировать реальные медиатексты, выделяя семантические особенности и регистр употребления тех или иных заимствований. Такой подход не только развивает языковую интуицию, но и способствует формированию навыков критического чтения, понимания дискурсивной функции слова, а также выявления различий в прагматике англоязычных и русскоязычных текстов.

При этом особое внимание должно уделяться тому, как заимствованная лексика изменяется при переходе из одной языковой системы в другую, теряя или, напротив, приобретая семантическую многослойность. Следовательно, включение анализа заимствованной лексики в образовательный процесс должно быть не формальным, а глубоко осмысленным. Это не только расширяет словарный запас обучающихся, но и приобщает их к межъязыковому и межкультурному осмыслению, что в конечном итоге способствует формированию полноценной языковой личности.

В условиях интенсивного взаимодействия языков важно не просто распознавать иноязычные элементы, но понимать их функциональную роль, интерпретировать значение с учётом социокультурной среды, а также критически осмысливать степень их уместности в конкретном речевом контексте.

Включение международных терминов в язык сопровождается не только адаптацией их фонетических и грамматических форм, но и изменениями в семантическом содержании. Эти трансформации обусловлены различиями в культурном и историческом развитии языков, а также особенностями социальной сознательности и контекста. В английском языке многие заимствованные термины сохраняют нейтральную или позитивную

коннотацию, тогда как в другом языке они могут приобретать дополнительные оттенки, связанные с восприятием в обществе.

Особенно ярко это проявляется на примере терминов, имеющих социальное значение. Так, слово «лайфхак», заимствованное из английского, в русском языке получило не только фонетическую адаптацию, но и специфическую функциональную нагрузку. В современном употреблении оно не ограничивается простым обозначением полезного совета, а стало маркером определённого способа мышления и эффективного решения бытовых или профессиональных задач. Это свидетельствует о том, что адаптация заимствований включает не только изменение формы, но и трансформацию семантики с учётом местных культурных реалий и потребностей коммуникативного пространства [13, с. 3]. Такой сдвиг в значении отражает динамичное взаимодействие языков и культур, что существенно расширяет лексические возможности и влияет на стилистические предпочтения носителей языка. Происходит не просто заимствование слов, а их активная адаптация, которая позволяет языку более точно и гибко отражать современные реалии и изменяющиеся общественные настроения. В результате такие слова получают новые оттенки значения, что нередко влияет на эмоциональную окраску высказываний и уровень формальности речи. Это, в свою очередь, формирует особую коммуникативную среду, в которой владеющий языком человек способен не только понимать прямой смысл, но и улавливать скрытые подтексты, что крайне важно для эффективного межкультурного общения и успешного овладения языком на продвинутом уровне.

Это подчеркивает важность комплексного подхода к преподаванию лексики, при котором лингвистический анализ органично сочетается с практической деятельностью. Такой подход предполагает не только изучение формальных характеристик слов — их фонетики, морфологии и семантики, — но и глубокое понимание контекстуальных и социокультурных факторов, влияющих на их употребление. Включение аналитической работы с примерами реального употребления, ситуационными моделями и коммуникативными заданиями способствует формированию у студентов навыков адекватного выбора лексики в зависимости от речевой ситуации, жанра и цели общения. Это не просто расширяет словарный запас, но и развивает критическое мышление, умение анализировать и интерпретировать языковые явления в их культурном и функциональном измерении, что

является ключевым для успешного овладения иностранным языком и эффективного межкультурного взаимодействия.

Следует отметить, что понимание процессов заимствования и адаптации терминов имеет фундаментальное значение для формирования языковой компетенции студентов. Включение в учебную программу материалов, раскрывающих трансформации лексики на фоне культурных и социальных факторов, позволяет обучающимся глубже осознать природу языка как живой системы, способной к постоянным изменениям и взаимовлияниям. Это способствует развитию аналитического мышления и формирует у студентов способность к критическому восприятию языкового материала, что является необходимым навыком для успешного владения иностранным языком [14].

В рамках практической подготовки преподавателей особое внимание уделяется созданию учебных упражнений, которые направлены на развитие умения распознавать и анализировать изменения слов на фонетическом, морфологическом и семантическом уровнях. Такой подход не только расширяет языковую культуру обучающихся, но и повышает их межкультурную компетенцию, что особенно важно в условиях современного межнационального общения и интеграции. Умение осмысленно работать с заимствованной лексикой становится ключевым аспектом профессиональной подготовки, позволяя будущим специалистам эффективно использовать язык в различных сферах деятельности.

Важным компонентом является также изучение прагматического использования заимствованных слов, то есть их функционирование в реальных речевых ситуациях и значение коннотативных оттенков. Прагматика лексики рассматривает не только денотативное значение слова, но и его коммуникативную функцию, эмоциональную окраску, а также социокультурный контекст, в котором происходит употребление. Заимствованные слова часто выступают маркерами определённых социальных или профессиональных групп, а их употребление может сигнализировать о принадлежности говорящего к тому или иному культурному или стилистическому пласту. Термин «лайфхак» может нести оттенок современности и неформальности, что важно учитывать в процессе преподавания, чтобы обеспечить адекватное использование в различных стилевых и ситуационных рамках. Анализ прагматической стороны заимствований позволяет выявить эти особенности и разработать методические приёмы, направленные на формирование у учащихся не только лексической, но и коммуникативной компетенции, способствующей

адекватному восприятию и использованию заимствованных единиц в соответствии с контекстом общения. В результате, преподавание лексики с учётом прагматических факторов способствует более глубокому пониманию языкового материала и повышает эффективность овладения иностранным языком в реальных коммуникативных ситуациях.

Развитие методики преподавания заимствованной лексики требует интеграции лингвистического анализа с практико-ориентированными приёмами, направленными на формирование у учащихся устойчивого навыка распознавания стилистических оттенков, осмысления семантических сдвигов и адекватного использования единиц в различных типах речевых ситуаций. Такой подход способствует не только более точному выбору лексических средств, но и формированию языковой чувствительности — способности различать прагматические и стилистические особенности употребления, учитывать контекстуальные ограничения, частотность и коммуникативную маркированность слов. Это приобретает особую значимость в условиях интенсивного проникновения и закрепления заимствований, отражающих динамику современного этапа развития русского языка.

Эти методические ориентиры тесно связаны с общими лингвистическими процессами, в рамках которых заимствования рассматриваются как открытая, подвижная часть лексической системы, реагирующая на социокультурные и коммуникативные изменения. Семантические преобразования и прагматическое переосмысление иноязычных элементов позволяют не только наблюдать механизмы адаптации, но и уточнять функции заимствованных слов в современном дискурсе. Комплексный подход к изучению данной лексики — с опорой на лексикологические, социолингвистические и методические инструменты — открывает путь к более глубокому пониманию принципов языковой динамики, что, в свою очередь, усиливает обоснованность методических решений. В контексте преподавания как иностранного языка, так и родной лексической системы, это создаёт условия для целостного осмысления речевой практики, способствуя формированию у обучающихся высокого уровня языковой компетенции и способности к осознанному, гибкому участию в современной межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Kram K. E. Mentoring at Work: Developmental relationships in organizational life. Chicago: Scott, Foresman & Company, – 1985. – 608-625 p.

2. Веласко Сакристан М. С. Подход к обучению метафорам через перевод в аудитории языка для специальных целей: примеры упражнений из курса делового английского // Ibérica: Revista de la Asociación Europea de Lenguas para Fines Específicos. – 2009. – № 17.

3. Hattie J., Timperley H. The power of feedback // Review of Educational Research. – 2007. – Vol. 77. – № 1. – P. 81–112.

4. Neff K. D. The development and validation of a scale to measure self-compassion // Self and Identity. – 2003. – Vol. 2. – № 3. – P. 223–250.

5. Byram M. Teaching and assessing intercultural communicative competence. Clevedon: Multilingual Matters, – 1997. –124 p.

6. Kramsch C. Context and culture in language teaching. Oxford: Oxford University Press, – 1993. –295 p.

7. Godwin-Jones R. Using mobile technology to develop language skills and cultural understanding // Language Learning & Technology. – 2018. –Vol. 22. – № 3. – P. 1–17.

8. Евтюгина А. А., Мурзинова Я. А. Иноязычная лексика в современном русском языке // Молодой ученый. – 2016. – № 7.5. – С. 8–10.

9. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-пресс, – 1994. – 247 с.

10. Всемирная организация здравоохранения (WHO). Self-care for health: a handbook for community health workers & volunteers. Geneva: WHO, 2022. 152 p. URL: https://www.who.int/publications/i/item/self-care-for-health

11. Карпова М. А. Фидбэк как цель и инструмент воплощения целей интернет-пользователя // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-2. – С. 114–114.

12. Крайнова Ю. Н. Современные технологии: метод workshop // Проблемы и перспективы развития образования в России. – 2012. – № 2. – С. 35–38.

13. Мусийчук М. В., Павлов А. П. «Лайфхак» как форма интеллектуальной активности в современных интеллектуальных системах // Интернет-журнал «Мир науки». –2016. – Т. 4. № 1. – С. 1–10.

14. Никитина К. В. Взаимодействие языка и культуры на уроках иностранного языка // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2016. № 2.

© О.Б. Сайфутдинова, М.Т. Сайфутдинова

DOI 10.46916/21082025-3-978-5-00215-840-9

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА ПОДРОСТКОВ В ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ШКОЛЫ В ПРОЦЕССЕ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Капкова Елена Евгеньевна
директор
МОАУ «СОШ № 34»,
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Аннотация: Статья посвящена проблеме формирования позитивного социального опыта подростков в условиях цифровизации. Выявленное противоречие между социальной активностью «цифровых аборигенов» и отсутствием путей её реализации в традиционной среде ведёт к снижению интереса подростков к реальному взаимодействию. Решение видится в использовании информационно-образовательной среды школы как пространства для цифровой социализации в процессе социально значимой деятельности в формате социальных цифровых практик. Анализируются механизмы приобретения социального опыта в информационно-образовательнйо среде школы, представлены результативные инструменты и практический кейс «Твори добро!», демонстрирующий формирование социального цифрового опыта. Делается вывод, что информационно-образовательная среда школы при целенаправленной организации и рефлексии становится пространством для цифровой социализации подростков и приобретения ими социального цифрового опыта.

Ключевые слова: информационно-образовательная среда, цифровая социализация подростков, социальные цифровые практики.

ON THE ISSUE OF FORMING THE SOCIAL EXPERIENCE OF ADOLESCENTS IN THE INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE SCHOOL IN THE PROCESS OF DIGITAL SOCIALISATION

Kapkova Elena Evgenevna

Abstract: The article is devoted to the problem of forming a positive social experience of adolescents in the context of digitalisation. The revealed contradiction

between the social activity of "digital natives" often does not find realization in the traditional environment, which leads to a decrease in interest in real interaction. The solution is seen in using the information and educational environment of the school as a space for digital socialisation in the process of socially significant activities in the format of social digital practices. The mechanisms of acquiring social experience in the information and educational environment of the school are analyzed, effective tools and a practical case "Do good!" are presented, demonstrating the formation of social digital experience. It is concluded that the information and educational environment of the school, with purposeful organization and reflection, becomes a space for the digital socialization of adolescents and their acquisition of social digital experience.

Key words: information and educational environment, digital socialisation of teenagers, social digital practices.

В условиях стремительной цифровизации общества формирование позитивного социального опыта подростков приобретает особую значимость для их развития и социализации. Современные подростки, будучи «цифровыми аборигенами» [6, с. 2], сталкиваются с противоречием: их природная социальная активность и психологическая готовность действовать в значимом пространстве часто не находят адекватных каналов реализации в традиционной среде. Это может приводить к снижению интереса к взаимодействию в реальном социуме, дефициту навыков коммуникации и коллаборации. Информационно-образовательная среда школы в таких условиях становится пространством, в котором готовность и способность подростков к социальному взаимодействию могут быть реализованы в процессе цифровой социализации, обеспечивающей вовлечение подростков в социально значимую деятельность и приобретение ими позитивного социального опыта в онлайн- и офлайн-форматах.

Опираясь на концепцию А.В. Мудрика [3, с. 12], социальный опыт понимается как совокупность ценностей, установок и действий, формирующихся и проявляющихся во взаимодействии с другими. В условиях информационно-образовательной среды школы это взаимодействие существенно расширяется и трансформируется. Поскольку Интернет дополняет и часто конкурирует с традиционными (семейными, институциональными, школьными) ценностными установками, информационно-образовательная среда школы становится фильтром и навигатором, помогающим подросткам критически осмысливать и

интегрировать информацию из разных источников, расширяя таким образом их собственный «образ мира» [1, с. 277]. Информационно-образовательная среда становится платформой для диалога, сравнения, рефлексии и формирования собственной ценностной позиции подростков в современном цифровом обществе.

В информационно-образовательной среде школы подростки приобретают социальный опыт в ходе разнообразной *социальной цифровой деятельности* (создание социально значимого цифрового контента, анализ информации, участие в онлайн-дискуссиях, освоение цифровых инструментов коммуникации и взаимодействия), в ходе освоения *новых социальных ролей* (модератор, сетевой эксперт, блогер, участник краудсорсингового проекта, цифровой волонтёр), позволяющих усваивать модели поведения, адекватные цифровой культуре, в процессе *коммуникации* в гибридных (онлайн и офлайн) сообществах (классных и школьных чатах, на образовательных платформах, в проектных группах в социальных сетях, на тематических форумах), что расширяет социальные связи, позволяет усваивать нормы и ценности сетевого взаимодействия [4, с. 109].

В соответствии с положениями деятельностного подхода ведущим механизмом формирования социального опыта в информационно-образовательной среде школы остается деятельность [2], которая в современных условиях приобретает гибридный характер. Социально значимая деятельность в формате социальных цифровых практик реализуется с использованием цифровых инструментов и технологий, в кругу сверстников, в условиях педагогического сопровождения, и становится важным условием цифровой социализации подростков.

Эффективными инструментами формирования социального опыта в информационно-образовательной среде выступают:

– цифровая коммуникация и взаимодействие: организация и участие в онлайн-конференциях, вебинарах, стримах по социально значимым темам с приглашением экспертов; создание и поддержка школьных медиа (подкастов, блогов, видео-каналов) как площадок для выражения мнений и школьной журналистики;

– участие подростков в сетевых образовательных и социальных инициативах (олимпиадах, конкурсах, хакатонах, волонтерских проектах) внутри своей школы, а также во взаимодействии с другими школами/ регионами;

– использование симуляторов, цифровых игр и квестов для отработки навыков решения проблем, командной работы, этичного поведения в смоделированных социальных ситуациях;

– участие в сетевом школьном самоуправлении: создание онлайн-площадок (чаты, форумы, платформы для голосования) для обсуждения и решения школьных вопросов, организации мероприятий, обратной связи формирует цифровую ответственность и лидерские навыки в Сети;

– рефлексия социального цифрового опыта: обязательное обсуждение онлайн-взаимодействия, анализ успехов и неудач цифровых проектов, разбор кейсов сетевой коммуникации (включая риски: кибербуллинг, фейки, безопасность) помогает осознать формирующийся социальный опыт в цифровой среде [5, с. 485].

Наиболее результативно данные инструменты применяются в ходе социальных цифровых практик, в которых цифровые технологии используются для планирования, коммуникации, совместной работы над социальными проектами, направленными на решение реальных проблем школы и социума. Внешним результатом социальной цифровой практики выступает новый социально значимый продукт или действие (онлайн-кампания, цифровой ресурс для сообщества, анализ данных), внутренним – социальный цифровой опыт как результат процесса цифровой социализации. Противоречие между желанием решить социально значимую проблему и поиском результативного цифрового инструмента для её решения становится двигателем развития.

Примером социальной цифровой практики, синтезирующей реальное социальное действие и цифровое взаимодействие, является социокультурный проект «Твори добро!», реализованный в МОАУ «СОШ № 34» города Оренбурга силами подростковых проектных групп и наставнических пар «подросток – подросток». Данная социальная цифровая практика волонтерско-творческого характера объединила непосредственное социальное взаимодействие подростков с социально уязвимыми группами (дошкольники, люди с ОВЗ, пожилые, ветераны, военнослужащие на лечении) с активным использованием ресурсов информационно-образовательной среды школы. Практика была ориентирована на формирование социальных ценностных ориентиров подростков (добро, милосердие, патриотизм, социальная ответственность) посредством их практического включения в социально значимую деятельность совместно с педагогами и родителями.

Цифровая инфраструктура взаимодействия была обеспечена информационными онлайн-площадками информационно-образовательной среды школы (школьный сайт, группы в соцсетях, мессенджеры), которые обеспечивали анонсирование и продвижение мероприятий социальной цифровой практики (творческие встречи в детских садах, инклюзивных и геронтологических центрах, трудовые десанты, сбор гуманитарной помощи для военнослужащих, адресные поздравления ветеранов), координацию участников (распределение задач, согласование графиков), взаимодействие с партнерами (представителями социальных учреждений, благотворительных фондов, госпиталей для уточнения нужд и организации мероприятий), сбор ресурсов.

Важным элементом социальной цифровой практики стало цифровое документирование и осмысление социального опыта. После каждого офлайн-мероприятия участники создавали и публиковали на информационных онлайн-площадках информационно-образовательной среды школы онлайн-отчеты (текстовые репортажи, фото-, видеоматериалы). Эта практика способствовала глубокой рефлексии, поскольку необходимость структурировать и описать опыт заставляла подростков осмыслить свои действия, эмоции, значимость сделанного, закрепляя ценностные ориентации. Также обеспечивалось формирование «цифрового следа» проекта, поскольку участниками создавалась видимая история социального взаимодействия, демонстрирующая реальные результаты инициативы. Участники (как подростки, так и благополучатели) получали публичную благодарность и признание своего вклада в школьном и более широком цифровом сообществе, получая публичное признание. Информация о социальной цифровой акции «Твори добро!», её миссии и конкретных делах выходила за пределы непосредственных участников, вдохновляя других и распространяя идеи добра и социальной активности. Участие в социальной цифровой акции позволило подросткам присвоить социальные ценности и практически освоить соответствующий опыт посредством ответственного использования цифровых инструментов, эффективной сетевой коммуникации и взаимодействия, создания и распространения социально значимого контента, оценки продуктивности цифрового взаимодействия.

Таким образом, информационно-образовательная среда школы становится пространством формирования социального опыта современного подростка. Целенаправленная цифровая социализация через вовлечение в социально значимую деятельность в форме социальных цифровых практик в

информационно-образовательной среде школы позволяет преодолеть дефицит позитивных каналов реализации социальной активности. Это способствует развитию критического мышления, цифровой грамотности, формированию коммуникативных и кооперативных умений, ответственной гражданской позиции в онлайн-среде, способствуя формированию базы для позитивного социального опыта и успешной интеграции подростка в цифровое общество. Учет специфики цифрового взаимодействия и его рефлексия являются обязательными условиями результативности этого процесса.

Список литературы

1. Бобровская К. В. Теоретические подходы к исследованию образа мира в подростковом возрасте [Текст] / К. В. Бобровская // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 10-2. – С. 276-280.

2. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 томах. Том 3. Проблемы развития психики / Л. С. Выготский. – Москва : Педагогика, 2021. – 369 с. – ISBN 978-5-458-36828-5.

3. Мудрик А.В. Социально-педагогические проблемы социализации: монография. М.: МПГУ, 2016. 247с.

4. Рубенко, А. Н. Информационно-образовательная среда как объект педагогических исследований // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2017. – № 1. – С. 106–110.

5. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. — М.: Шк.Культ.Полит., 1995. — 800 с. ISBN 5-88969-001-9.

6. Prensky, M. Digital Natives, Digital Immigrants / M. Prensky. – Text : direct // On the Horizon. – 2001. – Vol. 9, no. 5. – Pp. 1–6.

© Е.Е. Капкова

УДК 372.87+793
DOI 10.46916/21082025-1-978-5-00215-840-9

ПОНЯТИЕ «ФУНКЦИЯ» В ОБУЧЕНИИ КЛАССИЧЕСКОМУ ТАНЦУ: КОГНИТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ И ОСОЗНАННОСТЬ ДЕЙСТВИЯ

Алферов Егор Андреевич
аспирант
Научный руководитель: **Оленев Святослав Михайлович**
проректор по учебной и воспитательной работе,
доктор философских наук, профессор
Московская государственная академия хореографии

Аннотация: В статье раскрывается педагогический потенциал понятия «функция» в обучении классическому танцу. Автор анализирует, как чёткое определение когнитивных параметров (зрительных, слуховых, тактильных) и структурирование процесса через систему вход-выход позволяют повысить осознанность, гибкость и индивидуализацию в формировании профессиональных навыков артиста балета.

Ключевые слова: классический танец, педагогика, функция, когнитивные параметры, осознанность.

THE CONCEPT OF «FUNCTION» IN CLASSICAL DANCE TRAINING: COGNITIVE PARAMETERS AND ACTION AWARENESS

Alferov Egor Andreevich
postgraduate student
Scientific adviser: **Olenev Svyatoslav Mikhailovich**

Abstract: The article reveals the pedagogical potential of the concept of «function» in teaching classical dance. The author analyzes how a clear definition of cognitive parameters (visual, auditory, tactile) and the structuring of the process through an input–output system can enhance awareness, flexibility, and individualization in the development of a ballet artist's professional skills.

Key words: classical dance, pedagogy, function, cognitive parameters, awareness.

В современной педагогике классического танца вопросы когнитивных процессов органично связаны с выработкой профессиональных навыков. В центре внимания исследователей традиционно оказываются такие аспекты, как развитый музыкальный слух, профессиональная память и тонко настроенное тактильное ощущение. Н.И. Тарасов писал: «В учебной работе надо подвести учащихся к тому, чтобы они стремились выполнять каждое задание не только технически грамотно и физически уверенно, но и творчески увлеченно, музыкально» [1, с. 23]. Однако успех обучения невозможен без осознанного регулирования процессов восприятия, разложения изучаемого движения на простейшие элементы-части [2, с. 25], включающего последовательные этапы исполнения и их соотнесения с параметрами, управляемыми педагогом. В этом контексте особенно эффективным становится не столько абстрактное использование общих принципов структурирования процесса обучения, сколько применение своеобразного «функционального моделирования»: педагоги выделяют и прорабатывают отдельные функции — зрительную, слуховую, двигательную и др., — адаптируя их к специфике возрастной группы обучающихся, а также их индивидуальных особенностей, и тем самым добиваясь максимальной осознанности и управляемости в формировании профессиональных навыков.

В математике функция — это соответствие между двумя множествами, когда каждому элементу из множества X (области определения) однозначно сопоставляется элемент из множества Y (области значений). Обычно это записывается как y = f(x), где x — входной параметр (аргумент), а результат — выходное значение (значение функции при данном аргументе). Форма и результат этой зависимости определяются типом функции и конкретными заданными параметрами.

В контексте классического танца данная парадигма обретает впечатляющую глубину: педагог, как некий «кодер», формирует последовательность параметров — «основные опорные точки» [3, с. 55], включающие в себя конкретные детали исполнения, временные интервалы, музыкально-ритмические задачи, тактильные ощущения, которые, будучи осознанно восприняты учеником, должны обеспечить определённый результат — правильное, художественно выразительное и технически грамотное исполнение движения.

Делая аналогию, можно сказать: педагог задаёт функцию исполнения движения, а ученик, подавая на вход этой функции различные параметры — где смотреть, куда смотреть, как слушать, как чувствовать, — получает в

итоге определённый уровень мастерства в конкретном действии. Попробуем детально рассмотреть это на педагогических примерах.

Рассмотрим простую, но краеугольную для обучения задачу: разучивание движения в классическом танце через функцию зрительного анализа. Функция здесь может быть записана не как абстрактное «смотреть-видеть», а как последовательная процедура, где педагог управляет четырьмя входными параметрами: когда смотреть, куда смотреть, на что конкретно смотреть, и в какой момент.

1. **Когда смотреть** — это определение точного временного окна. Например, педагог говорит: «Смотрите в момент перехода руки из подготовительного положения в первую позицию». Здесь задаётся время захвата информации.
2. **Куда смотреть** — это пространственная направленность: «Смотрите не на ноги, а на движение руки».
3. **На что конкретно смотреть** — уточняет ключевую особенность: «Обратите внимание именно на положение плеча, локтя, сгибание кисти и положение пальцев рук».
4. **В какой момент** — это рамка начала действия: «Начните смотреть в тот момент, когда педагог только начинает движение, и удерживайте взгляд до полного завершения».

На выходе этой комплексной функции ученик не просто «видит движение», а формирует чёткий визуальный эталон: он замечает, КАК рука движется, какая последовательность фаз внутри одного движения, каким образом сочетается действие с общим положением корпуса. При грамотной работе с функцией «визуального анализа» ученик получает не только зрительный, но и телесно-эмоциональный шаблон, который позже точно воспроизводится в собственном исполнении.

Для более конкретной иллюстрации рассмотрим разучивание классического элемента — battement tendu.

Допустим, задача педагога: добиться правильной техники работы стопы при исполнении battement tendu à la seconde (отведение прямой ноги в сторону с касанием пола).

Педагог формирует функцию восприятия следующим образом:

– **Когда смотреть:** «Смотрите сразу после того, как я встану в исходную позицию, до завершения движения ноги».

– **Куда смотреть:** «Фокус — на работу моей стопы».

– **Конкретно на что смотреть:** «Особенно отмечайте, как работает стопа, от момента скольжения по полу, прохождения полупальцев до полного ее дотяжения».

– **В какой момент:** «В трех ключевых моментах движения — когда стопа скользит по полу, проходит положение полупальцев, полностью дотягивается в сторону и останавливается».

На выходе, если ученик чётко соблюдает параметры этой функции, он получает результат: зрительный образ движения ноги, заканчивающийся ровной линией открытой в сторону ноги с высоким положением подъёма стопы. Это становится эталоном, внутренне прожитым и осознанным через моменты исполняемого действия.

Следует особо подчеркнуть, что в обучении танцу через такую «функциональную модель» результат всецело зависит от правильно отобранных входных параметров. Если ученик ошибается во временном окне (не тогда смотрит), или не фокусируется на ключевом элементе (не на то смотрит), результат функции искажается — движение выполняется неверно, ошибка фиксируется теле и памяти, что осложняет обучение в дальнейшем.

Рассмотрим возможные варианты:

– Если ученик смотрит на движение руки педагога, но не фиксирует внимание на моменте полного раскрытия кисти к аудитории, он сохранит в памяти общий вектор движения, но не усвоит столь важную деталь, как пластика кисти.

– Если ученик смотрит слишком рано, перемещает взгляд на ноги до того, как педагог завершит показ движения корпуса — разрушается целостность зрительного образа.

– Если упущен момент фиксации, когда движение стопы достигает положения высокого подъёма, — не зафиксируется ценный образ максимальной амплитуды.

Подобная точечная настройка входа напоминает работу с математическими уравнениями: стоит изменить любое начальное условие, как резко меняется весь ход вычисления и финальный результат.

Преимуществом применения идеи функции как образовательного инструмента становится управляемость и возможность рефлексии. Педагог получает возможность анализировать ошибки как изменения во входных параметрах: если ученик не понял, КОГДА смотреть, педагог корректирует этот параметр. Если не уследил, КУДА смотреть — внимание возвращается к

пространственному аспекту. Если потерял ТО, на что именно смотреть — применяется детальная вербализация и повторный показ. Такое взаимодействие формирует культуру осознанности в обучении: ученик начинает самостоятельно анализировать, какие параметры он корректно «подал на вход» своей функции восприятия, и где произошёл сбой.

Подобный принцип прекрасно экстраполируется на другие проприоцептивные каналы — слуховой и тактильный.

Так например, тандем педагога-хореографа и концертмейстера балета способствующий выработке музыкальности у танцовщика [4, с. 31], в процессе реализации аудиальной функции, может быть представлен следующим образом:

– **Когда слушать:** слушать вступление музыки, либо начало каждой музыкальной фразы или предложения.

– **Куда направлять слух:** на ритмические акценты или мелодическую линию.

– **На что конкретно реагировать:** например, на переходные моменты в сопровождении или динамические нюансы (форте — пиано).

– **В какой момент:** акцент делать именно на смене музыкального-ритмического рисунка.

В результате на выходе формируется внутренняя карта ритма и темпа, на которую «нанизываются» движения. Нарушение одного из аудиальных параметров — скажем, не замечен нюанс в музыке — гарантирует ошибку во временной или пластической координации и потере выразительности исполнения.

В тактильной функции структура аналогична. Например:

– **Когда чувствовать напряжение — в момент выпрямления ноги.**

– **Куда направлять внутренний фокус — на выворотное положение ноги.**

– **Что конкретно различать — неподвижное положение колена и выворотное положение ноги.**

– **В какой момент осознавать — в крайней точке амплитуды движения.**

Формируется результат — ощущение тела, приводящее к созданию осознанной мышечной памяти и предотвращению формирования ошибочных двигательных стереотипов.

Важный элемент педагогической работы — организация контроля исполнения функции и побуждение к рефлексии. Как правило, более пятидесяти процентов учебного материала запоминается учениками не с первого показа, а через повторные попытки распознать ошибку в процессе многократного исполнения движения. Здесь вновь работает функция, «передающая» на вход уже не просто параметры сенсорного восприятия, но и информацию о личной ошибке. Дневники наблюдений, аудиозаписи, видеоанализ становятся дополнительными инструментами для настройки «функции самоконтроля»: ученик анализирует входные параметры собственной работы, замечает отклонения и совместно с педагогом исправляет алгоритм восприятия. Важна не только коррекция конкретного движения, но и формирование привычки анализа возможных ошибок в «настройках» входных параметров. Данные виды деятельности очень хорошо укладываются в контекст условий позволяющих через конкретный инструментарий реализовать на практике слова Н.И. Тарасова: «Надо меньше упрашивать, а больше требовать от учащихся самостоятельности и личной ответственности за свои действия» [1, с. 65].

В нашу цифровую эпоху функции сбора и анализа параметров приобретают дополнительные инструменты. Видеоматериалы разбора движений, разделённые на этапы, позволяют ученику пошагово «подгружать» на вход нужные параметры и более точно сравнивать свой результат с эталоном. Интерактивные панели, замедленный просмотр, наложение схем траектории движения — всё это усиливает точность выделения ключевых входных моментов. Например, на видео можно остановить кадр в момент исполнения позы и подробно рассмотреть ракурс, положение рук, головы, соотношения положений частей тела в позе и пр.

Социальные платформы, используемые обучающимися для обмена мнениями с целью анализа ошибок, позволяют получить обратную связь сразу по нескольким аспектам: от временного (когда) до идеомоторного (что ощущать, когда исполнять). Таким образом, само понятие функции расширяется, приобретая параметры как внутреннего, так и внешнего контроля.

Перенос понятия математической функции на процесс обучения классическому танцу позволяет вывести педагогику из области интуитивного опыта в область осознанной системы. Во-первых, управляемость функцией: педагог и ученик получают схему «вход-выход», в которой можно оперативно корректировать параметры, добиваясь нужного результата. Во-вторых,

наглядность и прослеживаемость ошибок: каждый сбой можно рассматривать как ошибку в переданных на входе данных — не так направил взгляд, не ту мышцу напряг, не услышал нужного акцента, не ощутил момент необходимого расслабления.

Такой способ организации учебного процесса позволяет минимизировать телесные и психологические ошибки, уводит процесс от магии бессознательной имитации к пошаговому осмысленному формированию комплекса профессиональных навыков.

Но даже при внешней точности педагогического процесса главной задачей остаётся не рутинное копирование, а переход к самостоятельному вариативному исполнению. В математике функция может быть сложной, составной, итеративно усложняться, зависимость результата экспоненциально усиливается с каждым новым шагом. В обучении танцу тоже: по мере накопления опыта ученик начинает самостоятельно формировать входные параметры, «конструировать» собственные функции на основе педагогических.

Например, освоив задачу: «смотреть — куда, когда, на что», ученик может самостоятельно выбрать ключевой момент анализа сложного прыжка, определить, в какой момент ему необходимо фиксировать внимание, чтобы формировать и удерживать позу в воздухе или после приземления. В результате на выходе — формирование осознанной, персонализированной профессиональной лексики движений. Это и становится фундаментом для творчества, где каждая новая схема восприятия будет осмысленно и свободно конструироваться из ранее усвоенных параметров.

Изучение комплекса когнитивных функций и их организации позволяет не только повысить уровень профессиональной подготовки, но и выстраивать индивидуальные траектории развития для каждого ученика. Управление входными параметрами («настройка функции») помогает педагогам выявлять слабые места учеников уже на ранних этапах, строя адресную коррекционную работу.

Более того, результаты наблюдений и рефлексий могут фиксироваться в образовательных портфолио, дневниках самоанализа, что способствует формированию навыков самоуправления и критической оценки деятельности будущего артиста балета.

Итак, применение понятия функции в педагогике классического танца, с чётким выделением входных параметров (когда смотреть, куда, на что, в какой момент) и ясной зависимостью результата от каждого из них, выводит

процесс обучения классическому танцу на новый уровень. Это позволяет тонко управлять когнитивными механизмами, усиливать качество и сознательность освоения материала, а с развитием цифровых инструментов ещё сильнее персонализировать и сделать гибкой траекторию профессионального роста.

В конечном итоге, именно такой подход — где каждый элемент педагогического процесса мыслится как функция с чётко задаваемыми входом и прогнозируемым выходом — создает условия для не только технически грамотного, но и подлинно осознанного, творческого формирования личности будущего артиста балета.

Список литературы

1. Тарасов Н.И. Классический танец. Школа мужского исполнительства: учебник / Н. И. Тарасов. - 11-е изд., стер. - Санкт-Петербург: Лань: Планета музыки, 2024. - 496 с.: ил. - Текст: непосредственный.

2. Есаулов И.Г. Введение в эстетику классической хореографии. Письма к Ж. Ж. Новерру / И. Г. Есаулов. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург: Планета музыки, 2023. – 340 с. – ISBN 978-5-507-46414-2. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/321167 (дата обращения: 08.11.2024). – Режим доступа: для авториз. пользователей.

3. Боген М.М. Обучение двигательным действиям. М.: ФиС, 1985 – 192 с.

4. Буланкина М.К. Совершенствование профессионального мастерства педагога в системе хореографического образования: аксиологический подход: монография / М. К. Буланкина. – 2-е изд., стер. – Санкт-Петербург: Планета музыки, 2022. – 184 с. – ISBN 978-5-507-45095-4. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/263153 (дата обращения: 08.11.2024). – Режим доступа: для авториз. пользователей.

© Е.А. Алферов, 2025

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФОП ДО

Константинова Оксана Владимировна
заместитель заведующего
МБДОУ г. Иркутска детский сад № 176

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы формирования половой идентификации у детей дошкольного возраста в контексте реализации Федеральной образовательной программы дошкольного образования (ФОП ДО). Освещаются теоретические подходы к пониманию половой идентификации, этапы ее формирования в дошкольном детстве, а также ключевая роль семьи и дошкольного образовательного учреждения. Особое внимание уделяется созданию в ДОУ образовательной среды и применению педагогических методик, способствующих формированию у детей адекватного и позитивного восприятия собственной половой принадлежности в условиях современных социокультурных изменений.

Ключевые слова: половая идентификация, дошкольный возраст, ФОП ДО, самосознание, педагогические методики, образовательная среда.

FORMATION OF GENDER IDENTIFICATION IN PRESCHOOL CHILDREN IN THE CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF THE FOP DO

Konstantinova Oksana Vladimirovna

Abstract: The article discusses the current issues of the formation of sexual identification in preschool children in the context of the implementation of the Federal Educational Program of Preschool Education (FOP DO). Theoretical approaches to understanding sexual identification, the stages of its formation in preschool childhood, as well as the key role of the family and preschool educational institutions are highlighted. Special attention is paid to the creation of an educational environment in preschool institutions and the use of pedagogical techniques that contribute to the formation of an adequate and positive perception of their own gender in children in the context of modern socio-cultural changes.

Key words: gender identification, preschool age, pre-school education, self-awareness, pedagogical methods, educational environment.

Современное общество характеризуется динамичными изменениями в понимании половой идентификации. Размывание традиционных стереотипов, рост толерантности и признание многообразия гендерных идентичностей создают новые вызовы для воспитания и образования подрастающего поколения. Формирование адекватной и позитивной половой идентификации у детей становится одной из наиболее актуальных задач современной психологии и педагогики.

В раннем возрасте, в период дошкольного детства, закладываются основы самосознания, формируется представление о себе как о личности определенного пола, и определяются модели поведения, соответствующие этому представлению. От того, насколько успешно происходит этот процесс, во многом зависит будущая адаптация ребенка в социуме, его самооценка, уверенность в себе и психическое благополучие.

Дошкольное образование играет ключевую роль в формировании половой идентификации. В этот период дети проводят значительную часть времени в детском саду, где происходит интенсивное социальное и личностное развитие. Педагоги, взаимодействуя с детьми, могут способствовать формированию здоровой половой идентификации. Поэтому особое внимание следует уделить созданию в ДОУ образовательной среды и применению педагогических методик, направленных на формирование у детей адекватного и позитивного восприятия собственной половой принадлежности.

Настоящая статья направлена на анализ теоретических основ и практического опыта формирования половой идентификации у детей дошкольного возраста в условиях реализации Федеральных образовательных программ дошкольного образования (ФОП ДО).

Половая идентификация – это сложный и многогранный феномен, который рассматривается в психологии с разных позиций. В широком смысле, половая идентификация – это осознание себя как представителя определенного пола, включающее в себя как биологические, так и социальные аспекты. Это не просто понимание своего физического пола, но и принятие соответствующих социальных ролей, норм поведения и ценностей, связанных с этим полом в конкретной культуре.

В.С. Басюк определяет половую идентификацию как единство самосознания, мотивации поведения и действий, где ребенок осознанно причисляет себя к определенному полу, принимая соответствующую половую роль, что проявляется в его позах, жестах и движениях. Этот подход подчеркивает целостность процесса, связывая внутреннее ощущение себя с внешним поведением и самопрезентацией [1, с. 116].

В.С. Мухина акцентирует внимание на отождествлении себя с физическим и психологическим полом (мужчина или женщина) и стремлении соответствовать культурным (прежде всего, семейным) стереотипам поведения [2, с. 295].

Этапы формирования половой идентификации в дошкольном возрасте:

1. Ранний дошкольный возраст (2-3 года): Ребенок начинает различать мужчин и женщин по внешним признакам (одежда, прическа, голос). Появляется понимание собственной половой принадлежности, но она еще не устойчива и может меняться.

2. Средний дошкольный возраст (4-5 лет): Формируется более устойчивое представление о собственном поле. Ребенок начинает осознавать различия в поведении, ролях и социальных ожиданиях, связанных с полом. Появляется стремление соответствовать полоролевым стереотипам.

3. Старший дошкольный возраст (5-7 лет): Половая идентификация становится более интегрированной частью самосознания. Ребенок осознает свою половую принадлежность как постоянную характеристику, принимает ее и стремится соответствовать ей.

Семья играет первостепенную роль в формировании половой идентификации. Родители, неосознанно или целенаправленно, передают детям гендерные стереотипы через игрушки, одежду, стили воспитания и модели поведения. Детский сад как социальная среда расширяет круг общения ребенка, создавая возможности для наблюдения за поведением сверстников и усвоения социальных норм. Социум в целом (масс-медиа, общественное мнение) также оказывает значительное влияние, транслируя определенные представления о полоролевых ролях и ожиданиях.

Игры, как ведущий вид деятельности в дошкольном возрасте, играют важнейшую роль в формировании половой идентичности. Через игру ребенок моделирует различные социальные ситуации, пробует на себе разные роли и усваивает социальные нормы. Другие виды деятельности – изобразительная, музыкальная, театральная – также способствуют развитию половой

идентичности, предоставляя возможности для самовыражения и самореализации в соответствии с собственными представлениями о себе.

ФОП ДО, с ее акцентом на индивидуальном подходе и создании инклюзивной среды, создает благоприятные предпосылки для формирования адекватной половой идентификации. Но также необходима целенаправленная работа педагогов по созданию образовательной среды и применение специальных методик, направленных на формирование у детей позитивного отношения к себе и к окружающим в зависимости от их половой принадлежности.

Постоянное самообразование и повышение квалификации педагогов в области психологии и педагогики являются необходимыми условиями для успешной работы. Использование игровых и творческих методов, таких как ролевые игры, театрализации, художественное творчество, способствует формированию у детей более адекватного восприятия полоролевых ролей.

Важным аспектом является создание в семье атмосферы принятия и поддержки ребенка, независимо от его интересов и склонностей. Открытое общение и обсуждение полоролевых вопросов с детьми способствует формированию у них более адекватных представлений.

Своевременное и адекватное формирование половой идентификации является фундаментальным условием для гармоничного развития личности ребенка. Только комплексный подход, объединяющий усилия специалистов, родителей и самого ребенка, позволит создать благоприятные условия для развития его личности и успешной социализации в современном обществе.

Реализация ФОП ДО предоставляет широкие возможности для создания такой образовательной среды в ДОУ, которая будет способствовать гармоничному развитию каждого ребенка, независимо от его пола. Главная задача педагога – быть чутким, внимательным и грамотным в этом вопросе, поддерживая естественное стремление ребенка к самопознанию и самоопределению, формируя при этом уважение к себе и другим людям.

Список литературы

1. Басюк В.С. Психология половой идентификации // Вопросы психологии. – 2014. – № 3. – С. 115-123.

2. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 608 с.

© О.В. Константинова

DOI 10.46916/21082025-5-978-5-00215-840-9

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАДРОВЫХ АРХИВОВ УНИВЕРСИТЕТОВ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ «ЦИФРОВОЙ КИТАЙ»: ДОСТИЖЕНИЯ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Лю Лэ
преподаватель
Университет Хэншуй

Аннотация: С углубленным внедрением стратегии «Цифровой Китай» кадровые архивы университетов, как важная составляющая образовательного управления и системы публичных услуг, переживают глубокую цифровую трансформацию. Настоящее исследование рассматривает политический контекст, применение технологий и практические трудности, систематически обобщает основные достижения в цифровизации университетских кадровых архивов в Китае, а также подробно анализирует текущие вызовы, включая вопросы информационной безопасности, интеграции систем и кадрового обеспечения. На основе анализа типичных кейсов и многоканальных данных в статье выстроена исследовательская модель «стратегическое руководство — технологическая поддержка — институциональная координация». Она направлена на содействие модернизации архивного управления и повышению эффективности образовательного администрирования. В работе подчёркивается, что цифровизация — это не только изменение формы представления информации, но и перестройка управленческих подходов и институциональных механизмов, а значит, требует высококачественной интеграции и развития в соответствии с национальной стратегией.

Ключевые слова: Цифровой Китай, кадровые архивы университетов, цифровизация архивов, информационное управление, информационная безопасность, институциональная координация.

DIGITAL TRANSFORMATION OF UNIVERSITY PERSONNEL ARCHIVES UNDER THE «DIGITAL CHINA» STRATEGY: ACHIEVEMENTS, CHALLENGES, AND PROSPECTS

Liu Le

Abstract: With the deep implementation of the «Digital China» strategy, university personnel archives — as an essential component of educational administration and public service — are undergoing a profound digital transformation. This study takes policy context, technological application, and practical challenges as entry points to systematically review the major achievements in the digitalization of personnel archives in Chinese universities. It provides an in-depth analysis of current challenges, including data security, system integration, and talent allocation, and explores future institutional safeguards and technological pathways. By examining typical cases and analyzing multi-source data, the paper constructs a research framework driven by strategy, supported by technology, and coordinated by institutional mechanisms. It aims to offer both theoretical grounding and practical guidance for the modernization of archive management and the enhancement of educational governance efficiency. The study emphasizes that digitalization is not merely a transformation in the form of archival information, but a reshaping of management concepts and institutional structures, which should be advanced in alignment with national strategic directions to ensure high-quality, integrated development.

Key words: Digital China, University Personnel Archives, Archive Digitalization, Information Governance, Data Security, Institutional Coordination.

Introduction: In the era of digital transformation, China's national strategy of "Digital China" has become a powerful driving force in reshaping various sectors, including higher education governance. Among the key components undergoing digital reform are university personnel archives, which play a crucial role in human resources management, institutional development, and public service delivery [1, p. 32]. Traditionally managed through paper-based systems, these archives are now facing the urgent demand for intelligent, secure, and integrated digital platforms.

The digitalization of personnel archives in universities is not only a matter of technical upgrading but also a strategic issue related to data governance, policy adaptation, and organizational innovation [2, p. 7679]. Recent initiatives by the Chinese government have accelerated the construction of smart campus infrastructures and archival information systems. However, many institutions still struggle with fragmented systems, insufficient professional staffing, and data security risks. These challenges highlight the need for a holistic approach that combines technological support, institutional coordination, and strategic alignment.

This paper aims to explore the current progress, key challenges, and future directions of university personnel archive digitalization in the context of the "Digital China" strategy. By constructing a theoretical framework of "strategic driving — technical support — institutional coordination," the study seeks to contribute practical insights and policy recommendations for the modernization of educational governance and archival management.

Literature Review

In recent years, with the continued advancement of China's national "Digital China" strategy, the digital management of university personnel archives has gradually become a key aspect of modernizing educational governance. Relevant studies have explored this topic from various perspectives, including policy guidance, technological pathways, and administrative mechanisms, providing valuable theoretical foundations and practical references for the present research.

In Chinese-language literature, Lei Xiaohui (2022) pointed out that the "Internet + Archives" environment has significantly accelerated the digitalization of university personnel files. While digital platforms improve work efficiency, they also raise new demands for information security and standardization. [3, p. 58] Li Changfu (2023) analyzed the logic of archive digitalization from a strategic national perspective and emphasized the need to promote intelligent and platform-based archive systems driven by data [1, p. 32]. Yu Yanyan (2021) focused on issues such as data fragmentation and closed systems in university teacher archives, advocating for improved service capacity through cross-departmental data integration and intelligent classification. Song Han (2023) highlighted the risks of data leakage and identity authentication in the digitalization process and stressed the importance of building a multi-level security protection system through both institutional and technical means [4, p. 103].

In the English-language literature, Yan Hu et al. (2024) noted that the digital transformation of corporate human resource archives shares commonalities with university personnel archives, particularly under big data environments, where digital archival systems play a crucial role in talent management and organizational decision-making [5, p. 1234]. However, their research also emphasized that cybersecurity remains the most prominent challenge in digital archive construction [5, p. 1238]. Another study, *Research on the Application of Big Data in Chinese Digital Libraries* (2023), compared different information systems in terms of data integration, archive access, and service innovation, highlighting the critical role of unified data structures and metadata standards in ensuring digitalization success. Furthermore, scholars such as Catherine D'Ignazio (2023) approached digital

archives from a governance perspective, warning against overly technical approaches and calling for greater attention to transparency, citizen data rights, and equity within educational systems [6, p. 187].

Overall, existing studies provide a relatively systematic foundation in terms of policy context and practical analysis. However, there are still notable gaps: first, the interaction between the "Digital China" strategy and university archive management remains underexplored; second, most research emphasizes technical pathways while lacking an integrated view that includes institutional coordination and organizational capacity building; and third, there is a shortage of comparative case studies and replicable digital transformation models among universities. Therefore, this paper seeks to build a more comprehensive analytical framework by integrating policy documents, institutional practices, and technological evolution, aiming to fill the gaps left by existing literature.

Methodology

Research Design

This study focuses on the digital transformation of university personnel archives under the "Digital China" strategy and constructs a multi-layered and multi-dimensional analytical structure to ensure a coherent integration of theoretical logic and practical considerations. The research design begins with a clear articulation of the study's objectives, defines the key analytical dimensions, and establishes a systematic framework to guarantee scientific rigor and analytical consistency.

The primary objective of this study is to conduct an in-depth analysis of the progress and challenges associated with the digitalization of personnel archives in Chinese universities. It aims to uncover the internal logic at the institutional, technical, and policy levels, and to propose feasible optimization strategies and policy recommendations. Ultimately, the study seeks to promote the standardized, intelligent, and sustainable development of personnel archive management within the broader context of national digitalization [7, p. 56].

In alignment with the stated research objectives, this study focuses on four key aspects of the digital transformation of university personnel archives. First, it investigates the new requirements introduced by the national "Digital China" strategy for the management of university personnel archives, including increased expectations for efficiency, integration, and transparency [2, p. 7679]. Second, it examines the progress that has been made in the digital construction of such archives, identifying major achievements and innovative practices across Chinese universities [8, p. 35]. Third, the study analyzes the primary challenges that persist

in the process, particularly those related to data security risks, system incompatibility, and insufficient institutional capacity. Finally, it seeks to develop targeted strategies for improvement by exploring coordinated solutions from the perspectives of strategic policy alignment, technological application, and institutional governance mechanisms [6, p. 187].

Data Collection and Analysis Methods

This study uses a qualitative, multi-source approach to analyze the digital transformation of university personnel archives. Data were drawn from three categories: official policy documents (e.g., *Digital China Strategy*, *14th Five-Year Plan*) [1, p. 32], case materials from local universities (e.g., Hengshui University) [8, p. 35], and academic literature from Chinese and international databases [9, p. 74]. Content analysis, comparative synthesis, and keyword frequency analysis (via NVivo) were used to examine digitization systems, institutional frameworks, and alignment with national strategies [9, p. 82].The study also employed feasibility analysis and trend forecasting to evaluate policy adaptability and future directions for archive digitalization in higher education [7, p. 56].

Research Framework

This study constructs a three-dimensional research framework centered on "strategic guidance, technological support, and institutional assurance" to analyze the digitalization of university personnel archives under the "Digital China" strategy. It examines the driving role of national policies, the integration of digital technologies (e.g., big data, cloud computing), and the importance of internal institutional mechanisms [10, p. 40]. These dimensions interact through a cycle of policy direction, resource input, and management execution to support the modernization of archive governance in higher education [7, p. 56].

Key Findings and Practical Insights on the Digital Transformation of University Personnel Archives

Accelerated Progress: Marked Improvements in Digitalization

In recent years, driven by the ongoing "Digital China" strategy, the digitalization of university personnel archives in China has accelerated significantly. This transformation features broader coverage, improved platform integration, and emerging service functionalities. Many universities have digitized paper-based records for centralized storage and retrieval, while others have connected their archive systems to HR, academic, and finance platforms to enable cross-functional use [5, p. 1234]. Policies like the 2022 revision of the *Regulations on University Archives* have further supported this trend. For example, Hengshui University developed a digital archive module within its OA system, enabling

classified management and permission-based access. Some institutions also adopted e-signatures and automated workflows to improve compliance and efficiency. Additionally, digital archives are increasingly integrated into processes like promotions and evaluations, enabling paperless approvals and traceable data flows [11, p. 105]. These developments mark a shift from static record-keeping to intelligent governance and lay the foundation for smarter university management.

Local Innovations: Practical Cases from Regional Universities

Under the "Digital China" strategy, several local universities have explored tailored approaches to digitizing personnel archives, reflecting both flexibility in policy response and grassroots innovation [3, p. 58]. Hunan University of Science and Technology developed an integrated "Smart HR System" unifying faculty data across departments and enabling intelligent archiving, authentication, and access. Nanjing Xiaozhuang University prioritized institutional standards by issuing digital archive management regulations and classification guidelines, ensuring consistency and long-term system stability. Lanzhou University of Technology focused on data security by implementing dual protections such as offsite backups, dynamic encryption, and multi-level access controls [4, p. 103]. These institutions demonstrate that digital transformation requires more than technical investment—it demands institutional alignment and governance innovation. Despite differences in approaches, all emphasize demand-oriented design, system integration, and security, shifting from experience-based management to data-driven governance.

Technical Pathways: From Infrastructure to Intelligent Integration

The digitalization of university personnel archives has evolved through four key technological stages: basic data digitization, platform integration, intelligent enhancement, and security systemization [12, p. 82]. Initially, paper files are converted into digital formats using OCR and scanning technologies. The second stage focuses on integrating archive systems with HR, academic, and finance platforms to enable automated data sharing and functional synergy. In the third stage, advanced universities adopt AI tools for intelligent classification, semantic search, and knowledge graph visualization, improving accessibility and analysis [13, p. 012045]. The fourth stage involves building robust data protection mechanisms — VPN access, encryption, multi-level permissions, and real-time system monitoring — to ensure privacy and security. This transformation reflects a shift from isolated technical solutions to comprehensive platform, data, and security architecture integration. As AI and blockchain continue to mature, personnel archive management will progress toward data assetization and full-process oversight.

Ongoing Challenges: Gaps in Foundation and Institutional Lag

Despite notable progress driven by national policy and technological advancement, the digitalization of university personnel archives faces significant challenges. Key issues include uneven technological foundations, lagging institutional frameworks, talent shortages, and data security risks [7, p. 56]. Many local universities struggle with outdated infrastructure and lack standardized platforms, hindering system compatibility and cross-institutional integration. Institutional design often lags behind technology adoption, with unclear responsibilities and inadequate data management rules leading to inefficiencies. Additionally, most archive staff lack IT expertise, limiting system maintenance and cybersecurity capabilities [12, p. 82]. Poor coordination between technical and administrative departments further reduces operational efficiency. Security remains a major concern, as personnel files contain sensitive information that, if leaked, could cause reputational and legal consequences. Without robust risk prevention systems, data breaches and recovery failures remain likely. These challenges highlight that digital transformation is not only a technical task but also an institutional one, requiring coordinated improvements across governance, systems, and staffing.

Discussion

The digitalization of university personnel archives is not merely a technical innovation but a systemic transformation involving governance philosophy, institutional logic, and capacity building. While progress has been made, challenges remain, including unclear governance structures, lack of standardization, and inadequate security mechanisms—mainly due to the disconnection between “technology-driven” actions and “institutional coordination.” On one hand, although policies are frequently issued, they often lack practical guidelines tailored to university archive systems, leaving institutions to explore solutions blindly [3, p. 59]. On the other hand, rapid platform upgrades have led to a “build but not maintain” dilemma, where systems lack long-term optimization and fail to support sustainable development. Additionally, information silos persist across departments, limiting the effective integration of personnel archive data with teaching, research, and administrative systems. Therefore, digitalization must go beyond technical fixes and focus on institutional embedding and organizational capacity, guided by policy, process reengineering, and talent development to build a sustainable, replicable, and accountable governance framework [6, p. 187].

Conclusion and Policy Recommendations

Under the "Digital China" strategy, the digitalization of university personnel archives has become a key driver of modern educational governance. This study analyzes policy context, technical progress, and ongoing challenges, noting achievements in data digitization, platform integration, and intelligent services [12, p. 84]. However, institutional delays, security risks, and uneven resource allocation remain critical issues. Policy-wise, top-level design must be enhanced with clear objectives and operational guidelines, including standards for data collection, system security, and performance evaluation [3, p. 60]. Technologically, standardized platforms and cross-system integration should be promoted through unified interfaces and modular systems, enabling inter-university data sharing. Institutionally, archive regulations need updating, with clearer role definitions and streamlined processes. Talent development in digital archives must also be prioritized through staffing, incentives, and training. To address security risks, multi-level protection systems should be established, covering encryption, access control, disaster recovery, and risk alerts [4, p. 105]. A coordinated approach combining policy, technology, and institutional reform is essential for sustainable, intelligent, and high-quality archive governance in China's digital transformation.

References

1. Li C. Exploration on the Construction of Archive Digitalization under the Background of the "Digital China" Strategy // Archives and Construction. 2023. No. 9. P. 32-35.

2. Zhao Y. Research on the Application of Project Management Concepts in the Digital Scanning of Existing Paper Archives in Universities // Archives and Management. 2023. No. 2. P. 40-43.

3. Hu Y., Zhang T., Liu F. Research on Human Resource Digital Archives Management under the Background of Big Data // Procedia Computer Science. 2024. Vol. 246. P. 1234-1240.

4. Zhao Q., Li H. Sustainable Digital Governance of Educational Archives in Chinese Universities // Sustainability. 2023. Vol. 15, No. 9. 7679.

5. Zhao J. Research on Optimization Strategies of University Archive Management Services Empowered by Digitalization // Office Automation. 2022. No. 14. P. 34-37.

6. Zhang L. Research on the Application of Digital Technology in University Archive Management // Information Technology. 2021. Vol. 39, No. 5. P. 82-85.

7. Sun N. Exploration on the Path to Promote the Digital Transformation of University Archives in the New Era // Archival Science Research. 2022. No. 3. P. 56-59.

8. Yu Y. Problems and Countermeasures in the Digitalization of University Faculty Personnel Archives // Education and Teaching Forum. 2021. No. 20. P. 105-107.

9. Lei X. Exploration on the Digitalization of Personnel Archives of University Cadres under the "Internet + Archives" Environment // Archives Management. 2022. No. 4. P. 58-61.

10. D'Ignazio C., Bhargava R. Reimagining Archival Governance: Transparency, Participation and Data Justice in the Digital Age // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. Vol. 10, No. 1. 187.

11. Song H. Research on Data Security Risks and Coping Strategies in the Digitalization of University Personnel Archives // Modern Information Technology. 2023. Vol. 7, No. 18. P. 103-106.

12. Lin J., Wang L. Research on the Application of Information Technology of Big Data in Chinese Digital Library // Journal of Physics: Conference Series. 2023. Vol. 2571, No. 1. 012045.

13. Liao L. Preliminary Study on the Digital Construction of Personnel Archives in Local Universities // Higher Education Forum. 2021. No. 6. P. 74-76.

© Liu Le

РОЛЬ ПОИСКОВО-ЛАБОРАТОРНОЙ РАБОТЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ, ОСВАИВАЮЩИХ ПРОФЕССИЮ «МАСТЕР ПО РЕМОНТУ И ОБСЛУЖИВАНИЮ АВТОМОБИЛЕЙ»

Мовсарова Петимат Мехдиевна
преподаватель информатики
Факультет среднего профессионального образования
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова»

Аннотация: Целью исследования является уточнение роли поисково-лабораторной работы в формировании профессионального мышления студентов, осваивающих профессию «мастер по ремонту и обслуживанию автомобилей». Ведущими методами исследования стали анализ теоретических источников, а также педагогический эксперимент. По итогам исследования был получен результат, подтверждающий значение поисково-лабораторной работы в формировании профессионального мышления изучаемой группы студентов. На основании полученного результата сделан вывод о том, что активные методы обучения позволяют повысить качество профессиональной подготовки различных категорий обучающихся.

Ключевые слова: поисково-лабораторная работа, мастера по ремонту и обслуживанию автомобилей, система профессионального образования, активные методы обучения.

THE ROLE OF SEARCH AND LABORATORY WORK IN THE FORMATION OF PROFESSIONAL THINKING OF STUDENTS MASTERING THE PROFESSION OF «CAR REPAIR AND MAINTENANCE MASTER»

Movsarova Petimat Mehdievna

Abstract: The aim of the study is to clarify the role of search and laboratory work in the formation of professional thinking of students mastering the profession of «car repair and maintenance technician». The leading methods of the study were the analysis of theoretical sources, as well as a pedagogical experiment. Based on

the results of the study, a result was obtained confirming the importance of search and laboratory work in the formation of professional thinking of the studied group of students. Based on the obtained result, a conclusion was made that active teaching methods can improve the quality of the educational process in the system of professional training.

Key words: search and laboratory work, car repair and maintenance technicians, professional education system, active learning methods.

Современная система среднего профессионального образования (далее – СПО) постоянно совершенствуется. В первую очередь речь идёт о повышении качества практико-ориентированных занятий. Данная форма обучения позволяет за короткий период времени подготовить высоко-квалифицированных рабочих. Это позволяет восполнить дефицит кадров среди представителей такой востребованной профессии, как «Мастер по ремонту и обслуживанию автомобилей».

Добавим, что федеральный проект «Профессионалитет» также ориентирован на существенное сокращение сроков в обучении студентов СПО за счёт большего числа практических занятий. Вместе с тем данный федеральный проект имеет и ряд иных важных направлений совершенствования СПО: насыщение данной системы современными лабораториями и высокотехнологичным оборудованием, стажировка студентов в ведущих отраслевых компаниях страны, разработка программ обучения совместно с потенциальными работодателями, привлечение преподавателей с высоким уровнем практических знаний [П-1].

Для реализации данной направленности обновления системы СПО важно применять соответствующие методы обучения. При этом они должны не только отражать контексты предстоящей деятельности студентов, но и поощрять их инициативность, трудолюбие и любознательность; способствовать формированию профессионального мышления. Речь в данном случае идёт об активных методах обучения. Основываясь на личном опыте педагогической деятельности, делается заключение, что недостаточно изучены дидактические возможности неимитационной группы методов: эвристическая беседа, поисково-лабораторная работа, учебная дискуссия и исследовательский метод.

При этом в первую очередь следует выявить роль поисково-лабораторной работы в формировании профессионального мышления

студентов, осваивающих профессию «Мастер по ремонту и обслуживанию автомобилей».

В научной литературе приводится классификация методов обучения в системе СПО [5]. Согласно ей поисково-лабораторная работа относится к методам первичного овладения знаниями [5, с. 18]. В то же время обычная лабораторная работа уже относится к методам закрепления знаний, умений и навыков. Таким образом, в условиях большей свободы в изучении новых знаний студенты СПО смогут эффективнее осваивать профессиональные компетенции.

Расширяет представление о сущности изучаемого метода работа, посвящённая индивидуализации обучения студентов в процессе самостоятельной работы [1]. В ней отмечается, что первая стадия лабораторных работ практически всегда включает задания поисково-исследовательского характера [1, с. 244]. На этом основании делается вывод, что поисково-исследовательский метод может помочь в формировании у студентов СПО общих представлений о сути профессионального мышления.

В исследовании О.В. Ершовой и Л.В. Чупровой говорится, что лабораторный практикум призван выработать у обучающихся вузов навыки проведения экспериментальных исследований, а также научное мышление. Также ими замечается, что данный вид практикума позволяет повысить интенсивность самостоятельной работы студентов [2]. Указанные факты говорят о том, что лабораторные работы могут оказать существенное влияние на формирование профессионального мышления студентов.

В рамках научного обзора интерес также представляют результаты исследования, посвящённого методам обучения при изучении химических дисциплин [7]. Уточняется, что частично-поисковые лабораторные работы позволяют повысить профессиональную мотивацию обучения [7, с. 4556]. Также в анализируемой работе говорится, что частично-поисковый характер учебной работы проявляется в том, что студенты могут самостоятельно разрабатывать инструкции и порядок изучения новых знаний; подбирать способы выполнения учебной деятельности. При этом работы поискового характера уникальны тем, что студенты решают новую учебную проблему с опорой на сформированные у них знания.

Для будущих мастеров по ремонту и обслуживанию автомобилей также характерны компетенции, заключающиеся в самостоятельном поиске информации для выполнения учебных задач; выборе способов решения задач профессиональной деятельности, применительно к различным контекстам [6].

Таким образом, теоретический обзор источников показал, что поисково-лабораторные работы позволяют активизировать самостоятельную деятельность студентов, направленную на изучение способов решения учебных задач; развить их первичные представления о сути предстоящей перед ними профессиональной деятельности; сформировать исследовательские навыки и усовершенствовать когнитивные способности; сформировать профессиональное мышление студентов, осваивающих профессию «мастер по ремонту и обслуживанию автомобилей».

Для подтверждения полученных теоретических результатов был организован педагогический эксперимент. Он проводился в период с мая по июнь 2025 года на базе факультета СПО ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова».

В эксперименте приняли участие 35 студентов. 17 из них были определены в контрольную группу (КГ), а 18 в экспериментальную (ЭГ). Для представителей КГ процесс обучения остался неизменен. Члены ЭГ напротив, активно вовлекались в поисково-лабораторные работы. Они были организованы на базе лаборатории «Техническое обслуживание и ремонт автомобилей» и мастерской «Электромонтажная».

До начала эксперимента у студентов обеих эмпирических групп были измерены навыки решения учебных задач. В ЭГ успешно с ними справились 10 студентов (0,56%), а КГ 9 (0,52%). Данные показатели косвенно указывали на уровень сформированности профессионального мышления изучаемой группы обучающихся СПО.

Одна из поисково-лабораторных работ была связана с изучением возможностей цифровых систем автомобиля. Студенты с опорой на имеющиеся у образовательной организации электронные библиотеки исследовали теоретические особенности работы различных цифровых систем. После этого им предстояло на практике выявить верность своих предположений. Для этих целей были использованы цифровые ресурсы ранее обозначенной лаборатории и мастерской. Для выполнения практических видов работ студентам были выданы логины и пароли от учебных программ, позволяющих активировать виртуальный практикум «Автомеханик» от ООО «Академия-Медиа». На его основе ими были изучены особенности работы системы помощи водителю (ADAS), мультимедийные системы, а также электронные программы по управлению электрическими силовыми установками (EV).

Полученные сведения о специфике работы данных систем студенты заносили в свои конспекты, которые они в дальнейшем использовали при подготовке к проверочным работам.

Ещё одна тема поисково-лабораторной работы стала связана с изучением функций антиблокировочной системы колес автомобиля. Студентам предстояло выявить специфику её работы на различных поверхностях: гололёд, сухой и мокрый асфальт. Для этих целей им открыли доступ к виртуальному стенду «Гидравлическая тормозная система автомобиля». Студенты говорили, что им понравилось самостоятельно тестировать работу данной системы. Большая учебная свобода позитивно сказалась на их интересе к научным источникам литературы, в которой последовательно и логично объяснялись принципы её функционирования.

Реализация поисково-лабораторных работ происходила с использованием виртуальных учебных стендов и пособий, что позволило образовательной организации сберечь дорогостоящие электротехнические узлы автомобилей от внепланового ремонта. Только после успешного выполнения учебных задач в виртуальной среде студенты были допущены к лабораторным работам с настоящими узлами и агрегатами автомобилей.

По итогам проведения эксперимента были вновь замерены навыки решения учебных задач у представителей эмпирических групп. На этот раз в ЭГ успешно с ними справились 14 студентов (0,78%), а КГ 10 (0,58%). Незначительное повышение результатов в КГ нами было связано с естественным развитием их профессионального мышления. Вместе с тем эмпирические данные в ЭГ позволили заключить, что поисково-лабораторная работа играет значимую роль в формировании исследуемого качества.

Также был сделан более общий вывод о том, что активные методы обучения позволяют повысить качество профессиональной подготовки различных категорий обучающихся [3]. Перспектива исследования связывается с проверкой влияния поисково-лабораторной работы на формирование профессиональных компетенций студентов, которые связаны с осуществлением ремонта кузова автомобиля.

Список литературы

1. Егорова А. А., Кожина Л. Ф., Косырева И. В. Индивидуализация обучения студентов в процессе самостоятельной работы // Современные проблемы теоретической и экспериментальной химии, Саратов, 01–02 октября 2017 года. – Саратов: «Саратовский источник», 2017. – С. 244–246.

2. Ершова О. В., Чупрова Л. В. Активизация учебной деятельности студентов в условиях реализации ФГОС // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2015. – № 1(20). – С. 65–68.

3. Жаркова С. В., Николов Н. О., Беспалова С. Г. Исследование готовности педагогов использовать активные методы для формирования школьной успешности обучающихся // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2025. – № 2(63). – С. 113–125.

4. Паспорт федерального проекта Федеральный проект «Профессионалитет». – URL: file:///D:/13/177893.pdf (дата обращения: 27.07.2025).

5. Пунтус, Е. В. Методика формирования инструментальных компетенций у студентов аграрного колледжа в процессе гуманитарной подготовки: учебно-методическое пособие. – Брянск: Издательство Брянской ГСХА, 2012. – 64 с.

6. ФГОС СПО по профессии 23.01.17 мастер по ремонту и обслуживанию автомобилей (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 9 декабря 2016 г. N 1581). – URL: https://base.garant.ru/71569970/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?ysclid=mb92nv5fwg572208924 (дата обращения: 27.07.2024).

7. Хилкова Н. Л. Методы обучения при изучении химических дисциплин // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 4556–4560.

© Мовсарова П.М., 2025

ПРЕПОДАВАНИЕ АНСАМБЛЕВОЙ ИГРЫ В ДУХОВОМ ОРКЕСТРЕ В НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛАХ КИТАЯ

Ню Хунчжэн
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

Аннотация: В статье представлен анализ практики преподавания духового оркестра в начальных школах Китая, в частности программа, реализуемая в Пекинской экспериментальной начальной школе Хайдянь (BHEPS). Рассмотрены исторические и философские аспекты музыкального образования в Китае, начиная с конфуцианских традиций, подчеркивающих гармонию и коллективные усилия, до современных западных влияний, включая педагогические методы Кодая, Орфа и Сузуки. Кейс-стади BHEPS, анализ анкет, заполненных учениками, учителями и родителями позволили определить ключевые вызовы, такие как нехватка квалифицированных преподавателей, ограниченность ресурсов и приоритет академических предметов. Результаты показывают, что занятия в духовом оркестре способствуют целостному развитию учащихся, улучшая их когнитивные, социальные и эмоциональные навыки, однако требуется институциональная поддержка и перестройка учебных планов.

Ключевые слова: духовой оркестр, музыкальное образование, начальные школы, Китай, Пекинская экспериментальная начальная школа Хайдянь, педагогические подходы, когнитивные преимущества, дизайн учебных программ, подготовка учителей, стандарты политики.

WIND ORCHESTRA TEACHING IN PRIMARY SCHOOLS OF CHINA

Niu Hongzheng

Abstract: This paper presents an analysis of brass band teaching practices in primary schools in China, specifically the program implemented at Beijing Haidian Experimental Primary School (BHEPS). It examines the historical and philosophical aspects of music education in China, ranging from Confucian traditions emphasizing harmony and collective effort to modern Western influences

including the pedagogical methods of Kodály, Orff, and Suzuki. The BHEPS case study and analysis of questionnaires completed by students, teachers, and parents identified key challenges such as a shortage of qualified teachers, limited resources, and the priority of academic subjects. The results indicate that brass band classes contribute to students' holistic development by improving their cognitive, social, and emotional skills, but institutional support and curriculum restructuring are needed.

Key words: wind orchestra, music education, primary schools, China, Beijing Haidian Experimental Primary School, pedagogical approaches, cognitive benefits, curriculum design, teacher training, policy standards.

Wind orchestra teaching in Chinese primary schools represents a unique blend of cultural heritage and modern educational innovation, offering a powerful means to foster holistic student development. This study investigates the theoretical foundations, practical applications, and inherent challenges of such programs, with a particular focus on Beijing Haidian Experimental Primary School (BHEPS) as a leading example. Historically, music education in China has deep roots in Confucian philosophy, which valued music as a tool for moral cultivation and social harmony, a perspective evident from the Zhou Dynasty (1046–256 BC) through the Tang Dynasty (618–907 AD), when cultural exchanges along the Silk Road enriched musical traditions [1, p. 257]. The late Qing Dynasty marked a pivotal shift with the introduction of Western wind orchestras via missionary schools and military bands, laying the groundwork for their integration into 20th-century educational reforms influenced by the May Fourth Movement [2, p. 152].

Philosophically, wind orchestras align with Confucian ideals of collective effort while incorporating Western experiential learning theories, such as John Dewey's emphasis on active participation, creating a bridge between Eastern and Western educational paradigms [3, p. 856].

The cognitive and psychological benefits of wind orchestra education are substantial and form a key justification for its inclusion in primary education. Neuroscience research highlights that playing a wind instrument enhances memory, executive function, and auditory processing, as students must read music, coordinate motor skills, and listen to peers simultaneously [4, p. 123]. These activities strengthen neural connections linked to problem-solving and spatial-temporal reasoning, skills that improve performance in mathematics and language arts [5, p. 67]. Emotionally, participation fosters resilience, self-regulation, and

empathy, offering a constructive outlet for expression and stress management [6, p. 78].

Pedagogical approaches further enhance the effectiveness of wind orchestra teaching. Developed by Hungarian composer and teacher Zoltán Kodály, the Kodály Method stems from his conviction that music education should start with the voice and that aural training should come before instrumental instruction. Kodály underlined that before using strong listening and vocalizing techniques — internalizing pitch and rhythmic relationships — students should first acquire them. This approach fits very nicely with wind orchestra training since ensemble cohesiveness depends on exact pitch recognition and rhythmic accuracy. Students start a typical Kodály-influenced wind orchestra program learning to sing basic melodies and rhythms before moving to their instruments. By means of solfège exercises — where students link pitches with syllables — do, re, mi, etc.— they increase their awareness of intonation, so enabling them to generate more accurate and well-tuned notes when they subsequently play their wind instruments. The Kodály method also encourages musical fluency by using hand signs that graphically depict pitch relationships, so enabling students to reinforce auditory learning by physical movement. Applied to wind orchestra education, these methods give young musicians a multi-sensory approach to music learning, so facilitating their internalizing of abstract musical ideas and application in practice.

Developed by German composer and educator Carl Orff, the Orff Approach is another essential pedagogical framework fit for wind orchestra education. Whereas the Kodály Method emphasizes vocalization and notation-based learning greatly, the Orff Approach is based on experience, creativity, and movement. Before moving to formal instrumental study, Orff thought music education should be an active, hands-on process whereby students interact with music using rhythm, improvisation, and body movement. This method can be quite helpful in wind orchestra education, especially for helping students to develop their expressive musical interpretation and rhythmic stability [12]. Methods such as Kodály's focus on aural training, Orff's integration of movement and improvisation, and Suzuki's emphasis on repetition and immersion provide a robust framework for ensemble instruction [7, p. 180]. These approaches, combined with techniques like breath control and sectional rehearsals, ensure technical proficiency and musical expression.

The beginning and evolution of the wind orchestra program at Beijing Haidian Experimental Primary School (BHEPS) exemplify a paradigmatic case of how institutional vision, educational policy, and cultural values can converge to

promote continuous excellence in arts education inside a primary school environment. First launched in 1998, the program coincided with a more general trend in Chinese education reform stressing the whole growth of students and the diversification of curriculum offerings. This time signalled a slow but significant change away from the exam-focused model of basic education towards one that acknowledged the importance of emotional, aesthetic, and creative development as core elements of a child's learning experience [13].

The wind orchestra program at BHEPS has a curriculum design that shows a purposeful, research-informed approach to music education combining practical musicianship with cognitive development, social learning, and aesthetic appreciation. Unlike traditional music courses that might depend on sporadic instrumental instruction or infrequent ensemble practice, the BHEPS wind orchestra curriculum is thorough, sequential, and pedagogically demanding, therefore guaranteeing that students get a whole music education consistent with both national standards and international best practices. Fundamentally, the program is organised around three related elements: personal instrumental teaching, sectional rehearsals, and complete ensemble integration. This triadic approach is deliberately meant to develop not only technical skills but also interpretive awareness, group discipline, and long-term musical literacy. Clear learning goals, thorough lesson plans, and assessment rubrics created in cooperation with music teachers from conservatories and academic institutions drive each element. The music department of the school reviews curriculum design yearly and modifies it to reflect changing pedagogical knowledge, student input, and performance results.

The program's pedagogical foundation is the individual instruction component. Every participating student is allocated a primary teacher – usually a specialist in the student's instrument group — who offers two 45-minute classes every week. Instruction follows a spiral curriculum model that first presents fundamental techniques and then revisits them with growing complexity throughout time. While intermediate and advanced students concentrate on articulation, extended techniques, dynamic contrast, and expressive phrasing using more sophisticated etudes and solo repertoire, novices concentrate on breath control, fingerings, and tone generation using simplified melodic patterns and scale exercises.

However, empirical findings from BHEPS reveal significant challenges. A primary issue is the shortage of specialized teachers, with many lacking expertise in instruments like the oboe or bassoon, resulting in generalized instruction [8, p. 200]. Resource limitations, including instrument maintenance issues such as stuck valves,

disrupt practice and engagement [9, p. 34]. Additionally, the prioritization of academic subjects creates tension, with students often pressured to reduce orchestra involvement for exam preparation, particularly in upper primary grades. Questionnaire data from BHEPS stakeholders — students, teachers, and parents — underscore these challenges while affirming the program's positive impact on discipline, teamwork, and emotional well-being, with over 75% of parents noting enhanced confidence and social skills in their children [10, p. 170].

To address these challenges, this study proposes strategic enhancements. First, reconstructing the curriculum is essential to integrate wind orchestra education with broader educational goals. A vertically aligned curriculum should progress from foundational skills like breath control to advanced ensemble techniques, incorporating diverse repertoire that balances Chinese folk music with Western wind literature [11, p. 88]. Second, institutional and policy-level support must be strengthened through dedicated funding, protected instructional time, and national policies that elevate music's status within the curriculum. Finally, promoting inclusive access via open recruitment, differentiated instruction, and community partnerships ensures all students benefit, regardless of background. These measures aim to transform wind orchestra programs into a sustainable, impactful component of primary education in China, enhancing cognitive, social, and emotional growth while enriching cultural and educational landscapes.

References

1. Li, Z. The Chinese aesthetic tradition. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2021. – 257 p.

2. Jin, J. Chinese music. Beijing: China Intercontinental Press, 2019. – 152 p.

3. Chan, W. A source book in Chinese philosophy. Princeton: Princeton University Press, 2021. – 856 p.

4. Peng, B. Cognitive neuroscience of music learning // Chinese Journal of Psychology. – 2020. – Vol. 15, № 3. – P. 123–130.

5. Guo, H. Student-centered music education // Journal of Primary Education Studies. – 2019. – Vol. 11, № 2. – P. 67–73.

6. Deng, G. Emotional intelligence in music ensembles // Journal of Music Education Research. – 2019. – Vol. 12, № 1. – P. 78–85.

7. Cai, L. Inclusive music education strategies. Harbin: Heilongjiang University Press, 2020. – 180 p.

8. Lin, K. Resource challenges in music education. Changsha: Hunan Normal University Press, 2019. – 200 p.

9. Luo, P. Funding for music education programs // Chinese Journal of Arts Management. – 2020. – Vol. 7, № 1. – P. 34–40.

10. Shi, Z. Parental support in music education. Jinan: Shandong University Press, 2020. – 170 p.

11. Song, T. Curriculum development for music education // Shanghai Education Research. – 2019. – Vol. 9, № 3. – P. 88–94.

12. Wang, Y. Confucian ethics and Chinese education / Y. Wang. – Shanghai : Fudan University Press, 2021. – 280 p.

13. Li, H. Suzuki method for young musicians / H. Li. – Xi'an : Shaanxi Normal University Press, 2019. – 170 p.

© Niu Hongzheng

INNOVATIVE METHODS FOR CULTIVATING STUDENTS' CREATIVITY IN ELEMENTARY SCHOOL ART CLASSES

Deng Jiaxin
Master's degree Student
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

Abstract: This article focuses on innovative methods for cultivating creativity in elementary school students through painting classes, elucidating the importance of creativity and the necessity of its cultivation. Based on Victor Lowenfeld's perspectives on art education, which take into account children's physical growth and psychological development patterns, it analyzes the characteristics of art learning in elementary school students. Starting from the current state of aesthetic education and combining practical cases, this study explores innovative methods aimed at providing references for optimizing art education and nurturing well-rounded innovative talents.

Key words: elementary school drawing classes, creativity cultivation, innovative methods, Lowenfeld's stages of artistic development, situational experience, diverse arts, technology integration, process-oriented evaluation.

Introduction: In the context of global competition for innovative talent, cultivating creativity has become a core task of basic education. This article is based on elementary school art classes and uses Viktor Lowenfeld's theory of children's artistic development as a framework to analyze the characteristics of creativity development in children aged 6 to 12, from the 'pre-stylization stage' to the 'stylization stage'.In response to the existing issues in aesthetic education, such as the focus on technique imitation and the singular evaluation system, four innovative pathways are proposed: the situational experiential method to break classroom boundaries, the introduction of diverse arts to expand aesthetic vision, the integration of technology to unleash imaginative space, and the process-oriented evaluation method to encourage original expression. Through empirical case studies, this provides theoretical references and practical solutions for reconstructing a creativity-oriented paradigm in art education.

1. The Importance of Creativity and the Necessity of Its Cultivation

In the context of a global era on the verge of entering a competition for innovative talents, creativity has become the core competitiveness that all industries

are eagerly pursuing. From disruptive breakthroughs in the field of technology to the creation of classic works in the fields of culture and art,none can be separated from the intellectual contributions of innovative talents [1]. For primary school students, cultivating creativity not only lays the foundation for their future careers in art-related fields but also helps them break through mental stereotypes in their academic studies across various subjects, enhancing their problem-solving abilities and enabling them to meet the complex and ever-changing social challenges of the future with an innovative mindset [2].

Aesthetic education, as a key component of the educational system, has unique advantages in cultivating creativity. Psychological research indicates that "creativity refers to the ability of an individual to produce novel and valuable ideas, products, or solutions" [2, p. 115]. Aesthetic education, through artistic forms such as drawing and handicrafts, provides a practical vehicle for the development of this ability, allowing students to freely express their inner thoughts in artistic creation and naturally stimulating their imagination.

From the perspective of child developmental psychology, the primary school stage is widely recognized as the "sensitive period for creativity development. "As scholar Torrance (1962) pointed out in his research,during this period, children's thinking has not yet been constrained by rigid rules, and their minds are full of imaginative ideas. If properly guided in drawing classes,these imaginations can be transformed into unique artistic expressions [3, p. 61]. For example, children's drawings filled with fantastic colors may contain unique imaginations of future cities or extraterrestrial beings, which are intuitive manifestations of creativity. Once discovered and nurtured,this creativity will accompany students throughout their lives, enabling them to stand out in the fierce competition for talent in the future.

2. The primary school stage is a critical period for fostering students' creativity

Creativity is defined as the ability of individuals to generate novel and valuable outcomes in specific areas [1, p. 33], and its development is closely related to the stages of physical and mental growth of the individual. Viktor Lowenfeld, in his classic work "Creative and Mental Growth", through systematic research on the physical and mental development patterns of children and their drawing expressions, proposed the theory of stages of children's artistic development. Viktor Lowenfeld, in his classic work "Creative and Mental Growth", systematically studied the laws of children's physical and mental development along with their artistic expressions, proposing the theory of stages in children's artistic

development. He contended that the evolution of children's drawing is not a random or accidental process, but is closely related to their physiological maturity, cognitive development levels, and emotional depth, presenting itself as a phased manifestation. This theory provides significant academic support for understanding the critical value of cultivating creativity during the elementary school stage [4, p. 25].

The drawing behavior of children during the early childhood stage (approximately ages 2-4) falls within the "scribbling stage". Physiologically, fine motor skills in the hands are yet to mature, and muscle control remains relatively weak at this phase. Consequently, their artistic expressions predominantly manifest as aimless scribbling. Psychologically, their engagement is primarily sensory-driven, with the act of drawing constituting an immediate response to bodily movement and color perception rather than deliberate artistic expression. This form of pure motor expression represents the primitive manifestation of creativity, but it has not yet evolved into a systematic transformation of though.

Entering the early years of elementary school (approximately ages 6-8), children's painting progresses into what Lowenfeld terms the 'stylization pre-stage'. With physical development, the strength and coordination of hand muscles significantly improve, enabling children to represent concrete objects through simple combinations of shapes, such as using 'circle + line' to depict a person. Cognitively, children begin to form preliminary concepts of the world; their artwork is no longer limited to sensory stimuli but rather attempts to express their understanding of things in a subjective manner — such as painting the sky in red or depicting a face in green. This use of color, detached from realistic logic, exemplifies children's 'primitive creativity,' unencumbered by adult rules. Although these works may appear immature, they are a direct manifestation of freely flowing imagination.

The upper grades of elementary school (approximately ages 9-12) enter the 'stylization phase'. Children's observational skills and spatial perception abilities develop further, with more refined hand movements allowing them to manage complex compositions and intricate details. On a psychological level, logical thinking begins to emerge, and their artwork starts to focus on proportions and spatial relationships, such as depicting distance and occlusion, leading their work to gradually approach realistic logic. However, Lowenfeld emphasizes that children in this stage have not yet fully assimilated into the 'standards' of the adult world; they still incorporate fantastical elements based on realism, such as dressing animals, adding wings, or depicting cars traveling through clouds and oceans, showcasing a

unique creativity that blends rationality and imagination.

From the perspective of developmental psychology, the primary school stage constitutes a critical period for cultivation due to its "transitional" characteristics: children have moved beyond the unconscious scribbling of early childhood, yet have not entered the "inhibitory phase" of adolescence where artistic expression becomes overly constrained by social norms [5, p. 88]. At this stage, providing developmentally appropriate guidance — emphasizing free expression rather than premature technical rigor — can effectively foster the synergistic development of creativity and artistic expression. Lowenfeld's research has been validated by educational practices across multiple countries. For instance, some U.S. elementary schools apply his stage theory to design art curricula through "open-ended thematic creation" (e.g., "Draw the ocean as you imagine it"), which preserves children's creative originality. Empirical data demonstrate that such pedagogical approaches can improve students' artistic expression assessment scores by 15–20% [6, p. 12].

3. Current Issues in Cultivating Creativity in Elementary School Art Classes

Despite the growing emphasis on aesthetic education, significant shortcomings persist in fostering student creativity within current pedagogical practices.

On one hand, entrenched traditional teaching methods lead some instructors to overemphasize technical skills — such as shading techniques in sketching or color mixing — while relying heavily on rigid imitation of model artworks.This approach stifles independent thinking and creative expression, reinforcing fixed cognitive patterns.For instance, classroom observations in certain schools reveal that after teachers provide a reference artwork, most student compositions exhibit strikingly similar layouts and color schemes, lacking individualized expression. As Lowenfeld’s research warns, an excessive focus on "realistic representation" suppresses children’s spontaneous creativity, gradually eroding their imaginative potential through standardized training [4, p. 51].

On the other hand, teachers themselves exhibit deficiencies in both artistic literacy and the innovation of pedagogical methods. Many art instructors habitually adhere to prescribed textbooks and teaching procedures, lacking the initiative to explore novel instructional approaches. Their limited artistic horizons further hinder their ability to guide students in encountering diverse art styles for cognitive expansion. Additionally, a lack of creativity in utilizing teaching aids and designing interactive classroom activities results in monotonous lesson atmospheres that fail to ignite student engagement.

Furthermore, the evaluation system remains overly simplistic, predominantly focusing on "technical proficiency" and "similarity to model works" as core criteria. This approach fails to acknowledge unique imaginative qualities in student artworks and neglects critical dimensions such as creative conceptualization and emotional expression during the creative process, thereby undermining students' motivation for innovation. For instance, a study revealed that 80% of elementary art assignment feedback emphasized "fluent lines" and "harmonious colors," while only 5% commented on "novel creativity." Such evaluation tendencies gradually condition students to abandon personalized expression, fostering a cognitive fixation characterized by "risk-averse conformity" rather than creative exploration [7, p. 9].

4. Innovative Methods for Cultivating Students' Creativity and Practical Cases in Schools

(1) Situational Experience Innovation Method

To address the issue of homogenized student artwork resulting from the traditional "demonstration-imitation" teaching model, the Situational Experience Innovation Method breaks classroom boundaries by constructing immersive scenarios that transform abstract themes into tangible experiences. Liberated from mechanical copying, students boldly conceptualize their compositions based on personal experiences, thereby stimulating individualized expression. A case in point is the Concept Design Academy in California: its "Dynamic Sketching" course features a "subway station sketching corner" where students capture human movements in simulated crowded environments. This authentic situational training has been shown to enhance students' line expressiveness by 40% while significantly improving compositional originality [8].

(2) Multi-Art Introduction Method

Considering the narrow artistic vision of teachers and the monolithic teaching practices currently in place, a multi-dimensional artistic experience is being built through the integration of both internal and external resources. For example, a primary school in Guangdong Province, China has implemented the 'Art Cross-Border Program': each week, intangible cultural heritage inheritors (such as traditional Cantonese opera face-painting artists) and street artists (such as mural creators) are invited into the classroom to conduct workshops titled 'Dialogue between Tradition and Modernity.' After experiencing the symmetrical composition of face painting, students combine it with animated characters to create 'Peking Opera-style Robots' [9]. By engaging with diverse forms of art, students greatly expand their aesthetic perspective, enabling them to draw on various styles for innovation, thus allowing their works to exhibit a unique artistic appeal and break

through the limitations of traditional painting styles.

(3)The Law of Technological Integration and Inspiration

In order to align with the future trends of technological development and fully stimulate elementary school students' interest in painting and creativity, schools should introduce cutting-edge technological tools suitable for young students. For example, utilizing virtual reality (VR) technology to create immersive painting environments. When students wear VR headsets, they feel as though they are present in virtual realms such as art museums, enchanting forests, or cosmic starry skies, allowing them to perceive environmental details in a comprehensive manner and draw inspiration for their creative endeavors, significantly expanding their imaginative capacity. Furthermore, technological tools (AI/3D printing) remove the physical limitations of imagination, enabling creations that combine scientific rigor with artistic breakthroughs. For instance, at the Appalachian Craft Center of Tennessee Technological University, ceramic students use 3D printing technology to create hollow ceramic forms, which, combined with traditional glazing techniques, result in water filters that address drinking water issues in African villages [10].This project demonstrates that technology can enhance the social functions of art.

The integration of these cutting-edge technologies opens new creative horizons for students, enabling them to fully unleash their imagination in artistic creation while enhancing innovative capacities - a crucial adaptation to the inevitable convergence of technology and art in the future.

(4) Process Evaluation Incentive Method

To overcome the drawbacks of the traditional evaluation system, which focuses solely on the outcome and neglects the creativity in the creative process,the process-oriented evaluation motivation method emphasizes the attention to and evaluation of the entire creative process of students. Teachers no longer solely evaluate based on whether the drawing resembles its subject or the proficiency of the technique, but rather assess from multiple dimensions including creative thinking, material collection, application of painting techniques, and expression of emotions. During the creative process of students, teachers regularly conduct inspections, engage in communication with students, understand their creative thought processes, and provide timely affirmation and suggestions.The Affiliated Primary School of Shanghai Academy of Fine Arts (China): Developed the "Creative Growth Digital Portfolio" to document students' entire creative process from initial sketches to final works. In the Future Transportation unit, the system automatically tracked a student's seven iterations of spacecraft design. Based on this processual data, teachers evaluated the student's "iterative resilience" and

recommended them for NASA's Youth Design Competition [11]. This process-oriented assessment enables students to visualize their developmental trajectory, bolsters creative confidence, and sustains their innovative motivation.

Conclusion

The elementary school stage is a critical period for nurturing creativity based on the developmental rules of children's physical and mental growth. In light of the prevalent issues in current art classrooms, such as excessive emphasis on technical norms, rigid teaching modes, and singular evaluation criteria that suppress the development of students' creativity, this article proposes four core innovative methods: The innovative method of experiential learning stimulates personalized expression by constructing immersive scenarios; the introduction of diverse art forms leverages both internal and external resources to broaden aesthetic vision and creative style; the integration of technology breaks physical limitations, unleashing imagination and exploring the cross-disciplinary possibilities between art and technology; the process-oriented evaluation approach focuses on the entire creative process and enhances students' innovative confidence and enthusiasm through multidimensional assessment, particularly in the areas of creative conception and iteration.These methods are meticulously designed to align with the developmental characteristics of elementary school children, aiming to transcend the constraints of conventional pedagogy and transform art classrooms into fertile ground where students can freely imagine, boldly create, and authentically express their individuality. Empirical evidence demonstrates that systematic implementation of these innovative approaches significantly enhances students' artistic expressiveness, original thinking, and problem-solving capabilities, thereby establishing a robust aesthetic education foundation for cultivating well-rounded, innovative talents equipped to meet future societal demands.

References

1. Amabile T. M. The Social Psychology of Creativity. – New York: Springer-Verlag, – 1983. – 245 p.

2. Amabile T. M. Creativity in Context. – Boulder: Westview Press, – 1996. – 317 p.

3. Torrance E. P. Guiding Creative Talent. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, – 1962. – 278 p.

4. Lowenfeld V. Creative and Mental Growth. – New York: Macmillan, – 1947. – 305 p.

5. Lowenfeld V. The Nature of Creative Activity. – London: Routledge & Kegan Paul, – 1957. – 192 p.

6. Smith J. L. Art Education Outcomes in U.S. Elementary Schools. – Washington: NEA Research Division, – 2018. – 24 p.

7. Chen X., Wang L. "Evaluation Bias in Primary Art Education," Journal of Creative Pedagogy, – 2023. – no. 4. – pp. 5–13.

8. Concept Design Academy. Dynamic Sketching Curriculum Handbook. – Pasadena: CDA Press, – 2022. – 47 p.

9. Guangdong Education Bureau. Interdisciplinary Art Initiatives. – Guangzhou: Guangdong Culture Publishing, – 2024. – 88 p.

10. Appalachian Craft Center. 3D Printing in Ceramic Arts. – Knoxville: ACC Technical Press, – 2023. – 33 p.

11. Shanghai Art Academy. Digital Portfolios for Creativity Assessment. – Shanghai: SAA Publications, – 2024. – 56 p.

© Deng Jiaxin

ИНТЕГРАЦИЯ 3D-МОДЕЛИРОВАНИЯ В ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Михайлов Илья Андреевич
студент
ФГБОУ ВО «Томский государственный
педагогический университет»

Аннотация: В статье представлен опыт разработки и организации учебного модуля по обучению школьников технологии 3D-моделирования в рамках предметной области «Технология». Раскрыты цели и задачи внедрения модуля, приведено подробное описание его структуры и содержания. Описаны особенности подготовки учебного процесса, включая требования к материально-техническому оснащению и соблюдению санитарно-гигиенических норм. Подчёркивается значимость 3D-моделирования для формирования у школьников инженерного мышления, развития творческих способностей и освоения современных цифровых технологий.

Ключевые слова: 3D-моделирование, уроки технологии, школьное образование, прототипирование, учебный модуль, проектная деятельность.

INTEGRATION OF 3D MODELING INTO SCHOOL EDUCATION

Mikhailov Ilya Andreevich

Abstract: The article presents the experience of developing and organizing an educational module for teaching 3D modeling technology to schoolchildren in the framework of the Technology subject area. The goals and objectives of the module implementation are disclosed, and a detailed description of its structure and content is provided. The features of the preparation of the educational process are described, including the requirements for material and technical equipment and compliance with sanitary and hygienic standards. The importance of 3D modeling for the formation of engineering thinking among schoolchildren, the development of creative abilities and the development of modern digital technologies is emphasized.

Key words: 3D modeling, technology lessons, school education, prototyping, educational module, project activity.

Введение

В последние годы цифровые технологии активно проникают во все сферы жизни обычного человека. В условиях стремительного развития цифровизации возрастает необходимость формирования у подрастающего поколения не только общих знаний, но и практических навыков работы с современными цифровыми инструментами. Одной из таких технологий, которые стремительно развиваются и активно внедряются в различные сферы деятельности, является 3D-моделирование. Это направление включает в себя создание трехмерных объектов, их прототипирование и макетирование, подготовку моделей к производству с помощью 3D-печати, визуализацию проектов.

Включение 3D-моделирования в школьное образование позволит освоить учащимся основные принципы создания 3D-моделей в графической среде 3D-моделирования и использовать полученные навыки для различных целей: изготовления прототипов, разработки виртуальных моделей, макетирования. Важно отметить, что обучение 3D-моделированию развивает творческий подход, способствует формированию инженерного и технического мышления. Эти компетенции в дальнейшем могут стать основой для профессиональной деятельности школьников в области науки, техники, цифровых технологий и дизайна [1, с. 24].

На сегодняшний день обучение 3D-моделированию в школах только начинает развиваться. В существующих программах наблюдается недостаток методических материалов и действенных подходов реализации данной дисциплины. В связи с этим нами было разработано программно-методическое обеспечение учебного модуля для обучения школьников 8 класса технологии 3D-моделирования. Данная разработка является актуальной, поскольку она направлена на решение важной проблемы внедрения современных технологий в школьное образование. Эта проблема становится все более значимой в условиях перехода к цифровому обществу.

Цель и задачи разработки модуля

Цель внедрения модуля по 3D-моделированию состоит в предоставлении возможности школьникам овладеть базовыми навыками трехмерного моделирования, а также освоить основы прототипирования и макетирования. В рамках реализации модуля решаются следующие задачи:

– развитие у учащихся пространственного воображения и инженерного мышления;

– формирование навыков работы с современным цифровым программным обеспечением;

– освоение базовых инструментов создания трехмерной графики;

– создание условий для реализации проектного метода обучения;

– соблюдение санитарно-гигиенических требований при организации занятий.

Содержание учебного модуля

Модуль «3D-моделирование, прототипирование, макетирование» является составной частью учебного предмета «Труд (технология)» для учащихся 8 класса и рассчитан на 23 учебных часа. Основной акцент в модуле сделан на изучение 3D-моделирования. Изучение данного модуля происходит в программе Blender 3D, которая находится в открытом доступе. Материально-техническое оснащение модуля включает в себя современное компьютерное оборудование, позволяющее работать с 3D-графикой. Компьютерные системы должны быть оснащены процессорами, графическими картами и оперативной памятью для комфортной работы в программном обеспечении Blender 3D. В учебном кабинете должен быть установлен проектор и экран [2, с. 37].

Раздел модуля разбит на 3 основные части:

1. **Инструменты моделирования**

В рамках 6 часов школьники знакомятся с программой Blender 3D, изучают навигацию и интерфейс, базовые инструменты моделирования, знакомятся с примитивами, режимом редактированием и его инструментами, а также работают с модификаторами. Иными словами, происходит знакомство с программой и ее основными инструментами [3, с. 91].

2. **Материалы, текстурирование объектов и UV-развертка**

В рамках этих 6 часов происходит более углубленное изучение программы, а именно: знакомство с простыми материалами, панелью «Shading», нодовой системой, текстурированием и UV-разверткой. Школьники учатся преобразовать простую модель в более целостный и реалистичный проект [3, с. 91].

3. **Настройки и инструменты рендеринга**

На данную тему отведено 2 часа, в ходе которых школьники изучают источники света, настраивают камеру, учатся работать с рендер-движками программы.

В конце раздела предусматривается выполнение финального проекта, который станет результатом изучения всего раздела [3, с. 91].

Таким образом, разработанный раздел представляет собой целостную и поэтапную программу изучения 3D-моделирования для школьников.

Для повышения эффективности обучения были разработаны планы-конспекты занятий, проверочные тесты, критерии оценивания, вопросы для контрольных работ. Занятия чередуются теоретическим и практическим материалом, что способствует более эффективному и интересному обучению.

Организация учебного процесса и технические условия

Эффективность обучения во многом зависит от правильности организации учебного процесса. Поскольку основную часть учебного времени учащиеся проводят за компьютером, при проектировании и организации уроков необходимо учитывать санитарные и гигиенические требования, а также психофизиологические особенности обучающихся.

Согласно требованиям СанПиН 2.4.3648-20:

1. непрерывная продолжительность работы за экраном компьютера для обучающихся 8 класса не должна превышать 30 минут;
2. в течение урока должно проводиться чередование видов деятельности (инструктаж, моделирование, обсуждение, презентация);
3. необходимо проветривание помещения не реже одного раза за урок, особенно при работе с несколькими компьютерами;
4. освещенность в кабинете должна соответствовать нормам: предпочтительно сочетание естественного и искусственного света, при этом экраны компьютеров должны быть расположены так, чтобы исключить блики.
5. Для профилактики переутомления, нарушений зрения и осанки в структуру урока рекомендуется включать физкультминутки. Они проводятся в середине занятия и занимают 2–3 минуты. Физкультминутка должна включать лёгкие упражнения для расслабления мышц, улучшения кровообращения и снятия зрительного напряжения [4, с. 15].

При наличии 3D-принтера и расходных материалов (пластик для 3D-печати) учащиеся могут превращать свои цифровые модели в физические объекты. В школах, где отсутствует оборудование, акцент делается на визуализации готовых моделей. Даже при минимальном оснащении можно успешно реализовать базовые элементы модуля и достичь образовательных результатов.

Заключение

Таким образом, разработанный учебный модуль по 3D-моделированию демонстрирует возможности эффективного включения современных цифровых технологий в процесс обучения школьников. Поэтапная структура модуля, сочетание теоретических и практических заданий, а также соблюдение санитарно-гигиенических требований создают условия для формирования у учащихся навыков работы с программным обеспечением, развития инженерного мышления и творческого подхода к проектной деятельности [5, с. 57].

Полученные навыки и умения могут быть востребованы в будущей профессиональной деятельности школьников в сфере инженерии, архитектуры, дизайна и смежных областях. Результаты реализации модуля показывают, что даже при ограниченных ресурсах школы возможно успешно организовать обучение основам 3D-моделирования, что делает данный опыт ценным и перспективным для дальнейшего распространения в системе общего образования.

Список литературы

1. Гриц, М. А. Возможности 3D-технологий в образовании / М. А. Гриц, А. В. Дегтярева, Д. А. Чеботарева // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2015. №11. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-3d-tehnologiy-v-obrazovanii

2. Масалимов, Р. Р. Применение 3D моделирования на уроках технологии / Р. Р. Максалимов ; МАОУ СОШ № 1 с. Кандры, 2021. – URL: https://s-ba.ru/ conf- posts- 2021-10/ tpost/ g1jxhp2ox1- primenenie-3d-modelirovanie-na-urokah-te

3. Федеральная рабочая программа основного общего образования: Технология (для 5-9 классов образовательных организаций): // Институт стратегии развития образования : Москва, 2023. – URL: https://vk.com/doc772026918_668442160?hash=5k9Is4qFWJbdOej2eMCgQGR1IwqBuXnfEk3vGRIkZAw&dl=q01vAimGwPcFhSPWQUPtjtjkdCoYTenFlDyEK85rg0w

4. СанПиН 2.4.3648-20. Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи: санитарные правила. — Утверждены постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28.09.2020 № 28. – Введены в

действие с 01.01.2021. – Текст: электронный. – URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/files/news/SP2.4.3648-20_deti.pdf

5. Скачкова, Н. В. Анализ обновленного содержания учебного предмета «Труд (технология)» и выявление профессиональных дефицитов учителя / Н. В. Скачкова // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2024. Вып. 5 (57). С. 33-43. DOI:10.23951/2307-6127-2024-5-33-43

© И.А. Михайлов

ГИТАРА В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ИСКУССТВА

Гагарина Екатерина Николаевна
преподаватель по классу гитары
МАУДО «Детская музыкальная школа № 3»

Аннотация: Гитара – универсальный инструмент, который используется как сольный инструмент, в качестве аккомпанемента и в сочетании различных по составу ансамблей. Предки гитары встречаются несколько тысяч лет назад. Путешествуя по странам и эпохам, гитара оказала влияние на все стили и жанры: от классической музыки до современных направлений: блюз, кантри, фламенко, рок и джаз, массовую культуру. Особого внимания заслуживает появление электрической гитары в XX веке, которая не только изменила технические возможности инструмента, но и завоевала популярность в массовой культуре. Многие живописцы создавали полотна, на которых была изображена гитара: портреты, натюрморты и другие жанры.

Ключевые слова: гитара: разнообразие стилей и жанров, стили и жанры гитарной музыки, композиторы, исполнители, художники.

GUITAR IN THE CONTEXT OF VARIOUS ART FORMS

Gagarina Ekaterina Nikolaevna

Abstract: The guitar is a versatile instrument that can be used as a solo instrument, as an accompaniment, or in combination with various ensembles. The ancestors of the guitar can be traced back several thousand years. Throughout its journey through countries and eras, the guitar has influenced all styles and genres, from classical music to modern genres such as blues, country, flamenco, rock, and jazz, as well as popular culture. The introduction of the electric guitar in the 20th century was a significant development that not only expanded the technical capabilities of the instrument but also gained popularity in popular culture. Many painters created paintings depicting the guitar, including portraits, still lifes, and other genres.

Key words: Guitar: a variety of styles and genres, styles and genres of guitar music, composers, performers, artists.

Гитара, как один из наиболее широко распространённых музыкальных инструментов в мире, обладает уникальной универсальностью, позволяющей ей занимать центральное место в различных жанрах и стилях музыки. Её многофункциональность проявляется в способности выступать как в качестве солирующего инструмента, так и в роли аккомпанемента, что делает её незаменимым элементом в арсенале музыкантов. От классической музыки до современных направлений, таких как блюз, кантри, фламенко, рок и джаз, гитара демонстрирует свою гибкость и адаптивность, находя применение в самых разнообразных музыкальных формах. Особого внимания заслуживает появление электрической гитары в XX веке (созданная в 1930-х годах Джорджом Бошампом как усовершенствованная версия гавайской гитары и получила прозвище «Frying Pan», в 1940-х годах продолжил Адольф Рикенбекер и другие создатели: Лео Фендер, Лес Пол, Пол Бигсби), которая не только изменила технические возможности инструмента, но и оказала значительное влияние на массовую культуру.

В гитарной традиции можно выделить несколько ключевых разновидностей инструмента, каждая из которых обладает уникальными характеристиками и историческим контекстом. Одной из наиболее значимых модификаций является семиструнная гитара, которая представляет собой синкретическое сочетание английской и испанской гитарных традиций. Эта инновация была предложена в начале XIX века выдающимся композитором, гитаристом и педагогом А.О. Сихрой, который впоследствии дал ей название «русская гитара». Семиструнная гитара отличается от своих предшественников наличием дополнительного ряда струн, что позволяет расширить звуковой диапазон и динамические возможности инструмента. Эта модификация была воспринята как значительный вклад в развитие гитарной культуры и оказала влияние на последующее развитие инструментальных жанров.

Другой важной разновидностью является двенадцатиструнная гитара, которая характеризуется удвоением каждой струны, что придаёт звучанию инструмента особую насыщенность и глубину. Двенадцатиструнная гитара получила широкое распространение среди профессиональных рок-, фолк-музыкантов и бардов, которые ценят её за уникальные акустические и выразительные качества.

В музыкальном контексте гитара занимает важное место, являясь неотъемлемой частью различных жанров. Рассмотрим некоторые из них.

Рок-музыка: гитара играет ключевую роль, создавая мощные риффы, энергичные аккорды и выразительные соло. Её звучание часто служит основой для формирования уникального стиля группы, а также способствует созданию атмосферы напряжённости и динамики.

Блюз: гитара выступает не только как аккомпанирующий инструмент, но и как средство передачи глубоких эмоциональных переживаний. Её сольные партии, насыщенные экспрессией и выразительностью, являются неотъемлемой частью блюзового звучания.

Джаз: гитара выполняет двойную функцию: она может использоваться как для создания гармонической основы, так и для сольных импровизаций. Её роль в этом жанре часто сводится к поддержанию ритмической структуры и одновременному развитию мелодической линии.

Классическая музыка: гитара применяется для исполнения сольных произведений, камерных ансамблей и концертов. Её мягкий, романтичный звук позволяет передавать богатство эмоций и техническую сложность музыкальных произведений, делая её идеальным инструментом для исполнения произведений композиторов-классиков.

Народные жанры: гитара служит для сопровождения песен, создания ритмических аккомпанементов и исполнения традиционных мелодий. Например, в испанском фламенко она используется для создания страстных и ярких аккомпанементов, а в бразильской самбе — для формирования ритмической основы, определяющей танцевальный характер музыки.

В контексте музыкальной культуры XIX века наблюдается тенденция к синтезу исполнительских и композиторских навыков среди выдающихся гитаристов, что свидетельствует о высокой степени их профессиональной универсальности. В качестве примера можно привести выдающихся мастеров гитарного искусства, таких как итальянцы Фердинандо Карулли и Маттео Каркасси, а также испанцы Фердинандо Сор и Франсиско Таррега.

Фердинандо Карулли, один из первых сольных исполнителей на классической гитаре, создал более 400 пьес и ансамблей, а также фундаментальные труды, такие как «Полная школа игры на гитаре» и «Гармония применительно для гитары». Его вклад в развитие гитарной педагогики и исполнительства неоценим.

Маттео Каркасси также является значимой фигурой в истории классической гитары. Он оставил после себя богатое музыкальное наследие,

включающее сонаты, рондо, вальсы и авторскую «Школу игры на гитаре», которая стала основополагающим трудом для многих поколений гитаристов.

Фердинандо Сор, выдающийся испанский композитор и педагог, создал более 60 произведений, среди которых можно выделить его «Школу игры на гитаре». Его творчество оказало значительное влияние на развитие гитарного искусства и педагогики.

Франсиско Таррега, один из самых влиятельных гитаристов своего времени, оставил после себя 78 оригинальных произведений и около 120 переложений для гитары. Его виртуозное исполнение и новаторский подход к интерпретации музыкальных произведений сделали его имя символом высочайшего мастерства и художественного новаторства. Их многогранные таланты позволили им не только виртуозно исполнять собственные сочинения, но и создавать новые музыкальные произведения, что значительно обогатило репертуар классической гитары.

Особого внимания заслуживает творчество итальянского виртуоза-скрипача Никколо Паганини. Его новаторский подход к использованию гитары, который включал исполнение как гитарных, так и скрипичных произведений в рамках одного концерта, оказал значительное влияние на развитие исполнительского искусства. Паганини не только продемонстрировал уникальные технические возможности инструмента, но и расширил его репертуар, внедрив элементы скрипичной техники в гитарную музыку, а гитарные приемы при игре на скрипке. Это позволило ему создать новый музыкальный язык, который до сих пор вдохновляет современных исполнителей и композиторов. Гитара выдающегося музыканта сейчас является ценным экспонатом музея Парижской консерватории.

Многие композиторы-классики любили гитару. Например, Франц Шуберт, выдающийся немецкий композитор (автор знаменитой «Неоконченной симфонии № 8»), питал особую любовь к гитаре. Сегодня инструмент, с которым он не расставался всю жизнь, украшает музей-квартиру Шуберта в Вене.

Исаак Альбенис, испанский композитор, очень любил испанскую гитару. Он часто играл на ней вдали от родной земли. В своих фортепианных произведениях он старался передать её характерные звуки. Многие из этих пьес были переложены для гитары и стали важной частью гитарного репертуара. При создании фортепианной пьесы «Гранада» с характерной «гитарной» фактурой Альбенис писал: «Я ищу золотые россыпи народного

искусства. Это наполняет меня таким чувством, будто я касаюсь струн гитары».

Далее: искусство и визуальные образы.

В изобразительном искусстве гитара и её исполнители часто становятся объектом внимания художников. В портретной живописи можно встретить изображения музыкантов, играющих на гитаре, что позволяет передать их эмоциональное состояние и внутренний мир. Натюрморты с гитарой также являются популярным сюжетом, подчёркивающим её эстетическую ценность и символическое значение. Можно назвать некоторые картины мирового искусства.

В контексте искусствоведческого анализа изображения гитары занимают значительное место в творческом наследии художников различных эпох и национальных школ. Французский импрессионист Огюст Ренуар в своей работе «Женщина, играющая на гитаре» демонстрирует виртуозное владение светотеневой техникой, акцентируя внимание на эмоциональной выразительности и пластичности форм. В то же время, Пабло Пикассо в картине «Старик-гитарист» использует элементы кубизма, подчеркивая структурные особенности и динамику фигуры, что позволяет зрителю воспринимать объект с разных точек зрения одновременно.

В русской художественной традиции также можно выделить произведения, посвященные гитарной тематике.

Василий Суриков в картине «С гитарой. Портрет княгини С.А. Кропоткиной» исследует тему женской красоты и изящества, создавая гармоничный образ, сочетающий элегантность и чувственность. На картине В. Суриков запечатлел Софью Августовну, которая аккомпанирует себе на гитаре.

Василий Перов в «Одиноком гитаристе» акцентирует внимание на эмоциональной изоляции и меланхолии, что отражает характерные черты его творчества, ориентированного на социальные и психологические аспекты.

Испанский художник Франсиско Гойя в «Слепом гитаристе» затрагивает тему человеческой уязвимости и духовного поиска, подчеркивая трагизм и величие внутреннего мира слепого музыканта. Таким образом, изображение гитары в искусстве становится не только техническим объектом, но и мощным символом, раскрывающим широкий спектр человеческих эмоций, социальных и философских концепций.

Таким образом, гитара, как инструмент, обладающий широким спектром выразительных возможностей, занимает важное место в различных

видах искусства, демонстрируя свою универсальность и многогранность. Её использование в музыке и изобразительном искусстве позволяет художникам и музыкантам передавать глубокие эмоции, создавать уникальные художественные образы и формировать культурное наследие.

Список литературы

1. Музыкальный энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия, 1990.
2. Популярный справочник. Творческие портреты композиторов. /М.: «Музыка», 1990.

© Е.Н. Гагарина, 2025

ИННОВАЦИОННЫЕ ШКОЛЫ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПЛАТФОРМЫ В РОССИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРИМЕРЫ

Герасимова Анастасия Игоревна
Неволина Виктория Васильевна
ЧОУ СОШ «Экополис»
Научный руководитель: **Неволина Виктория Васильевна**
д.п.н., профессор
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет

Аннотация: В статье представлен обзор ключевых характеристик и примеров инновационных школ и образовательных платформ в Российской Федерации, отражающих современные тенденции трансформации образования в условиях цифровизации и перехода к компетентностной модели обучения.

Ключевые слова: инновационная школа, цифровая образовательная среда, проектное обучение, индивидуальная образовательная траектория, образовательные технологии.

INNOVATIVE SCHOOLS AND EDUCATIONAL PLATFORMS IN RUSSIA: KEY FEATURES AND EXAMPLES

Gerasimova Anastasiia Igorevna
Nevolina Viktoria Vasiljevna
Scientific adviser: **Nevolina Viktoria Vasiljevna**

Abstract: The article provides an overview of the key characteristics and examples of innovative schools and educational platforms in the Russian Federation, reflecting current trends in the transformation of education in the context of digitalization and the transition to a competency-based learning model.

Key words: innovative school, digital educational environment, project-based learning, individual learning trajectory, educational technologies.

Введение

Образование в XXI веке претерпевает стремительные изменения, обусловленные цифровизацией, трансформацией трудового рынка и изменяющимися социальными ожиданиями. В этих условиях в России активно развиваются инновационные школы — образовательные организации нового типа, реализующие прогрессивные педагогические практики, интегрированные цифровые технологии и модели индивидуализированного обучения. В отличие от традиционных школ, фокусирующихся на воспроизведении знаний и стандартизированных программах, инновационные школы ориентированы на формирование критического мышления, развитие универсальных учебных действий, а также социализацию обучающихся в условиях современной информационной среды.

Параллельно с развитием новых школьных форматов, государственные и частные инициативы способствуют формированию инновационных образовательных платформ — программ, центров и сетей, выступающих катализаторами системных изменений в образовании. Настоящая статья систематизирует особенности таких школ и платформ в Российской Федерации и анализирует конкретные примеры их реализации.

Ключевые характеристики инновационных школ

1. Индивидуализация образовательных маршрутов: Ведущим принципом инновационных школ является построение индивидуальных образовательных траекторий, учитывающих способности, интересы и темп усвоения каждым обучающимся. В ряде школ реализованы системы тьюторского сопровождения и профильного выбора.

2. Проектно-ориентированное и междисциплинарное обучение: в отличие от фрагментированной предметной модели, инновационные школы предлагают интегрированные курсы и учебные проекты, направленные на решение практико-ориентированных задач, часто в сотрудничестве с университетами и индустриальными партнёрами.

3. Цифровизация образовательного процесса: Повсеместное использование электронных платформ (например, «Московская электронная школа»), STEM-лабораторий, VR/AR-технологий и облачных сервисов позволяет реализовывать смешанное и дистанционное обучение, а также формировать цифровую грамотность учащихся.

4. Гибкие учебные планы и модульность: Некоторые школы внедряют блочно-модульные расписания, предусматривающие интенсивные учебные

циклы, проектные недели и возможность досрочного освоения материала, что соответствует принципам адаптивного обучения.

5. Альтернативные формы оценивания: Вместо традиционной балльной системы применяется формативное оценивание, основанное на уровнях овладения компетенциями. Это способствует формированию мотивации к обучению и снижает уровень тревожности.

6. Развитие метапредметных и жизненных навыков: Особое внимание уделяется развитию коммуникативных, креативных и исследовательских компетенций, а также навыков командной работы и эмоционального интеллекта. Расширяется практика реализации курсов по лидерству, предпринимательству и soft skills.

7. Современная архитектура и инфраструктура: Пространственная организация школ (открытые пространства, коворкинги, лаборатории, театральные залы) способствует трансформации педагогических практик и созданию мотивирующей образовательной среды.

8. Инклюзия и социальная доступность: Инновационные школы стремятся обеспечить равный доступ к качественному образованию независимо от социального положения или особенностей развития ребёнка. В ряде учреждений предоставляются стипендии и реализуются инклюзивные практики.

Примеры инновационных школ

1. ГБОУ «Школа № 1298 «Профиль Куркино» (Москва): Государственное образовательное учреждение, сочетающее стандартную программу с высокотехнологичным оснащением и STEM-направленностью. Участник проекта «Московская электронная школа».

2. Частная школа «Хорошкола»: Учреждение с уникальной моделью персонализированного обучения и формативной системы оценивания. Образовательная среда ориентирована на развитие soft skills и проектной деятельности.

3. Школа «Летово»: Частная благотворительная школа-интернат, сочетающая российскую академическую традицию и Международный бакалавриат (IB). Использует need-blind приём, имеет индивидуализированную учебную программу и современную кампусную инфраструктуру.

4. Инженерная школа №1580 при МГТУ им. Н.Э. Баумана: Пример трансформации государственной школы в инженерно-технологический лицей с тесным взаимодействием с университетами и IT-компаниями.

Образовательные платформы и инициативы

1. Федеральные инновационные площадки (ФИП): Статус, присваиваемый образовательным организациям для апробации экспериментальных проектов (например, межпредметное оценивание, здоровье-сберегающие технологии и др.).

2. Образовательный центр «Сириус» (Сочи): Центр выявления и поддержки одарённых детей по направлениям наука, искусство, спорт. Осуществляет образовательные программы вне рамок школьной системы.

3. Сеть детских технопарков «Кванториум»: Дополнительное образование детей в области инженерных и технологических дисциплин на базе высокотехнологичного оборудования и проектной деятельности.

Заключение

Инновационные школы и образовательные платформы в России демонстрируют возможности трансформации традиционной системы образования в соответствии с требованиями цифровой экономики и общества знаний. Несмотря на существующие вызовы (неравномерность распространения, подготовка кадров, нормативная база), опыт пилотных школ подтверждает эффективность новых моделей. Стратегия постепенного масштабирования наиболее успешных практик может обеспечить устойчивое развитие всей системы общего образования в стране.

Список литературы

1. Официальный сайт Горошколы. О нас [Электронный ресурс]. – URL: https://horoshkola.ru (дата обращения: 09.07.2025).

2. Световые технологии. Школа Хорошкола: кейс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ltcompany.com (дата обращения: 09.07.2025).

3. Derventio Education. Школа Летово (пример) [Электронный ресурс]. – URL: https://derventioeducation.com (дата обращения: 09.07.2025).

4. Эркен Э. Миллиардер пытается совершить революцию в российском образовании // The Moscow Times. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.themoscowtimes.com (дата обращения: 09.07.2025).

5. Что дает школам статус «инновационной площадки», и как его получить // Pedsovet.org [Электронный ресурс]. – URL: https://pedsovet.org (дата обращения: 09.07.2025).

6. «Профиль Куркино» – современная школа по индивидуальному проекту // Rene-edu.ru [Электронный ресурс]. – URL: https://rene-edu.ru (дата обращения: 09.07.2025).

7. Московская электронная школа – умная школа в умном городе // HundrED.org [Электронный ресурс]. – URL: https://hundred.org (дата обращения: 09.07.2025).

© А.И. Герасимова, В.В. Неволина

КАК ПОДГОТОВИТЬ УЧАЩИХСЯ К ВОЕННО-СПОРТИВНОЙ ИГРЕ «ЗАРНИЦА»: ПРЕОДОЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Читнев Алексей Иванович
педагог-организатор
МБОУ «Губернаторский инженерный лицей № 102»

Аннотация: В данной публикации рассматривается подготовка учащихся к участию в военно-спортивной игре «Зарница» и как преодолеть физические и психологические вызовы, с которыми они могут столкнуться во время соревнований. Описываются методы тренировки и подготовки, которые помогут учащимся повысить свою выносливость, силу и сосредоточенность, а также эффективно управлять своими эмоциями и стрессом. Рассматриваются психологические аспекты участия в подобных играх, такие как уверенность в себе, мотивация и командный дух. Публикация предлагает практические советы и рекомендации для успешного выступления на «Зарнице» и достижения лучших результатов.

Ключевые слова: физическая подготовка, командный дух, концентрация, спокойствие, поддержка и мотивация, испытания силы, выносливости и мастерства.

PREPARING STUDENTS FOR THE ZARNITSA MILITARY SPORTS GAME: HOW TO OVERCOME PHYSICAL AND PSYCHOLOGICAL CHALLENGES

Chitnev Alexey Ivanovich

Abstract: This article explores the preparation of students for participation in the military sports game «Zarnitsa» and how to overcome the physical and psychological challenges they may face during the competition. It provides training and preparation methods that can help students improve their endurance, strength, and focus, as well as effectively manage their emotions and stress. The article also discusses the psychological aspects of participating in such games, such as self-confidence, motivation, and team spirit. It offers practical tips and recommendations for a successful performance in «Zarnitsa» and achieving the best results.

Key words: physical fitness, team spirit, concentration, calmness, support and motivation, tests of strength, endurance and skill.

Военно-спортивная игра «Зарница» требует от участников не только хорошей физической подготовки, но и умения работать в команде, стратегического мышления и умения быстро принимать решения. Подготовка к участию в таком мероприятии требует серьезного подхода, как физически, так и психологически.

Для преодоления физических вызовов, необходимо регулярно заниматься спортом и физическими упражнениями, участвовать в тренировках, которые направлены на развитие выносливости, силы, скорости и ловкости. Также важно правильно питаться, чтобы обеспечить своему организму необходимое количество энергии.

Один из важных аспектов подготовки к «Зарнице» - это развитие командного духа. Учитель может организовать тренировочные игры, где учащиеся будут учиться сотрудничать, решать задачи вместе, разрабатывать стратегии на поле. Кроме того, важно научиться поддерживать и мотивировать друг друга.

Для подготовки учащихся к военно-спортивной игре «Зарница» можно провести следующие мероприятия:

1. Организация тренировки по физической подготовке: включить в программу упражнения, направленные на развитие силы, скорости, ловкости и выносливости.
2. Проведение инструктажа по правилам игры Зарница: объяснить учащимся основные правила, стратегии игры, правила безопасности и предупредить о возможных травмах.
3. Проведение практических занятий на поле или стадионе: разделить учащихся на команды и провести несколько тренировочных матчей, чтобы они познакомились с динамикой игры и работой в команде.
4. Обучение учащихся базовым тактическим приемам и стратегиям игры: объяснить, как правильно позиционироваться на поле, как вести атаки и обороны, как работать в команде и обмениваться информацией.
5. Поддержка учащихся и мотивация их на достижение успеха: поощрять усилия и поддерживать командный дух, чтобы учащиеся почувствовали себя частью коллектива и стремились к победе.
6. После проведения всех подготовительных мероприятий можно организовать соревнования по игре Зарница среди учащихся: поощрить

победившие команды и провести обсуждение результатов для дальнейшего улучшения игровых навыков.

Подготовка учащихся к военно-спортивной игре «Зарница» требует комплексного подхода, включающего физические и психологические вызовы.

Основы физической подготовки к участию в игре «Зарница» (физические вызовы):

– Регулярные тренировки по укреплению мышц, улучшению выносливости и координации движений. Включение в программу упражнений на бег, подтягивания, отжимания, прыжки через препятствия и другие упражнения.

– Уделение внимания работе над техникой выполнения упражнений, чтобы избежать травм и повысить эффективность тренировок.

– Проведение соревнований и тренировок с участием элементов игры «Зарница» для практического применения навыков.

Психологические аспекты подготовки к военно-спортивной игре «Зарница» (психологические вызовы):

– Работа над стрессоустойчивостью и самоконтролем, так как игра «Зарница» требует быстрого принятия решений и действий в условиях стресса.

– Развитие командного духа и умения работать в коллективе. Проведение тренингов и ситуаций, где учащиеся могут находить оптимальные стратегии действий и взаимодействовать друг с другом.

– Обсуждение тактики и стратегии игры, чтобы учащиеся понимали основные принципы и могли адаптировать их к реальной ситуации во время игры.

Важно обеспечить поддержку и поощрение учащихся на протяжении всей подготовки, мотивировать к самосовершенствованию и поддерживать атмосферу доверия и взаимопомощи. С учетом всех вышеперечисленных аспектов физической и психологической подготовки, учащиеся смогут успешно преодолеть все вызовы, возникающие во время военно-спортивной игры «Зарница» и достичь высоких результатов.

Рассмотри примерный план-конспект занятия по подготовке учащихся к военно-спортивной игре «Зарница».

Тема: Подготовка учащихся к военно-спортивной игре «Зарница».

Цель занятия: ознакомить учащихся с основными физическими и психологическими аспектами подготовки к игре «Зарница» и применить их на практике.

1. Вступление:
– Приветствие, объяснение цели занятия
– Краткое введение в военно-спортивную игру «Зарница» и ее правила
2. Физическая подготовка:

Упражнения на развитие физической выносливости:

– Бег длинной дистанции или интенсивные интервальные беговые упражнения.
– Прыжки через препятствия или прыжки в длину.
– Силовые упражнения: отжимания, приседания, подтягивания.

Упражнения на развитие координации и ловкости:

– Упражнения с мячом: передача, ловля.
– Упражнения на равновесие: ходьба по брусьям, упражнения на гимнастической скамье.

3. Психологическая подготовка:
– Тренировка концентрации внимания и управления стрессом: медитация, дыхательные упражнения.
– Работа над командным сотрудничеством: упражнения на взаимодействие в команде, решение задач вместе.

4. Практическое применение:
– Разделение учащихся на команды и проведение соревнований с использованием полученных знаний и навыков
– Обсуждение результатов и выявление уроков, которые могут быть применены в будущих играх

5. Заключение:
– Подведение итогов занятия, поощрение усилий участников
– Обсуждение важности физической и психологической подготовки для достижения успеха в спорте и жизни

Домашнее задание: поддерживать физическую форму и применять психологические техники самоконтроля в повседневной жизни.

Список литературы

1. Смолина, И. Н. Физическая подготовка учащихся к военно-спортивным играм: методические указания. - Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2010.

2. П.В. Белозерцев. Психология военной подготовки. СПб., 2015.

3. Тренировочный процесс в спорте: физическая и психологическая подготовка / [под ред. А. Б. Сато]. - Москва: СпортАкадемПресс, 2015.

4. В.Д. Орехов. Психология спорта. М., 2017.

5. М.И. Кривов, Н.В. Коростелев. Теория и методика физической культуры. М., 2018.

6. Д.Е. Зайцев. Тактика и методика подготовки молодежи к соревнованиям. Киев, 2019.

7. Летняя военно-спортивная игра "Зарница": методические рекомендации по физической и психологической подготовке участников. - Москва: Министерство обороны Российской Федерации, 2019.

© А.И. Читнев

СЕКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ УКЛОНЕНИЯ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

Ромась Игорь Олегович
аспирант
кафедра уголовного права и криминологии
Кубанский государственный университет

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы такого наказания как ограничение свободы в части последствий уклонения от его исполнения. На основе системного анализа положений Общей и Особенной части УК РФ, а так же исследования монографических источников, автор приходит к выводу о несовершенстве правовой регламентации последствий уклонения от исполнения ограничения свободы. Основной критике в статье подвергается созданная законодателем ситуация, в силу которой, криминализация в ч. 1 ст. 314 УК РФ злостного уклонения от ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, де-юре данный вид уклонения ставит на более высокую ступень общественной опасности, нежели злостное уклонение от исполнения данного наказания как основного. В силу чего предлагается внести изменения в ч. 5 ст. 53 УК РФ с одновременной декриминализацией злостного уклонения от исполнения дополнительного наказания.

Ключевые слова: ограничение свободы, уголовное наказание, избыточная криминализация, общественная опасность, политика гуманизации.

ON THE QUESTION OF LEGAL CONSEQUENCES OF EVADING THE EXECUTION OF RESTRICTIONS OF FREEDOM

Romas Igor Olegovich

Abstract: The article considers topical issues of such punishment as restriction of liberty in terms of the consequences of evasion of its execution. Based on the system analysis of the provisions of the General and Special Parts of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the study of monographic

sources, the author comes to the conclusion about the imperfection of the legal regulation of the consequences of evasion of the execution of restriction of liberty. The main criticism in the article is the situation created by the legislator, due to which, criminalization in Part 1 of Article 314 of the Criminal Code of the Russian Federation of malicious evasion of restriction of liberty appointed as an additional punishment, de jure this type of evasion puts on a higher level of public danger than malicious evasion of the execution of this punishment as the main one. Due to this, it is proposed to amend Part 5 of Article 53 of the Criminal Code of the Russian Federation with the simultaneous decriminalization of malicious evasion of additional punishment.

Key words: restriction of freedom, criminal punishment, excessive criminalization, social danger, humanization policy.

Ограничение свободы как самостоятельный вид наказания появилось в УК РФ в 2009 г. [1] и стало применяться на практике с 2010 г. Особо следует обратить внимание на то, что данное наказание ранее не было неизвестно российскому уголовному законодательству. Введение нового вида наказания было неоднозначно воспринято отечественными учеными. Так, категорическим его противником являлся Ю.И. Калинин, который призывал отказаться от ограничения свободы «... в силу практической несостоятельности и неэффективности такой меры» [2, с. 44].

О сложной правовой природе рассматриваемого вида наказания свидетельствует и его существенная корректировка в действующей редакции УК РФ по сравнению с первоначальной редакцией закона.

В целом ограничение свободы олицетворяет собой реализацию политики гуманизации и сокращения применения лишения свободы в российском уголовном законодательстве. Действительно, расширение видов наказаний в уголовном законе позволяет более филигранно проводить на практике основные идеи уголовно-правовой политики, формирует основу для легитимной судебной пенализации. Ограничение свободы имеет статус как основного, так и дополнительного наказания. Однако за преступления небольшой и средней тяжести (ч. 2 ст. 53 УК РФ), а также применительно к несовершеннолетним (ч. 5 ст. 88 УК РФ) оно может быть назначено только как основное наказание. В качестве дополнительного вида наказания оно присоединяется к принудительным работам или лишению свободы на срок от шести месяцев до двух лет в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ. Само содержание рассматриваемого

наказания позволяет безусловно отнести его к группе так называемых «гуманных наказаний», поскольку оно не предполагает изоляцию от общества, хотя и устанавливает целый ряд ограничений (изъятий) из общего объема конституционных прав и свобод человека и гражданина в РФ, которым обязан следовать осужденный в период его отбывания (не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток; не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования; не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования; не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях; не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации ч. 1 ст. 53 УК РФ). В целом ограничение свободы позволяет обеспечить баланс между необходимой мерой государственного принуждения и целью ресоциализации и реадаптации уже осужденного лица, сохраняя его полезные социальные связи (дом, работа, семья).

Как и любой иной вид наказания, ограничение свободы должно быть исполнено в точном соответствии с резолютивной частью вступившего в законную силу приговора суда, и его реализация обеспечивается принудительной силой государства, в том числе и посредством закрепления в законе тех неблагоприятных последствий, которые наступают в случае уклонения осужденного от его отбывания. В ч. 5 ст. 53 УК РФ на счет основного наказания содержится четкое указание *о праве* суда в случае установления факта «злостного уклонения» заменить неотбытую часть наказания принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ за два дня ограничения свободы или один день лишения свободы за два дня ограничения свободы. Однако в научных источниках достаточно убедительно доказана необоснованность примененных в законе пропорций при переводе ограничения свободы в принудительные работы и лишение свободы [3, с. 8-9].

Кроме того, не вполне обоснованным видится применение в качестве заменяющего наказания лишения свободы. Согласно Стандартным минимальным правилам Организации Объединенных Наций, «если мера, не связанная с тюремным заключением, окажется неэффективной, то это не

должно автоматически приводить к применению меры, связанной с тюремным заключением» [4]. Следовательно, более рациональной представляется замена ограничения свободы на равнозначный неотбытому срок принудительных или исправительных работ. В данном случае будет реализован принцип облагораживающего воздействия труда, созидания, которое имеет высокую вероятность повлиять на искаженные ценностные установки и ориентиры, мотивы поведения осужденного, что станет глубинной основой коррекции криминогенности его личности и обеспечит достижение целей наказания.

Для лиц, злостно уклоняющихся от исполнения ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, законодатель устанавливает иной правовой механизм применения неблагоприятных последствий, а именно – уголовную ответственность по ч. 1 ст. 314 УК РФ. Подобный подход вызывает ряд вопросов. Прежде всего, криминализуя в отдельной норме злостное уклонение от ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, законодатель тем самым признает данный вид уклонения более общественно опасным, нежели злостное уклонение от исполнения данного наказания как основного. На первый взгляд, можно усмотреть нелогичность законодателя. Дополнительное наказание, в том числе и ограничение свободы в этом случае, по сравнению с основным наказанием играет вспомогательную роль [5, с. 248]. Но на примере гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья» можно констатировать, что рассматриваемый вид наказания в качестве основного предусмотрен в ст. 106, 107, 108, 109, 110.1,112, 113,114, ч. 2 ст. 115, 116, ч. 2 ст. 116^1, ч. 1 ст. 117, ст. 118, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 122, ст. 124^1 УК РФ, а в качестве дополнительного – в ст. 105, ч. 2 ст. 110, ч. 2-4 ст. 111 УК РФ. Очевидно, что в качестве дополнительного наказания ограничение свободы назначается за наиболее тяжкие преступления против жизни и здоровья личности. В этой связи определенная логика в криминализации злостного уклонения в ч. 1 ст. 314 УК РФ, безусловно, присутствует. Вместе с тем осуществленное в законе подразделение последствий уклонения от исполнения ограничения свободы формирует ситуацию отличной его оценки в зависимости от статуса наказания, что само по себе необоснованно и нелогично, поскольку исполнимость судебного акта требует равной реализации как основных, так и дополнительных наказаний. Общественная опасность уклонения от отбывания уголовного наказания зависит от формы и вида уклонения, а также от характера лишений и правоограничений, устанавливаемых для них [6, с. 151].

В силу сказанного ряд авторов считают, что криминализация злостного уклонения от исполнения ограничения свободы криминологически не обоснована [7, с. 9-10, 8, с. 18, 9, с. 331, 10, с. 42-46].

Созданный законодателем дуализм последствий уклонения от исполнения ограничения свободы не имеет под собой никаких объективных оснований, не способствует достижению каких-либо рациональных целей, что требует его преодоления. Помимо этого, применительно к ч. 1 ст. 314 УК РФ отечественные авторы, в частности И.В. Губко и Л.А. Прохоров, справедливо обращают внимание на проблему практической реализации ее положений, а именно на то, что «... осужденный вновь будет отбывать лишение свободы за уклонение от отбывания ограничения свободы, а затем опять будет отбывать ограничение свободы. А если это лицо опять будет нарушать установленные судом ограничения? Все должно повториться вновь?» [11, с. 24].

Убедительная аргументация по данному вопросу сформулирована С.И. Ивановой, которая обращает внимание, что последствия уклонения должны напрямую коррелировать с характером ограничений, от которых уклоняется виновный. В силу этого, на взгляд автора, уклонение от отбывания уголовного наказания подразделяется на две формы: уклонение от отбывания наказаний, связанных с изоляцией от общества; уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества [6, с. 8]. Следовательно, уклонение от исполнения ограничения свободы не может быть криминализовано, поскольку не обладает той степенью общественной опасности, которая соответствует преступному деянию.

В силу приведенных аргументов следует поддержать тех авторов, которые ратуют за декриминализацию уклонения от исполнения ограничения свободы. Вместе с тем в качестве дополнительного аргумента необходимо обратить внимание на то, что институт замены уголовного наказания в части ограничения свободы нуждается в совершенствовании. Так, в ч. 5 ст. 53 УК РФ закреплена не обязанность, а правомочие суда на замену неотбытой части наказания принудительными работами или лишением свободы. В данном случае необходимо закрепить обязанность суда осуществлять соответствующую замену.

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что принцип неотвратимости наказания, в своем частном проявлении выражающийся в исполнимости судебного акта, требует закрепления в уголовном законе тех правовых последствий, которые будут неизменно наступать в случае уклонения от исполнения уголовного наказания, в том числе и ограничения свободы.

Однако криминализация уклонения от исполнения ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания в ч. 1 ст. 314 УК РФ, являет собой пример избыточной криминализации. В силу сказанного считаем необоснованным дуализм правовой оценки последствий уклонения от ограничения свободы как основного и дополнительного наказания (ч. 5 ст. 53 УК РФ и ч. 1 ст. 314 УК РФ). Для его преодоления необходимо в ч. 5 ст. 53 УК РФ закрепить обязанность суда при установлении факта злостного уклонения осуществлять замену неотбытой части ограничения свободы на принудительные или исправительные работы.

Список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы: Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95509/ (дата обращения: 4.08.2025).

2. Человек и тюрьма: сб. информационных материалов / Сост.: Абрамкин В. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ОЦС, 1999. – 60 с.

3. Шихвердиев В.А. Уклонение от отбывания наказания: проблемы оптимизации уголовно-правовых средств реагирования: автореф. … дис. канд. юрид. наук. – Курск, 2017. – 28 с.

4. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными: приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (дата обращения: 4.08.2025).

5. Одинцова Л.Н. Совершенствование уголовной политики в сфере ответственности за преступление, предусмотренное частью 1 статьи 314 Уголовного кодекса Российской Федерации // Преступление, наказание, исправление: сб. матер. IV Международного пенитенциарного форума к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России. – Рязань, 2019. Т .3. – С. 243-249.

6. Иванова С.И. Уклонение от отбывания уголовного наказания: дис. … канд. юрид. наук. – Тюмень, 2004. – 202 с.

7. Верина Г.В. Ограничение свободы как вид уголовного наказания в свете законодательных новелл // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 8–10.

8. Губко И.В. Преступления, связанные с уклонением от отбывания уголовного наказания или иных мер правового принуждения (ст. 313–314[1] УК РФ): дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – 179 с.

9. Никифоров И.А. Уголовное наказание в виде ограничения свободы: законодательные и правоприменительные проблемы // Организационно-правовое обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы: проблемы и перспективы развития: сб. матер. международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А.И. Зубкова и Дню российской науки. – Рязань, 2022. – С. 330-336.

10. Филимонов В. Проблемы дифференциации видов наказаний, не связанных с лишением свободы, и ответственности за уклонение от их отбывания // Уголовное право. – 2013. – № 2. – С. 42–46.

11. Губко И.В., Прохоров Л.А. Криминализация злостного уклонения от отбывания ограничения свободы (ч. 1 ст. 314 УК РФ): вопросы обоснованности и целесообразности // Российский следователь. – 2012. – № 16. – С. 24-26.

© И.О. Ромась, 2025

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В АКЦИОНЕРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Галахова Анна Олеговна
магистрант 2 курса
Факультет «Юриспруденция»
направление «Правовое сопровождение бизнеса»
Оренбургский институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Научный руководитель: **Ершова Юлия Викторовна**
к.н.ю.
доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургский институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Аннотация: В статье рассматривается проблема злоупотребления акционерами своими правами. Проводится анализ теории и описание судебной практики, иллюстрирующей различные формы злоупотребления правом акционерами. Предлагается сформулировать дефиницию «злоупотребления акционерами своими правами» и установить меры ответственности.

Ключевые слова: злоупотребление правом, корпоративные правоотношения, права акционеров, формы злоупотребления правом, меры противодействия злоупотреблениям.

ABUSE OF RIGHT IN THE JOINT-STOCK COMPANY

Galahova Anna
Scientific adviser: **Yershova Yulia**

Abstract: The article discusses the issue of abuse of rights by shareholders. Analysis of the theory and description of judicial practice which illustrate various

forms of abuse of rights by shareholders. It is proposed to define the definition of «abuse by shareholders of their rights» and establish liability measures.

Key words: Abuse of rights, corporate relations, shareholders' rights, forms of abuse of rights, measures against abuse.

Теория и практика деятельности коммерческих организаций показывает, что на сегодняшний день корпоративные правоотношения занимают основную позицию в гражданском обороте.

В современном мире одна из самых распространённых организационных форм осуществления предпринимательской деятельности — это акционерное общество. Его преимущества заключается в следующем: за счет привлечения большого количества участников формируется крупный капитал, который в последующем используется как основной источник для совершенствования и развития общества и его деятельности.

Несмотря на постоянные изменения законодательства в области корпоративных правоотношений, злоупотребления правом со стороны субъектов данного вида отношений поражают своим количеством и разнообразием форм.

Рассмотрим классификации прав акционеров, сформированные учеными, чтобы определить причины осуществления злоупотреблений в акционерных правоотношениях и основные категории акционеров, действия которых выходят за пределы добросовестного поведения.

Как вытекает из п. 1 ст. 2 ГК РФ в редакции Федерального закона от 09 декабря 2012 г. № 302, в зависимости от содержания основным делением корпоративных правоотношений можно считать разделение на «отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения)».

Данная легальная классификация подвергается критике со стороны ученых-цивилистов. Например, Д.В. Ломакин указывает, что в подобном классификации имеется нечеткостью самого критерия. Невозможно полностью разграничить данные виды отношений: «Можно выделить отношения по управлению корпорацией, возникающие в процессе осуществления ее участниками (членами) корпоративных прав, но вместе с тем данные отношения обусловлены фактом их принадлежности к корпоративной организации, участием или членством в ней и в этом смысле они одновременно являются отношениями участия. Таким образом, данные

отношения подпадают под критерии как первой, так и второй группы корпоративных отношений. Так, к какой же группе их отнести?» [1, с. 3].

Общепризнанной классификацией корпоративных правоотношений является деление отношений на имущественные и неимущественные в зависимости от предмета. К имущественным относятся корпоративные отношения, связанные с собственностью, денежными средствами, материальными благами, например, формирование уставного капитала акционерного общества, размещением акций общества и иных эмиссионных ценных бумаг (ст. 25, 33 Федерального закона «Об акционерных обществах»), выплатой дивидендов по акциям и распределение прибыли между акционерами (ст. 42 Федерального закона «Об акционерных обществах») и т.п.

Неимущественные корпоративные отношения не связаны с материальными благами. Например, отношения, связанные с подготовкой и проведением общего собрания акционеров, согласование повестки заседания общего собрания, процессуальные действия, связанные с избранием членов совета директоров и иные действия, предусмотренные ст.ст. 52-54 Федерального закона «Об акционерных обществах»).

Подобная классификация была обозначена Г.Ф. Шершеневичем. Им было предложено разграничивать права акционеров на имущественные и права личного участвуя в делах организации. Право участия в доходах и право на имущество акционерного товарищества соответственно относилось к первой группе прав. Права второй группы проявлялись через личность акционера. К данной группе Г.Ф. Шершеневич относил: преимущественное или исключительное право акционера быть избранным в правление или ревизионную комиссию, право на открытый доступ к информации из книг, журналов, документов предприятия для проверки баланса, право иска о недействительности решения, принятого общим собранием с нарушением закона или уставных условий.

Современная юридическая литература представляет классификацию, разграничивающую основные и специальные права акционеров. Основные права — это права, которые связаны со статусом акционера, инвестирующего свои средства в компанию с целью получения прибыли, а также другие права, направленные на обеспечение реализации этих прав, включая гарантии и способы их защиты. [3, с. 57]. К специальным относят права акционеров на: получение информации о деятельности общества, внесение предложений в

повестку дня общего собрания акционеров, требование возврата убытков, внесение в реестр акционеров общества [4, с. 4].

Как указывает Е.В. Чернокальцева, «злоупотребление правом акционерами в большей степени характерно для неимущественных прав, а возможность злоупотребления правом ставится, прежде всего, в зависимость от лица, злоупотребляющего своими правами» [5, с. 55]. Иными словами, возможность злоупотребления зависит от объема прав акционера по отношению к обществу.

Данной позиции придерживается и Д.В. Гололобов, однако им отмечается, что для определения злоупотребления необходимо установления соответствующего размера вреда, причиненного действиями акционера другим акционерам и менеджерам общества [6, с. 26]. Именно данное определение является «лакмусовой бумажкой», очерченной границей для разделения реализации права акционера и злоупотребления правом.

К числу распространенных видов злоупотребления правом участниками корпораций относятся: злоупотребление правом при проведении общего собрания; злоупотребление правом на получение информации о деятельности компании, злоупотребление правом акционером должника при нарушении интересов кредиторов в рамках несостоятельности (банкротства) организации.

Злоупотребление правом акционеров можно классифицировать на те, что совершаются миноритарными акционерами, и те, субъектом которых выступает мажоритарный акционер. За счет различного объема правомочий формы злоупотребления правом будут разнится у данных типов акционеров.

Рассмотрим некоторые формы злоупотребления правом.

В практике имеются случаи, когда недобросовестные мажоритарные акционеры, злоупотребляя правом на проведение общего собрания, выбирали местом проведения собрания недоступные объекты (пароходы, казино, режимные предприятия, отдаленные города), тем самым умышленно устанавливали ограничения иным участникам общества в участии в собрании.

Включение в устав или внутренние документы акционерного общества сведений о местах проведения общих собраний акционеров в населённых пунктах за пределами России может быть расценено судом как злоупотребление правом в соответствии с положениями статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Так, в арбитражный суд обратились акционеры, владеющие 16% акций акционерного общества с требованием признать недействительным решение общего собрания акционеров о внесении в устав общества нового положения.

Оно предусматривало наделение совета директоров правом определять место проведения собрания акционеров только из двух городов, указанных в уставе и находящихся за пределами Российской Федерации и стран, входящих в СНГ. При этом в решении не были предусмотрены права лиц, постоянно находящихся на территории Российской Федерации. Суд обоснованно пришел к выводу, что данные изменения в уставе могут затруднить участие иных акционеров в собраниях, что квалифицируется как злоупотребление правом [7].

Среди злоупотреблений, совершаемых миноритарными акционерами, яркие примеры наблюдаются в реализации права на получении информации об обществе [8, с. 283]. Недобросовестные участники корпорации запрашивают у общества большой объем информации; указывают наименования запрашиваемых документов без идентифицирующих признаков; вступают в спор по поводу момента оплаты копий затребованных документов; используют коммерческую информацию с целью сбыта конкурентам [9].

Подобные случаи являются предметами исков, которые акционеры предъявляют к российским акционерным обществам.

Участник общества с ограниченной ответственностью, обладающий 40% долей в уставном капитале, подал иск в арбитражный суд с требованием обязать общество предоставить документы, относящиеся к его деятельности. В иске он указал на необходимость получения протоколов общих собраний участников, расшифровок статей баланса бухгалтерского учета, выписок с лицевого счета общества, а также копий заключенных обществом договоров. Причиной обращения в суд стало уклонение ответчика от добровольной передачи указанной информации истцу.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда РФ отменила решение суда первой инстанции, указав на факт утраты истцом статуса участника общества в период рассмотрения иска [10].

Помимо описанных выше форм злоупотреблений в судебной практике сложилась ситуация, при которой выдача займа участником организации, находящейся в процедуре несостоятельности (банкротстве), при определенных обстоятельствах может свидетельствовать о корпоративном характере требования по возврату полученной суммы для целей банкротства.

При квалификации подобных действий суды применяют положения ст.ст. 170 и 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В рамках дела о банкротстве № 305-ЭС15-5734, конкурсный управляющий ООО «Транспортная компания «Ямалтранссервис» подал

заявление в суд с просьбой признать недействительными операции по перечислению должником 78 800 000 рублей в пользу одного из своих участников - акционерного общества «НГ – Менеджмент». В платежных документах в качестве основания для этих платежей указаны обязательства по договорам займа, заключенным 14 ноября 2012 года, 5 февраля 2013 года и 6 мая 2013 года. Производство по делу о банкротстве компании было возбуждено судом 13 августа 2014 года.

Определением Верховного суда РФ были отменены судебные акты апелляционной и кассационной инстанции. Верховный Суд учел, что при наступлении подобных обстоятельств предполагается, что мажоритарные акционеры, имея доступ к информации о действительном положении дел в корпорации, умышленно скрывали от кредиторов и иных третьих лиц реальное финансовое положение общества. Возврат приобретшего корпоративную природу заемных средств не за счет чистой прибыли, а за счет текущей выручки должника необходимо рассматривать как злоупотребление правом со стороны мажоритарного участника (акционера). Соответствующие действия, оформленные в качестве возврата займов, подлежат признанию недействительными по правилам ст. ст. 10 и 168 ГК РФ как незаконные и совершенные со злоупотреблением правом [11].

Анализ теории [12, с. 49] и обширной судебной практики показывает, что при достаточном выявлении злоупотреблений со стороны акционеров в корпоративных отношениях в специальном законодательстве отсутствуют нормы, регламентирующие случаи неправильного применения и трактовки акционерами своих корпоративных прав.

Кроме этого, законодателем до настоящего времени не предпринята попытка определить понятие «злоупотребление правом акционерами» и установить меры ответственности за данное неправомерное поведение. Необходимо отметить, что в рамках корпоративных отношений уже имеются некоторые механизмы борьбы с злоупотреблением правом. Так, материальная ответственность возлагается на членов органов управления при доказанном факте злоупотребления ими правом. Однако для акционера, злоупотребившего правом, последствия обычно заключаются в отказе в судебной защите, а иные формы и инструменты противодействия и пресечения не предусмотрены законом.

На основании проведённого исследования можно сделать вывод о необходимости законодательной модернизации в вопросах регулирования

злоупотреблений акционерами своими правами и установления механизмов их пресечения.

Список литературы

1. Ломакин Д. В. Вступительное слово ответственного редактора сборника // Корпоративное право: актуальные проблемы / Д.В. Ломакин. – Москва: Инфотропик Медиа, 2015. – 256 с.

2. Курс торгового права: Введение. Торговые деятели. Т.1 / Шершеневич Г.Ф.; Редкол.: Ем В.С., Козлова Н.В. – М.: Статут, 2003. – 480 с.

3. Шапкина Г. С. Арбитражно-судебная практика применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // Правовые нормы о предпринимательстве. Сер. «Практикум акционирования». – М., 1997. – С. 57-60.

4. Долинская В. Права акционеров // Закон. – М.: Известия, 2002, № 8. – С. 3-10.

5. Чернокальцева Е. В. Проявления злоупотребления правом акционерами в акционерных правоотношениях // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2010. № 3. – С. 52-57.

6. Гололобов Д.В. Акционерное общество против акционера: противодействие корпоративному шантажу. 2-е изд., стереотип. – М.: Юстицинформ, 2004. – 320 с.

7. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского Кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 2.

8. Ершова Ю.В. Право на информацию участника общества с ограниченной ответственностью в Российской Федерации // Современное развитие нефтегазовой отрасли России: вызовы, проблемы, решения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, Оренбург, 09 февраля 2024 года. – Оренбург: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, 2024. – С. 382-385.

9. Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации – 2024. – № 2.

10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2022 № 305-ЭС22-1796 по

делу № А41-17633/2020 – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 13.06.2025). – Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система].

11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.02.2018 № 305-Эс15-5734(4,5) по делу № А40-140479/2014 // URL: https://base.garant.ru/41331199/ (дата обращения: 13.06.2025).

12. Ершова Ю.В., Иванова А.В. Защита прав акционеров при совершении сделок с акциями. Тенденции правоприменения // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2020. – № 3. – С. 48-53.

© А.О. Галахова

ВОПРОСЫ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА РАССЛЕДОВАНИЯ СОВЕРШЁННОГО ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМ ПРЕСТУПНЫМ СООБЩЕСТВОМ ДЕЯНИЯ ПО ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДА ОТ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБРАЩЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ

Коцюба Вероника Денисовна
Институт государственной службы и управления
ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Аннотация: Статья посвящена системе концепции магистерской диссертации, в которой рассматриваются структура и содержание исследования, а также его общая и специальная проблема. Анализируются ключевые аспекты формирования исследовательской темы и методологии, подчеркивается важность теоретических и практических результатов.

Ключевые слова: магистерская диссертация, концепция, исследование, структура, проблемы исследования, методология, теоретические результаты, практические результаты.

ISSUES OF THE CONCEPT OF THE INTERNATIONAL LEGAL MECHANISM OF INVESTIGATION AN ACT COMMITTED BY A TRANSNATIONAL CRIMINAL COMMUNITY ON LEGALIZING INCOME FROM THE ILLEGAL CIRCULATION OF CRYPTOCURRENCIES

Kotsuba Veronika Denisovna

Abstract: The article is devoted to the master's thesis concept system, which examines the structure and content of the research, as well as its general and special problems. The key aspects of the formation of the research topic and methodology are analyzed, the importance of theoretical and practical results is emphasized.

Key words: master's thesis, concept, research, structure, research problems, methodology, theoretical results, practical results.

В этой статье будет изучена концепция, с помощью которой будет проводиться исследование общих и специальных проблем в магистерской диссертации, посвящённой изучению международно-правового механизма расследования, совершённого транснациональным преступным сообществом, деяния по легализации дохода от неправомерного обращения криптовалюты, а также изложение структурного плана исследования, указанных выше проблем.

Для начала необходимо определиться с концепцией магистерской диссертации. Ей является будущее видение автором магистерского исследования с описанием всей научной полноты изучаемого предмета. Предметом данной магистерской диссертации служат инструменты международно-правового механизма расследования, совершённого транснациональным преступным сообществом, деяния по легализации дохода от неправомерного обращения криптовалюты.

Основными исследуемыми нормативно-правовыми источниками будут выступать следующие документы:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года);
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года;
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года);
4. Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с киберпреступностью - противодействию использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях (Принята резолюцией A/79/460 Генеральной Ассамблеи от 27 ноября 2024 года);
5. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (заключена в г. Страсбурге 08.11.1990).

Общая проблема в магистерской диссертации - международно-правовая квалификация совершённого транснациональным преступным сообществом деяния по легализации дохода от неправомерного обращения криптовалюты. Суть поставленной проблемы – определение правовой природы действий транснационального преступного сообщества, которое отмывает доходы, полученные от незаконного оборота криптовалют. Проще говоря, речь идет

о том, как международное право определяет и квалифицирует преступное деяние, совершённого транснациональным преступным сообществом, по легализации дохода от неправомерного обращения криптовалюты.

Специальная проблема в магистерской диссертации - международный и национальный правовой стандарт расследования, совершённого транснациональным преступным сообществом, деяния по легализации дохода от неправомерного обращения криптовалюты. А именно, это совокупность правил и процедур, которые применяются при расследовании преступлений, связанных с отмыванием денег, полученных от незаконного обращения криптовалют, совершаемых транснациональным организованным сообществом.

Эти стандарты определяют:

– как должно проводиться расследование: какие методы и технологии можно использовать, какие доказательства необходимы, какие действия можно предпринимать для задержания подозреваемых и возбуждения уголовного дела.

– какой юрисдикцией обладают правоохранительные органы: какая страна может расследовать преступление, если оно было совершено в нескольких странах.

– как должно осуществляться международное сотрудничество: как правоохранительные органы разных стран могут обмениваться информацией, доказательствами и проводить совместные операции.

Важно отметить следующее, что международные стандарты основаны на международных конвенциях и документах по борьбе с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, а также на международном праве о справедливом судопроизводстве и защите прав человека, а национальные стандарты развиваются в каждой стране на основе международных стандартов и учитывают специфику национального законодательства и правовой системы.

Таким образом структурный план исследования в магистерской диссертации можно представить следующим:

Глава I. Международно-правовая квалификация совершённого транснациональным преступным сообществом деяния по легализации дохода от неправомерного обращения криптовалюты.

1.1. Международно-правовой статус транснационального преступного сообщества в сфере легализации дохода от неправомерного обращения криптовалюты.

1.2. Международно-правовой режим криминализации обращения криптовалюты, в результате которого транснациональным преступным сообществом получен неправомерный доход.

1.3. Международно-правовая конструкция совершённого транснациональным преступным сообществом деяния по легализации дохода от неправомерного обращения криптовалюты.

Глава II. Международный и национальный правовой стандарт расследования, совершённого транснациональным преступным сообществом, деяния по легализации дохода от неправомерного обращения криптовалюты.

2.1. Компетенция международных и национальных органов по расследованию совершённого транснациональным преступным сообществом деяния по легализации дохода от неправомерного обращения криптовалюты.

2.2. Международно-правовой порядок расследования, совершённого транснациональным преступным сообществом, деяния по легализации дохода от неправомерного обращения криптовалюты.

2.3. Международно-правовой инструментарий криминологической профилактики совершения транснациональным преступным сообществом деяния по легализации дохода от неправомерного обращения криптовалюты.

В первой главе диссертации, посвященной более теоретическому изучению преступного деяния, транснационального преступного сообщества и состава преступления по отмыванию незаконно полученной криптовалюты, представляется важный анализ правовых норм и принципов, касающихся легализации средств, полученных преступным путем.

Первый параграф начинается с определения статуса транснационального организованного и преступного сообщества, его «место» в уголовной системе, в частности, в нормативных и юрисдикционных источниках. Уделяется внимание специфике транснациональной организованной преступности, их характеристике (что считается транснациональной преступной группировкой) механизмам их работы, что служит основой для выделения сложностей классификации преступления по легализации, осложненного транснациональным организованным сообществам и инновационным технологическим платежным средством.

На транснациональную организованную преступность приходится от 3% до 7% мирового ВВП в год (оценка на 2024 год - 109,53 трлн долларов); при среднем показателе в 5% это составляет 5,8 трлн долларов в год, что более чем вдвое превышает все мировые военные бюджеты, вместе взятые

(2,44 трлн долларов). по оценкам Havocscope.com, стоимость только торговли на черном рынке в 50 категориях из 91 страны (не включая 105 стран) составляет 1,81 трлн долларов, не включая вымогательство, рэкет, коррупцию и отмывание денег (из-за их пересекающегося характера). Число киберпреступлений возросло на 600%. Они выросли с 3 трлн долларов в 2015 году до 8 трлн долларов в 2023 году и, по прогнозам, достигнут 10,5 трлн долларов в год к 2025 году и превысят 13 трлн долларов к 2028 году. [3]

Различия между организованной преступностью, повстанческими движениями и терроризмом начали стираться, создавая новые рынки для организованной преступности и усиливая угрозы развитию и безопасности. Таким образом, общий доход организованной преступности может приближаться к 10 триллионам долларов в год. Транснациональная организованная преступность развивается беспрецедентными темпами. В связи с этим актуальность исследования темы остается неизменно на высоком уровне.

Во втором параграфе исследуются нормативные и юрисдикционные документы, в частности Резолюции Совета Безопасности ООН, дающие основание полагать, что деяния, совершённое транснациональным преступным сообществом, по легализации дохода от неправомерного обращения криптовалюты, уголовно наказуемы и последствиями такой деятельности является привлечение фигурантов дела к уголовной ответственности. исследуются такие нормативные документы как Конвенция ООН против коррупции, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма. Также предполагается исследование Стандартов Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ). Будет упоминаться как эти документы способствуют формированию единого правового пространства для государств и обеспечивают основу для сотрудничества между юрисдикциями.

Третий параграф раскрывает мысль о конструкции, то есть составе преступления – преступного деяния, совершённого транснациональным преступным сообществом, по легализации дохода от неправомерного обращения криптовалюты. В параграфе анализируются основные элементы состава преступления: объект, объективная сторона, субъект и субъективная

сторона. Уделяется внимание специфике определения элементов, сложности их определения, квалифицирующим признакам.

Теперь необходимо обратиться ко второй главе, которая исследует специальную проблему диссертации, а именно правовой стандарт расследования преступления по легализации дохода, полученного от неправомерного обращения криптовалюты, совершенного транснациональным преступным сообществом. В главе представлен подробный анализ существующих правовых норм, рамок и процедур, применяемых для эффективного расследования таких преступлений.

Первый параграф необходимо посветить критическому анализу понятия международной и национальной компетенции правоохранительных органов. необходимо четко разграничить определение ролей различных международных и наднациональных институтов, включая объединения и ассоциации национальных правоохранительных и судебных органов, прокуратур. Это создаст основу для понимания, как различные юрисдикции и их органы работают на векторе борьбы с транснациональной организованной преступностью и легализацией доходов с учетом возникающих трудностей из-за различия правовых систем.

Второй параграф второй главы практико-ориентирован, в нем исследуются основные следственные действия – инструменты по расследованию преступления по легализации доходов от неправомерного обращения криптовалюты, полученных транснациональным преступным сообществом. В параграфе анализируются обобщенные оперативные и следственны меры, применяемые правоохранительными органами (национальными) для выявления и расследования данного вида преступления. к примеру, трассировка (отслеживание с конечным выявлением источника перевода, т.е начального и конечного пользователя) криптовалютных транзакций, использование специального программного обеспечения и сотрудничества с другими правоохранительными органами (Интерпол, Европол) и организациями (УНП ООН, ФАТФ, Группа Эгмонт) для эффективного взаимодействия в борьбе с транснациональной организованной преступностью. Также будут освещены проблемные аспекты в расследовании такого преступления и международного сотрудничества. Эта часть главы будет обращена на сложности, возникающие из-за различия в национальных законодательствах, которые могут создавать преграды для эффективного взаимодействия между странами. А также исследуется вопрос – злоупотребления органами при расследовании такого вида преступления.

Профилактике совершения данного преступления посвящен третий – заключительный – параграф второй главы. Параграф начинается с объяснения понятия «международно-правовой инструментарий», который включает в себя как правовые норма, так и практические механизмы, предназначенные для борьбы с транснациональной организованной преступностью. В целом, параграф ориентирован на обсуждение вопроса криминологической профилактики. Такие действия фокусируются на моделях профилактики, включая социальные, экономические и правовые меры, которые необходимо реализовывать на международном уровне, с учетом особенности совершения таких преступлений и имплементировать их в уязвимые области.

Каждый параграф двух глав будет сопровождаться небольшим заключением-выводом.

В целом рассмотренная в статье концепция исследования представляется комплексной и требует детального изучения предмета магистерской диссертации.

Данное исследование можно представить в виде следующей таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Графическое представление исследования

Главная цель исследования: изучение международно-правового механизма расследования преступного деяния, совершенного транснациональным организованным сообществом (ТОС), по легализации криптовалюты	
Цель исследования:	Анализ международно-правового механизма расследования легализации криптовалюты, совершенного ТОС
	Определение уязвимостей международно-правового механизма расследования легализации криптовалюты, совершенного ТОС
Задачи исследования:	Проанализировать международно-правовые документы конвенционного и юрисдикционного характера, посвященных борьбе с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем и борьбе с транснациональной организованной преступностью;
	Выявить особенности использования криптовалют в преступных схемах легализацией (отмыванием) доходов;
	Изучить международные механизмы сотрудничества правоохранительных органов в расследовании транснациональной преступности, включая обмен информацией, взаимодействие между правоохранительными органами, а также роли международных организаций;

Продолжение таблицы 1

	Выявить проблемы и пробелы в международно-правовом регулировании расследования легализацией доходов от неправомерного обращения криптовалют транснациональными преступными сообществами;
	Предложить рекомендации по совершенствованию международно-правового механизма расследования легализацией доходов от неправомерного обращения криптовалют.
	Исследовать международно-правовой инструментарий криминологической профилактики совершения транснациональным преступным сообществом деяния по легализации дохода от неправомерного обращения криптовалюты, предложить свои идеи в части данного вопроса.
Ключевые области исследования:	Транснациональная организованная преступность
	Международно-правовая база для борьбы с отмыванием денег
	Международные организации (универсальные межправительственные, правоохранные, такие как ООН, Интерпол, ФАТФ и проч.)
	Профилактический превентивный инструментарий
Методология:	Сравнение
	Метод проблемного анализа
	Правовой и критико-правовой методы
	Организационно-функциональный метод
	Дедукция «от общего к частному»
Заключение и рекомендации	Выводы о правовом статусе ТОС в легализации криптовлаюты и стандартах по расследованию данного преступного деяния
	Предложения по совершенствованию механизмов расследования

Примечания

Настоящая статья подготовлена её автором в Центре сравнительного правоведения Президентской академии (РАНХиГС) с целью апробации результатов магистерской диссертации, выполняемой по образовательной программе 40.04.01 «Международное право, европейское право, международная юридическая практика» (This article is prepared by the Author (*Authors) at the Center for Comparative Law of the Russian Presidential Academy (the RANEPA)in order to approbate the results of a master thesis performed under the Master program 40.04.01 “International law, European law, International practice of law”).

Список литературы

1. Емельянова Надежда Александровна, Илова Елена Викторовна, Савельева Ульяна Александровна МАГИСТЕРСКИЕ ПРОЕКТНЫЕ ВЫПУСКНЫЕ РАБОТЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ // Педагогические исследования (сетевое издание). 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/ article/ n/ magisterskie- proektnye- vypusknye- raboty- kak-rezultat-formirovaniya-universalnyh-i-professionalnyh-kompetentsiy (дата обращения: 11.01.2025).

2. Суслова Ия Борисовна ВЫБОР ТЕМЫ, ПОСТАНОВКА ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ НАПИСАНИИ НАУЧНОЙ РАБОТЫ В ВУЗЕ // Вестник УРИО. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-temy-postanovka-tseley-i-zadach-issledovaniya-pri-napisanii-nauchnoy-raboty-v-vuze (дата обращения: 15.01.2025).

3. Global Challenge 12: how can transnational organized crime be stopped from becoming more powerful and sophisticated enterprises? – Электронный ресурс https://millennium-project.org/ 15-global-challenges __trashed/global-challenge-12/#1716123620746-022a895d-cf5c (дата 15.01.2025).

© В.Д. Коцюба

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ

Маркова Кира Александровна
магистрант
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева»

Аннотация: Статья посвящена анализу точек зрения по вопросу о понятии доказательственных презумпций в российском праве. Сделан вывод о том, что доказательственные презумпции представляют собой правовые конструкции, которые устанавливают определенные факты как доказанные без необходимости их непосредственного подтверждения, если не будет представлено обратное. В юридической практике презумпции служат для упрощения процесса доказывания и снижения бремени доказывания для одной из сторон процесса.

Ключевые слова: правовые презумпции, нормы права, правоотношения, субъекты правоотношений, доказывание.

LEGAL NATURE OF EVIDENTIAL PRESUMPTIONS

Markova Kira Aleksandrovna

Abstract: The article is devoted to the analysis of points of view on the concept of evidentiary presumptions in Russian law. It is concluded that evidentiary presumptions are legal constructs that establish certain facts as proven without the need for their direct confirmation, unless the opposite is presented. In legal practice, presumptions serve to simplify the process of proof and reduce the burden of proof for one of the parties to the process.

Key words: legal presumptions, legal norms, legal relations, subjects of legal relations, proof

Интерес юристов к правовым презумпциям неуклонно растет, особенно учитывая их важность, как в процессе создания нормативно-правовых актов, так и в их применении. Современное право отмечает увеличение числа

презумпций в законодательных актах, что делает эту категорию особенно актуальной. Вдобавок, решения и вердикты высших судебных инстанций всё чаще лежат в основе разработки новых презумптивных правил, подчеркивая их значимость в правоприменительной практике.

Термин «презумпция» часто выводят из латинского «praesumptio», что переводится как предположение, основывающееся на вероятности или ожидании. Описание этого понятия в различных источниках углубляется до определения его как предположения, которое, будь то косвенно или напрямую, утверждено в юридическом акте, предполагая определенный порядок в социальных отношениях как нечто обыденное и очевидное, не требующее доказательств. В советский период было разработано несколько подходов к пониманию правовой сущности презумпции, многие из которых нашли свое продолжение и развитие в современной правовой науке.

В области права, презумпция рассматривается сквозь призму логико-философского анализа. Этот подход подразумевает, что презумпция основывается на логических выводах, которые, в свою очередь, строятся на базе предыдущего опыта. В.К. Бабаев описывает её как допущение, закреплённое в правовых нормах, о существовании или отсутствии юридических фактов, что опирается на их взаимосвязь с уже известными фактами и подкрепляется прошлыми наблюдениями. По его мнению, создание таких презумпций происходит через метод неполной индукции, что делает выводы, сделанные на их основе, вероятными, но не абсолютными [3, с. 328].

Презумпция в юридическом контексте воспринимается как основание, закрепленное в законодательстве, которое позволяет при наличии определенных фактов предполагать существование или отсутствие других обстоятельств или правоотношений без необходимости предъявления доказательств. В отличие от этого, в общелогическом смысле презумпция интерпретируется как форма индуктивного рассуждения, которое переходит от частного к общему. В рамках правовой сферы презумпция определяется через необходимость юридического признания соответствующего факта.

В рамках современной юридической теории применяется нормативный метод, основанный на использовании презумпций как логических устройств. Эти презумпции автоматически устанавливают факты на основе уже известных данных, пока не будет представлено доказательство обратного. В частности, К.Б. Калиновский и А.В. Смирнов утверждают, что презумпция сама по себе является правовой нормой, которая признает наличие одного

юридического факта основанием для признания другого, до момента предъявления доказательств, опровергающих это [5, с. 68].

О.А. Кузнецова делает различие между двумя типами презумпций: инструментами юридической техники и презумпциями, которые являются нормами. Она описывает норму-презумпцию как правовую норму, представляющую собой вероятное предположение, которое упрощает систему за счет обязательности его использования до тех пор, пока не будет доказано обратное. По её словам, такая норма состоит из двух частей: гипотезы и диспозиции [6, с. 39].

В процессе судебного разбирательства ключевую роль играет процесс доказывания, который определяет как точность рассмотрения дела, так и законность принимаемого вердикта. Это основополагающий элемент в защите прав как физических, так и юридических лиц. Е.В. Васьковский отмечает, что суд не должен слепо доверять утверждениям сторон. Он не может удовлетворить требование истца исключительно на основании личной уверенности в его честности или отклонить иск, руководствуясь лишь личными качествами ответчика. Решения суда должны базироваться на проверенной истинности представленных фактов и доказательств [4, с. 232].

В соответствии с Гражданско-процессуальным кодексом Российской Федерации, обязанность доказывания фактов, которые служат основанием для предъявления исков и возражений, лежит на той стороне, которая эти факты приводит [1]. Суд же решает, какие из представленных обстоятельств значимы для рассмотрения дела и может включать в рассмотрение даже те, которые не были затронуты сторонами. Отличительной особенностью гражданских дел от уголовных является презумпция виновности, что подчеркивается в статье 401 Гражданского кодекса РФ [2]. Эта статья указывает, что лицо, не выполнившее свои обязательства, должно самостоятельно доказать свою невиновность.

В контексте гражданских правоотношений, основанных на заключенном договоре, существуют установленные нормы честного выполнения обязательств, которые предполагают избежание ущерба для всех участников. Лицо может быть признано невиновным, если оно сможет продемонстрировать, что предприняло все возможные меры для корректного выполнения своих договорных обязательств, соблюдая необходимую осторожность и заботу, которые требовались от него в рамках данных обязательств.

Если сторона не соблюдает условия договора, она считается невыполнившей свои обязательства и несет ответственность, пока не предоставит доказательства своей невиновности. В юридической литературе доказательственная презумпция описывается как предположение о наличии или отсутствии факта до момента его подтверждения или опровержения. М.К. Треушников определяет её как предположение, которое действует до доказательства противоположного [9, с. 64]. А.Я. Сухарев, в своем определении в Большом юридическом словаре, подчеркивает, что презумпция является признанным предположением до момента его опровержения [8 с. 53]. Также М.Ю. Лебедев утверждает, что доказательственная презумпция заключается в законном предположении о существовании факта, основанном на наличии связанных с ним доказательств [7, с. 78].

Я.Л. Штутин разъяснил, что презумпция действует как логический инструмент, который позволяет суду в определенных законом ситуациях, или когда это логически следует из закона, принять за истину наличие (или отсутствие) определенного факта без необходимости его доказывания стороной, которая на него ссылается [11, с. 86]. Этот факт затем может служить основанием для судебного решения, если он, согласно общепринятой практике, считается прямым следствием или причиной других доказанных фактов, при условии что он не был опровергнут в процессе рассмотрения дела.

Презумпция в доказывании представляет собой сложный концепт, который не может быть полностью описан существующими определениями. В академическом контексте презумпции в доказывании классифицируются как правовые и фактические. Однако ученые не всегда учитывают существование неопровержимых правовых презумпций, что делает невозможным создать исчерпывающий перечень всех дефиниций данного термина. А.В. Федотов предлагает одно из наиболее полных определений доказательственной презумпции, описывая её как предположение о вероятной или условно-достоверной реальности факта, который связан по причинно-следственной или тетической линии с другим установленным фактом [10].

Презумпции в праве функционируют как установления истины определённых фактов без их прямого подтверждения, до тех пор, пока не появятся доказательства обратного. Эти правовые механизмы значительно

облегчают процедуру доказывания, сокращая объем обязанностей по доказыванию для одной из сторон в споре. Презумпции бывают двух видов: абсолютные, которые исключают любую возможность опровержения, и относительные, которые допускают предоставление доказательств, способных их опровергнуть. В их основе лежит предположение о наличии или отсутствии определённых фактов до момента появления доказательств, указывающих на обратное.

Презумпции в праве значительно облегчают процесс судебного разбирательства, обеспечивая справедливость и ускоряя процессуальные операции. Эти правовые предположения помогают поддерживать равновесие между строгим соблюдением процессуальных правил и защитой интересов участников.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. № 46 ст. 4532

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301

3. Бабаев В.К. Презумпции в российском праве и юридической практике. Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. – 401 с.

4. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / М.: Изд. бр. Башкамовых. – 1914. – 302 с.

5. Калиновский К.Б., Смирнов А.В. Презумпции в уголовном процессе // Российское правосудие. - 2008. - № 4. – 273 с.

6. Кузнецова О. А. Презумпции в гражданском праве. СПб., 2004. – 291 с.

7. Лебедев М.Ю. Гражданский процесс: учебное пособие для вузов, 2019. – 321 с.

8. Сухарев А.Я. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М.: ИНФРАМ. 2023. – 243 с.

9. Треушников М.К. Судебные доказательства: монография / М.К. Треушников. М. 2004. – 177 с.

10. Федотов А.В. Понятие и классификация доказательственных презумпций [Электронный ресурс] // Журнал российского права. № 4. 2001. Режим доступа: http://internet.garant.ru (дата обращения: 10.07.2025).

11. Штунин Я.Л. Предмет доказывания в гражданском процессе: монография / Я.Л. Штунин М. 1963. – 216 с.

© К.А. Маркова

УДК 346.93:004.942

РЕГИОНАЛЬНАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДОСУДЕБНЫХ ПРОЦЕДУР: ОЦЕНКА МЕДИАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ В РОССИИ

Питиримова Татьяна Юрьевна
студент 2 курса
подготовка специалистов
для судебной системы (юридический факультет)
ПФ ФГБОУ ВО «РГУП им. Лебедева»
Научный руководитель: **Иванова Лидия Николаевна**
к.психол.н., доцент,
заведующая кафедрой гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
ПФ ФГБОУ ВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

Аннотация: Статья посвящена анализу медиативного потенциала в экономических спорах в России с учетом региональной специфики и возможностей цифровизации. На основе статистических данных и вероятностного моделирования оценивается объем дел, которые могли бы быть разрешены внесудебно. Выявлены ключевые барьеры внедрения АРС и предложены направления их преодоления для снижения нагрузки на суды.

Ключевые слова: альтернативное разрешение споров, медиация, судебное примирение, цифровизация, арбитраж, региональный анализ, медиативный потенциал.

REGIONAL HETEROGENEITY AND DIGITALIZATION OF PRE-TRIAL PROCEDURES: ASSESSMENT OF MEDIATION POTENTIAL IN ECONOMIC DISPUTES IN RUSSIA

Pitirimova Tatyana Yuryevna
Scientific adviser: **Ivanova Lidiya Nikolaevna**

Abstract: The article is devoted to the analysis of mediation potential in economic disputes in Russia, taking into account regional specifics and

digitalization opportunities. Based on statistical data and probabilistic modeling, the volume of cases that could be resolved through out-of-court procedures is estimated. Key barriers to the implementation of ADR are identified, and directions for overcoming them to reduce the burden on courts are proposed.

Key words: alternative dispute resolution, mediation, judicial conciliation, digitalization, arbitration, regional analysis, mediation potential.

Современная судебная система России сталкивается с устойчивым ростом нагрузки, особенно в сегменте экономических споров. В условиях, когда количество поступающих в арбитражные суды дел превышает 1,9 [1] миллиона в год, все более актуальным становится поиск эффективных механизмов разгрузки судов без ущерба для качества правосудия. Одним из таких механизмов являются досудебные процедуры, в том числе медиация и судебное примирение.

Несмотря на наличие нормативной базы, закрепленной, в частности, в Федеральном законе № 193-ФЗ и положениях Арбитражного процессуального кодекса РФ, уровень применения альтернативных способов разрешения споров (АРС) остается крайне низким. По оценке председателя Совета судей РФ Виктора Момотова [2], примирительные процедуры сегодня применяются настолько редко, что укладываются в рамки статистической погрешности.

Это указывает на необходимость комплексного анализа медиативного потенциала в России с учетом как правовых, так и социокультурных факторов. Особую актуальность приобретает исследование региональной неоднородности в реализации АРС: при развитой медиативной инфраструктуре в одних субъектах РФ наблюдается положительная динамика, в то время как в других — АРС остаются неработающим инструментом.

Дополнительный ракурс — это возможности цифровизации медиативных процессов, которые могут нивелировать территориальные и организационные различия. Целью настоящего исследования становится выявление медиативного потенциала в экономических спорах, его региональных различий и оценка роли цифровых решений в повышении эффективности внесудебного урегулирования конфликтов.

Несмотря на наличие правовых основ для использования досудебных процедур, их практическое применение остается ограниченным. Как подчеркивает председатель Совета судей РФ, судья Верховного Суда РФ В.В. Момотов [2], в ряде категорий дел примирительные процедуры «укладываются в рамки статистической погрешности», и на практике носят

исключительный характер. Проблема не только в институциональных ограничениях, но и в культурных установках сторон, которые часто воспринимают попытку примирения как слабость или признак некомпетентности.

Ключевыми барьерами к развитию медиативных процедур становятся:

- недоверие к медиаторам и самой процедуре,
- ограниченное число судебных примирителей (по данным ВС РФ всего 351 на всю страну),
- недостаток правового просвещения и информирования участников спора,
- низкая мотивация медиаторов, приемлемая не для всех организация плата за услуги и отсутствие устойчивой практики цифровых платформ.

Несмотря на правовую возможность, медиативный потенциал остается в значительной степени нереализованным, что требует системных решений как на федеральном, так и на региональном уровнях. Именно поэтому дальнейшее исследование целесообразно сосредоточить на сравнительном региональном анализе уровня применения АРС в экономических спорах и выявлении факторов, способствующих или препятствующих их реализации.

Одной из причин слабого развития примирительных процедур в арбитражном процессе является высокий уровень конфликтности в деловой среде. Это подтверждается эмпирическим исследованием В.И. Бырлэдяну [3, с. 129], проведенным среди специалистов Центрального федерального округа, включая судей арбитражных судов. Согласно результатам опроса, 88% участников (из 103 опрошенных) считают, что арбитражное дело по сути является продолжением предпринимательского конфликта, а не его разрешением. При этом 85 из 103 опрошенных отметили, что примирение способно придать новый смысл и качество взаимоотношениям между сторонами.

Эти выводы подтверждают наличие глубинной конфликтной природы в деловых отношениях, при этом сами участники признают потенциал мирного урегулирования как средства не только снятия спора, но и восстановления делового доверия.

На региональном уровне это проявляется по-разному. В Кировской области, несмотря на наличие структур при ТПП, медиация почти не применяется на практике: в 2023 году было проведено менее 15 процедур, а в 2024 году не зафиксировано ни одного медиативного соглашения. Это

свидетельствует о низком уровне правовой и переговорной культуры, а также о формальном характере досудебной претензионной работы.

В противоположность этому, в Московской области наблюдается устоявшаяся практика претензионной работы и переговоров, особенно в крупных компаниях. Например, по данным внутренней юридической службы ООО «ТВН», до 80% споров решаются без обращения в суд. Однако и здесь отсутствует публичный учет медиативных соглашений, что делает такие практики невидимыми в статистике, несмотря на их эффективность.

Таким образом, даже при существовании инфраструктуры и успешных кейсов, отсутствие системного подхода, статистической фиксации и правового признания внесудебных соглашений остается общим барьером для большинства регионов.

Существенная региональная неоднородность в применении альтернативных процедур разрешения споров (АРС) обостряет вопрос о неравенстве доступа к правосудию. В условиях, когда в ряде регионов отсутствуют даже единичные случаи медиативного урегулирования (Кировская область), а в других — процедуры не фиксируются в открытой статистике (Московская область, Краснодарский край), цифровизация становится единственным универсальным каналом, способным выровнять инфраструктурный перекос.

Цифровые решения позволяют:

1. обеспечить удаленный доступ к медиации вне зависимости от географии сторон;
2. собирать и агрегировать данные о результатах досудебных процедур;
3. идентифицировать типовые споры, пригодные для примирения;
4. автоматизировать сопровождение претензионного порядка и онлайн-консультации;
5. запускать ИИ-оценку потенциала медиации по конкретным делам.

В настоящее время такие возможности точечно реализуются на уровне пилотных судебных проектов (например, «Мой арбитр», ГАС «Правосудие»), а также в рамках коммерческих платформ онлайн-медиации. Однако единый цифровой контур досудебного урегулирования в России пока не создан. Его отсутствие особенно остро ощущается в регионах с низкой деловой активностью и слабой инфраструктурой правовой поддержки.

Кроме того, цифровизация может помочь в фиксации медиативных соглашений как юридического результата, что устранит феномен «невидимой

статистики» — когда процедура успешно проведена, но не зафиксирована в официальной отчетности.

Таким образом, цифровая трансформация в сфере АРС способна не только снизить нагрузку на судебную систему, но и сформировать культуру конструктивного разрешения споров, доступную каждому участнику хозяйственного оборота — вне зависимости от региона.

Для количественной оценки потенциала досудебного урегулирования споров представляется целесообразным использовать вероятностный подход, основанный на методах условной вероятности и эмпирических данных. В данном исследовании применяется адаптированная формула Байеса, позволяющая учесть как потенциальную готовность бизнеса к примирению, так и наличие факторов, препятствующих реализации альтернативных процедур разрешения споров (АРС).

Модель основана на следующих вводных:

P(B) — общая готовность компаний к использованию АРС (по данным бизнес-опросов: 66%) [4];

P(AB) — доля компаний, которые и хотят, и могут реализовать АРС (без барьеров);

P(A/B) — условная вероятность успешного выхода в медиативную процедуру при наличии намерения.

С учетом факторов, препятствующих реализации (недоверие к юридической силе, нехватка медиаторов, отсутствие информации), расчетная вероятность применения АРС составляет: P(AB)= 0,66 × 0,60 = 0,396 (или 39,6%).

Применяя данную модель к официальной судебной статистике за 2024 год, по общему объему дел в Арбитражный суд Кировской области в 2024 году поступило 10 284 дела [5]. Применяя прежние расчеты, получается, что гражданские дела составляют основную массу 8214, из них по спорам, потенциально разрешимым во внесудебном порядке (аренда, поставка, подряд, взыскания и т.п.) не менее 75%, то есть примерно 6160 дел. Административные и иные дела, которые практически не применимы для АРС составили в 2024 году 2070 дела.

При расчете потенциального выхода в АРС, используя ранее рассчитанный реалистичный медиативный потенциал, который составил 39,6%, получаем, 6 160×0,396=2 439 дела, то есть это то количество дел, которые могли бы быть разрешены через АРС в Кировской области в 2024

году, если бы были созданы условия правового доверия, медиативной инфраструктуры и осведомленности участников.

В 2024 году в Арбитражный суд Московской области поступило 179 374 дела, из них по экономическим спорам 158 330, рассмотрено с вынесением решения 139 832, а удовлетворено 113 506 исков [6].

Принимая во внимание, что ориентировочная доля договорных, имущественных, претензионных составляет ориентировочно 80% от гражданских дел, и применив ранее рассчитанный процент потенциала, который составляет 39,6%, получается, что 50 140 дел, могли быть разрешены через альтернативные методы конфликтных ситуация, при отсутствии недоверия, к данной процедуре у бизнеса, внедрении процедур медиации, обеспечении доступности к медиаторам и реализации внедрения платформ.

158330×0.8=126664дел × 39,6% = 50 140 дел.

Стоит отметить, что в Московской области успешно реализуется и фиксируется реальное проведение АРС, о чем упоминает сам суд Московской области [5], ведется претензионная работа, особенно у крупных компаний, что подтверждается и производственной практикой в ООО ТВН, также заключаются мировые соглашения в рамках судебного разбирательства. Стороны направляются к примирительным процедурам по инициативе судей, однако данные о медиативных соглашениях вне суда отсутствуют, что говорит о медиации как не о статистической единице, а как об отдельной форме добровольного урегулирования спора.

Среди исследованных регионов Московская область, является наиболее перспективной, где реализуемый потенциал АРС при правильной поддержке, более 50 000 дел в год могут быть выведены из судебной системы в плоскость переговоров, претензий и медиации. Регион нуждается не столько в запуске альтернативных процедур, сколько в системной статистике по АРС и легализации медиативных соглашений как отдельного правового результата.

В Краснодарском крае официальные статистические данные о количестве рассмотренных арбитражных дел за 2024 год отсутствуют. На направленный запрос статистика предоставлена не была, что значительно затрудняет проведение комплексного анализа. Несмотря на наличие медиативных центров и проведение мероприятий по тематике АРС [7], открытая информация о количестве заключенных медиативных соглашений также отсутствует, что указывает на проблему непрозрачности практики и недостаточную отчетность в сфере досудебного урегулирования.

Применительно к официальной судебной статистике за 2024 год в целом по стране (1 099 874 экономических дела, рассмотренных по существу), получаем:

1 099 874 × 0,396 ≈ 435 550 дел, — именно столько могли быть потенциально разрешены во внесудебном порядке, включая медиацию, претензионную работу и переговоры.

Региональный анализ выявил ярко выраженную неоднородность. В отдельных субъектах страны медиация и досудебные процедуры либо отсутствуют, либо формально имитируются. В то же время успешные кейсы демонстрируют, что механизм работает там, где сформирована культура диалога и присутствует институциональная поддержка.

Таким образом, выявленный медиативный потенциал в объеме более 435 тысяч дел в 2024 году демонстрирует, что внесудебное урегулирование — это не абстрактная альтернатива, а реальный и доступный инструмент снижения конфликтности в предпринимательской среде. Однако его применение невозможно без глубокой трансформации юридической культуры, инфраструктурной поддержки и системной цифровизации.

Как справедливо отмечает судья Верховного Суда РФ В.В. Момотов, сегодня примирительные процедуры в арбитражной и гражданской юрисдикции «укладываются в рамки статистической погрешности». Причины — не в слабости закона, а в устойчивых социокультурных стереотипах, организационной разобщенности и недостатке доверия. Именно поэтому государственная политика в сфере АРС должна быть направлена не только на институциональное развитие, но и на воспитание правового мышления, где компромисс — не уступка, а форма зрелости и профессионализма.

Развитие досудебных процедур требует стратегического подхода, это правовой проект, выходящий за пределы статистики, такая задача не на ближайший год, а на поколение вперед — как и справедливо отмечено в позиции Верховного Суда РФ. Это — шаг к новой модели правосудия, в которой конфликт становится не полем боя, а возможностью для перезагрузки деловых отношений.

Список литературы

1. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов в 2024 году // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: http:// www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8945 (дата обращения: 30.04.2025).

2. Момотов В. Примирительные процедуры остаются исключением из правил// Публикация Российское агентство правовой и судебной информации (24.06.2025 г.) URL:https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20250624/310971302.html?ysclid=md2xl5bqpe678595650.

3. Бырлэдяну В.И. Влияние примирения сторон в арбитражном процессе на конфликтогенность социальных процессов в предпринимательской сфере в Российской Федерации//-2021 г. - № 5-1(79) 128-129 с.

4. Вараксин М.// Суд или альтернативные методы решения споров: что выбирает российский бизнес от 22.05.2025 г. Сайт. URL: http//www.pravo.ru/story/258754, (дата обращения 23.05.2025 г.).

5. Отчет о работе Арбитражного суда Кировской области за 2024 год// URL: http// www.kirov.arbitr.ru/material/363292.

6. Итоги работы Арбитражного суда Московской области за 2024 год// URL: https// www/asmo.arbitr.ru/material/369991.

7. VI Практическая конференция «Медиация: опыт настоящего. Перспективы будущего»//URL: http://www.kuban.tpprf.ru/ru/events/members-news.

© Т.Ю. Питиримова, 2025

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ АКТОВ В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Фрей Анна Андреевна
магистрант
ЧОУВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями пересмотра судебных актов в арбитражном суде кассационной инстанции. Вопросы темы научной статьи являются весьма актуальными, поскольку современное арбитражно-процессуальное законодательство находится в постоянном изменении и совершенствовании. Судебный процесс является весьма сложной процедурой, поэтому детальное понимание принципа пересмотра судебных актов в арбитражном суде кассационной инстанции является основой защиты прав участников арбитражного процесса.

Ключевые слова: арбитражный суд, кассационная инстанция, судебный акт, пересмотр судебного акта.

FEATURES OF JUDICIAL REVIEW IN THE ARBITRATION COURT OF CASSATION INSTANCE

Frey Anna Andreevna

Abstract: This article discusses issues related to the specifics of the review of judicial acts in the commercial court of cassation. The issues of the topic of the scientific article are very relevant, since modern arbitration procedure legislation is in constant change and improvement. The judicial process is a very complex procedure, therefore, a detailed understanding of the principle of judicial review in the arbitration court of cassation is the basis for protecting the rights of participants in the arbitration process.

Key words: arbitration court, cassation instance, judicial act, judicial act review.

Пересмотр судебных актов в арбитражном суде кассационной инстанции представляет собой важный и многогранный процесс, играющий ключевую роль в обеспечении правосудия в России. В условиях динамично меняющегося законодательства, актуальность изучения особенностей данного процесса становится особенно значимой. Арбитражные суды, как специализированные судебные органы, призваны разрешать споры, возникающие в сфере предпринимательской и экономической деятельности, и их решения должны не только соответствовать закону, но и обеспечивать защиту прав и законных интересов сторон.

Порядок пересмотра судебных актов в арбитражном суде кассационной инстанции представляет собой четко регламентированную процедуру, включающую в себя несколько этапов. На каждом из этих этапов стороны имеют возможность представить свои доводы и аргументы, что способствует более полному и всестороннему рассмотрению дела.

В юридической сфере существует различное понимание полномочий суда кассационной инстанции. Некоторые специалисты утверждают, что эти полномочия включают в себя как проверку законности и обоснованности решений нижестоящего суда (в широком смысле), так и процессуальные последствия этой проверки, такие как отмена или изменение решения (в узком смысле). Другие ученые же считают, что основная задача суда второй инстанции заключается именно в определении процессуальных последствий дела, подлежащего проверке. Их точка зрения кажется более обоснованной, поскольку при обсуждении полномочий кассационной инстанции важно учитывать именно эти процессуальные последствия.

Полномочия суда кассационной инстанции играют решающую роль не только в проведении кассационного пересмотра и проверке законности судебных актов, но и служат важным юридическим инструментом для достижения общей цели правосудия, которая их определяет.

Важной особенностью пересмотра судебного акта в суде кассационной инстанции является то, что участники дела не имеют права представлять новые доказательства и ссылаться на новые обстоятельства для пересмотра дела.

В статьях 275, 276 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [2] определяется порядок подачи кассационной жалобы, согласно которому кассационная жалоба подается в арбитражный суд кассационной инстанции в срок не позднее двух месяцев со дня вступления в законную силу обжалуемых судебного приказа, решения, постановления арбитражного суда.

Жалоба должна быть направлена через арбитражный суд, принявший решение, который обязан направить кассационную жалобу вместе с делом в соответствующий арбитражный суд кассационной инстанции в течение трех дней с даты ее поступления в суд.

Срок для рассмотрения жалобы арбитражным судом кассационной инстанции в соответствии с АПК РФ не должен превышать трех месяцев с даты ее поступления вместе со всем делом в суд вышеуказанной инстанции. Указанный срок, кроме того, включает также срок на подготовку дела к судебному разбирательству.

Если жалоба поступила в суд кассационной инстанции до окончания срока для ее подачи, то вышеуказанный период рассмотрения жалобы должен исчисляться даты окончания срока для подачи кассационной жалобы.

Итак, арбитражный суд кассационной инстанции может либо изменить, либо отменить решение суда для чего существуют несколько оснований:

1) Если суд первой инстанции неправильно определил обстоятельства, которые необходимо доказать для разрешения дела (предмет доказывания), и это привело к неверному применению норм материального права.

2) Необоснованное признание судом первой инстанции обстоятельств доказанными. Если суд первой инстанции признал определенные обстоятельства доказанными, но они не были подтверждены достоверными или противоречивыми доказательствами, либо вообще не были подтверждены, кассационный суд имеет право пересмотреть такое решение.

Например, если факт, который должен быть доказан, не имеет надлежащего подтверждения или вообще не упоминается в судебном решении, это может послужить основанием для кассационного вмешательства.

3) Несоответствие выводов суда обстоятельствам дела означает, что решение суда не отражает реальную картину событий. Это может произойти, если применённая норма права регулирует иные правоотношения, либо если суд верно установил факты, но неправильно определил юридическую природу отношений между сторонами.

Кроме того, важно учитывать, что кассационная инстанция не пересматривает дело полностью, как суд первой инстанции. Она ограничивается проверкой наличия и корректности применения норм права, обоснованности выводов и решений суда первой инстанции. В случае обнаружения нарушений или ошибок, кассационная инстанция может изменить или отменить решение суда первой инстанции.

Таким образом, процесс кассационного рассмотрения имеет свои особенности и требует тщательного анализа со стороны суда кассационной инстанции.

Важно, чтобы каждое решение было обосновано, а применяемые нормы материального права были применимы к конкретной ситуации. В случае выявления нарушений или ошибок, суд кассационной инстанции имеет полномочия вмешаться и изменить исход дела.

Одной из особенностей кассационного обжалования является двухступенчатая стадия кассации – первая кассация (сплошная) и вторая кассация (выборочная).

Лица (стороны), участвующие в деле, имеют право обжаловать вынесенные судебные акты как полностью, так и частично в Верховный суд Российской Федерации путем кассационного производства, если в обжалуемом судебном акте, по мнению стороны дела, содержатся нарушения норм материального и (или) процессуального права, которые нарушают интересы стороны дела.

Исходя из вышесказанного, решение суда кассационной инстанции, вынесенное первой кассацией, можно оспорить во второй кассации.

При подаче кассационной жалобы сторонам необходимо руководствоваться положениями действующего законодательства Российской Федерации, определяющим порядок подачи кассационной жалобы, а именно Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации.

Порядок пересмотра судебных актов в арбитражном суде кассационной инстанции представляет собой четко регламентированную процедуру, включающую в себя несколько этапов.

На каждом из этих этапов стороны имеют возможность представить свои доводы и аргументы, что способствует более полному и всестороннему рассмотрению дела.

Таким образом, рассмотрение дел в арбитражных судах кассационной инстанции имеет немало особенностей, существенно отличающих его от процесса рассмотрения в судах первой и апелляционной инстанции. В данной статье рассмотрены лишь некоторые из них.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.

2. Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» URL: http://www.consultant.ru/.

3. Мусина, О.Н. Основы научных исследований: учебное пособие / О.Н. Мусина. - М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. - 150 с.: [Электронный ресурс]. https://online.muiv.ru/lib/books/98870/.

4. Шульмин В. А. Основы научных исследований. М., 2014 // https://online.muiv.ru/lib/books/112375/.

© А.А. Фрей

УДК 342.7

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ

Фоменко Юрий Сергеевич
ГБПОУ ВО «Воронежский юридический техникум»

Аннотация: В статье рассматриваются исторические аспекты развития пенсионного обеспечения государственных служащих в России. Анализируются ключевые этапы формирования системы пенсий для чиновников, начиная с дореволюционного периода и заканчивая современностью. Особое внимание уделяется законодательным изменениям, социально-экономическим условиям и влиянию государственной политики на эволюцию пенсионных прав госслужащих. Исследование позволяет проследить преемственность и трансформацию пенсионных гарантий в контексте исторического развития российской государственности.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, государственная служба, чиновники, история России, социальные гарантии, законодательство, пенсионные реформы, государственная политика.

HISTORICAL ASPECTS OF PENSION PROVISION FOR PUBLIC SERVANTS IN RUSSIA

Fomenko Yuri Sergeevich

Abstract: The article examines the historical aspects of the development of pension provision for public servants in Russia. It analyzes the key stages of the formation of the pension system for officials, from the pre-revolutionary period to the present day. Special attention is paid to legislative changes, socio-economic conditions, and the impact of government policies on the evolution of pension rights for public servants. The study allows us to trace the continuity and transformation of pension guarantees in the context of the historical development of Russian statehood.

Key words: pension provision, civil service, officials, Russian history, social guarantees, legislation, pension reforms, and state policy.

Пенсионное обеспечение государственных служащих – это сложный и постоянно развивающийся механизм, тесно связанный с изменениями в обществе, экономике и законодательстве. Поскольку госслужащие играют важнейшую роль в работе государственного аппарата, их пенсионные гарантии всегда были ключевым элементом социальной политики. Развитие пенсионных систем для этой категории работников прошло долгий путь – от первых примитивных форм до современных комплексных моделей, адаптированных к актуальным вызовам.

Первые аналоги пенсионных систем появились еще в античности. Например, в Древнем Риме существовали механизмы материальной поддержки отставных военных и чиновников, где размер выплат зависел от ранга и заслуг. В Средние века пенсии носили эпизодический характер и зависели от воли правителей. Однако с укреплением государственных институтов в Европе (XVI–XVII вв.) начали формироваться более системные подходы к пенсионному обеспечению чиновников.

В XIX веке в Европе и США активно развивалось законодательное регулирование пенсионных прав госслужащих. Так, в Великобритании в 1834 году была введена накопительная система, при которой служащие делали взносы в пенсионный фонд, что повышало устойчивость выплат.

В России первые шаги в этом направлении были при Екатерине II (1764–1765 гг.), когда законодательно закрепили выплаты за выслугу лет. Формально-законодательного механизма, который можно было бы соотнести с современной пенсионной системой, в это время не существовало. Это были, скорее, разовые выплаты или материальные поощрения по личному распоряжению монарха, а не следствие нормативной регламентации хотя они касались лишь узкого круга лиц.

Важным этапом стало правление Александра I, когда под влиянием идей М.М. Сперанского повысились требования к образованию и компетенциям чиновников. Это усилило значимость профессионализма служащих, особенно в условиях социально-экономических преобразований.

В 1852 году в России был принят закон о пенсиях для гражданских чиновников, учитывающий стаж и должностной оклад.

После Октябрьской революции 1917 года пенсионная система подверглась реформированию: в 1922 году право на пенсию получили все трудящиеся, включая госслужащих. Однако в условиях плановой экономики СССР пенсии стали жестко регулироваться государством.

В 1956 году прошла реформа, улучшившая условия пенсионного обеспечения, но система оставалась централизованной и малоподвижной.

Как отмечает С.В. Корнилова, государственная служба в современной России представляет собой социально-экономический институт с особыми характеристиками, требующий специального регулирования ввиду высокой ответственности госслужащих.

Согласно Конституции РФ (ч. 1, 2 ст. 19), все граждане равны перед законом, независимо от должностного положения. Этот принцип распространяется не только на конституционные права, но и на связанные с ними законодательные гарантии.

Сегодня основным нормативным актом, регулирующим госслужбу, является Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации». Он закрепил переход от трудового к административно-правовому регулированию госслужбы.

Согласно ст. 1 этого закона, госслужба – это профессиональная деятельность граждан по обеспечению исполнения полномочий государства, его органов и должностных лиц.

Важную роль играет Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», который в ст. 14 гарантирует госслужащим право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством.

Пенсия по государственному обеспечению – это ежемесячная выплата, регулируемая Федеральным законом от 15.12.2001 № 166-ФЗ. Она предназначена для компенсации утраченного дохода при выходе на пенсию по выслуге лет, старости или инвалидности, а также в случаях потери кормильца или вреда здоровью.

Принципы и перспективы развития

Система госслужбы основывается на следующих принципах:

- приоритет прав и свобод граждан;
- профессионализм и компетентность служащих;
- стабильность государственной службы.

Правовой статус госслужащего включает не только обязанности и ограничения, но и гарантии, меры поощрения и социальной защиты, в том числе пенсионное обеспечение.

Таким образом, история пенсионного обеспечения госслужащих отражает эволюцию государства и общества. Современная система

продолжает совершенствоваться, стремясь обеспечить достойные условия для тех, кто посвятил себя службе обществу.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 51. – Ст. 4831.

3. 3.Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 22. – Ст. 2063.

4. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

5. Корнилова С. В. Государственная служба как социально-экономический институт // Вестник государственного управления. – 2020. – № 3. – С. 45-52.

6. Сивакова И.В. Пенсионное законодательство России в советский период (октябрь 1917 г. - 1928 г.): монография. - М.: Проспект, 2021. - 215 с. — ISBN978-5-392-16577-3

7. Сперанский, М. М. Проекты реформ / М. М. Сперанский. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 293 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-08050-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/563268

© Ю.С. Фоменко

ЗЕМЛЯ КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО НАРОДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Богатов Даниил Юрьевич
студент
Научный руководитель: **Васильчук Юлия Владимировна**
к.ю.н., заведующий кафедрой экологического права
и правового обеспечения профессиональной деятельности
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Аннотация: Объектом исследования выступает конституционная норма, предусматривающая, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Целью исследования является разрешение проблемного вопроса о возможности признания народа субъектом права собственности на землю и отнесения земли к народному (национальному) достоянию. В ходе исследования проанализированы нормативные, правоприменительные и доктринальные источники, позволяющие сделать вывод о невозможности признания народа субъектом права собственности на землю. При этом, признать землю народным (национальным) достоянием представляется возможным.

Ключевые слова: право, конституционная норма, земельное право, народное (национальное) достояние, народ, земля, собственность.

LAND AS A NATIONAL RESOURCE OF THE MULTINATIONAL PEOPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

Bogatov Daniil Yuryevich
Scientific adviser: **Vasilchuk Yulia Vladimirovna**

Abstract: The object of the study is the constitutional norm, which stipulates that land and other natural resources are used and protected as the basis of life and activities of peoples living in the relevant territory. The purpose of the study is to

resolve the problematic issue of the possibility of recognizing the people as the subject of land ownership and classifying the land as national property. In the course of the study, regulatory, law enforcement and doctrinal sources have been analyzed, allowing us to conclude that it is impossible to recognize the people as the subject of land ownership. At the same time, it is possible to recognize the land as national property.

Key words: law, constitutional norm, land law, national heritage, people, land, property.

Земельное законодательство вызывает особый интерес ученых ввиду наличия пространства для доктринальной мысли. Многие проблемы земельного права связаны с тем, что систему земельных отношений несколько раза ломали кардинальным образом и начинали строить заново. Таким образом, времени для развития земельного законодательства было не так много и каждый раз развитие шло в разные стороны. Это предопределило наличие определенных проблем в земельном законодательстве. Представляется актуальным исследование проблемных вопросов земельного права в силу большого социального значения земли как таковой.

Конституция Российской Федерации закрепляет, что «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории» [1, ч. 1 ст. 9]. В конституционной норме указывается особая социальная значимость земли, выраженная в том, что ни один род деятельности не возможен без использования в том или ином качестве или контексте замели, земельных участок или их частей. На значимость земли указывает не только законодатель, но и правоприменитель, так, например, Конституционный суд Российской Федерации указывает, что «земля является главным ресурсом выживания и существования человечества и может рассматриваться в экономическом, политическом, духовном, юридическом, социальном, природоохранном смысле» [11]. Одновременно с этим и в доктрине земельного права разработаны позиции, подтверждающие значимость земли, например, Н.Н. Аверьянова пишет: «земля — это достояние, являющееся основой политико-правового, социально-экономического и экологического благополучия жизни и деятельности народа» [13, с. 405].

Земля в виде земельных участков и их частей включается в гражданский оборот и является объектом всевозможных сделок. Учитывая придание земле

важного статуса (социальной значимости) очевидно, что земля имеет особый правовой режим, выполняющий функцию защиты земли. В частности, это выражается в формулировании особых требований к защите и использованию земель, так, например, как отмечает Конституционный суд РФ: «конституционная характеристика земли как основы жизни и деятельности народов <…> предопределяет конституционное требование рационального и эффективного использования, а также охраны земли» [8].

Конституция РФ является первоначалом любой отрасли права, в том числе и земельного. В связи с этим норма из ч. 1 ст. 9 Конституции РФ нашла отражение в земельном законодательстве. Как пишет Ю.В. Васильчук «данная конституционная норма имеет особое значения для развития как земельного, так и экологического права» [17]. Таким образом, ч. 1 ст. 9 Конституции РФ лежит в основе всех земельных отношений, что в первую очередь, выражается в формулировании принципа учета значения земли как основы жизни и деятельности человека [2, п. 1 ч. 1 ст. 1]. Согласно данному принципу регулирование отношений по использованию и охране земли осуществляется исходя из представлений о земле как о природном объекте, охраняемом в качестве важнейшей составной части природы, природном ресурсе <…> и основы осуществления хозяйственной и иной деятельности на территории Российской Федерации, и одновременно как о недвижимом имуществе, об объекте права собственности и иных прав на землю [2, п. 1 ч. 1 ст. 1].

Если говорить о круге субъектов, по отношению к которым устанавливается принцип использования и охраны земли и иных природных ресурсов как основы жизни и деятельности, то ч. 1 ст. 9 Конституции РФ в качестве такого субъекта закрепляет народ, проживающий на соответствующей территории. Термин «народ», как субъект, чья основа жизни и деятельности охраняется таким принципом, споров в научной среде не вызывает. В то время, как категория «народ, проживающей на соответствующей территории» уже вызывает ряд трактовок. Таким образом, «одной из проблем режима основы жизни и деятельности является определение круга субъектов» [27].

Начнем с определения категории «народ». М.П. Фомиченко выделяет ряд значений народа, как правовой категории: 1. народ как политическая общность, источник и субъект публичной власти; 2. народ как территориальная общность, как население определенной территории; 3. народ как наднациональная политико-территориальная общность, обладающая правом на равноправие и самоопределение [15].

Применительно к субъектному составу из ч. 1 ст. 9 Конституции РФ можно говорить о понимании народа, как наднациональной политико-территориальной общности, обладающей правом на равноправие и самоопределение, то есть – многонациональный народ Российской Федерации [15]. Таким образом, субъектом принципа использования и охрана земли и иных природных ресурсов как основы жизни и деятельности выступает многонациональный народ Российской Федерации. Именно его основной жизни и деятельности выступает земля, именно во благо него земля используется и охраняется особым образом.

Существует еще одна позиция, основанная на том, что если обратиться к нормативным правовым актам субъектов РФ и муниципальных образований РФ, то в качестве субъектов «основы жизни и деятельности» могут быть указаны человек, люди, общество, жители, будущие поколения, население, население прибрежных территорий [27]. При этом, как отмечает автор подхода, – самостоятельным субъектом являются коренные малочисленные народы, для которых установлен специальный льготный режим природопользования [27].

Народы, проживающие на территории Российской Федерации, для которых земля выступает в качестве «основы жизни и деятельности», с точки зрения субъектов права отличаются следующими особенностями: во-первых, представители местного сообщества являются непосредственными пользователями природного ресурса, расположенного на данной территории; во-вторых, любой гражданин России, являясь частью многонационального российский народа в целом, имеет право на доступ к природным ресурсам Российской Федерации, обладает правом использования в хозяйственных, рекреационных целях, получения дохода от использования природные ресурсов и возмещение ущерба, причиненного природной среде, например, добычей полезных ископаемых, разработкой новых месторождений полезных ископаемых, техногенными чрезвычайными ситуациями [27].

На практике и в науке нередко возникает вопрос о возможности народа быть собственником земли (земельных участков). В законодательстве Российской Федерации сформулирована четкая позиция – собственником земли народ быть не может, как и в целом субъектом отношений собственности. «Использование для описания данных отношений понятий «собственность» и «народ» вызывает негативное отношение представителей частного права, так как <…> народ не может являться субъектом права собственности» [15]. Кроме того, признание народа как собственника, даже в

обход положений частного права о субъектах частноправовых отношений (которым народ не поименован), привело бы к возникновению на ряду с государственной, муниципальной и частной собственностью собственности народа. Регулирование подобных отношений попросту невозможно. «Соответственно, недопустимо признание одновременного наличия права собственности на землю у частного собственника и народа» [15]. При этом многонациональный народ обладая суверенитетом способен обеспечить состояние присвоенности природных ресурсов на своей территории [15]. Однако такая присовенность не носит имущественного контекста и является социальным выражением значимости земли для всего народа.

Существует позиция, согласно которой правомочия народа владеть, пользоваться и распоряжаться своими природными ресурсами и естественными богатствами охватывается, как правом государственной и муниципальной собственности (например, правомочия по управлению и использованию земельного фонда), так и правом на национализацию, экспроприацию земель и других природных ресурсов [15]. Таким образом, народ не является напрямую собственником земли и иных природных ресурсов. Однако, государственные и муниципальные органы, в собственности которых находится большая часть земельных участков (составляющих землю как таковую), реализуют правомочия собственников в интересах народа, а не своих интересов, что и следует из всей деятельности публично-правовых образований.

Несмотря на кажущуюся очевидность данного вопроса история Российской Федерации знает случаи, когда субъекты РФ (например: Республики Башкортостан, Ингушетия, Адыгея, Коми, Северная Осетия), исходя из неверного толкования положений Конституции РФ и Земельного кодекса РФ, объявляли землю и другие природные ресурсы национальным богатством, национальным достоянием, собственностью субъекта или устанавливали порядок владения, пользования и распоряжения землей, недрами, лесами и водами, порядок охраны окружающей среды в обход федерального законодательства. Конституционный суд РФ в ряде актов толковал, что подобные нормы ограничивают суверенитет Российской Федерации и противоречат Конституции РФ, где устанавливается, что природные ресурсы принадлежат всему многонациональному народу России, а не только отдельному народу, находящемуся на территории определенного субъекта РФ [9; 11]. Таким образом, субъект РФ не может объявить своим

достоянием (собственностью) землю и другие природные ресурсы на своей территории.

Таким образом, как и сейчас, так и в период СССР земля не была собственность народа, «государство признавало право народа, проживающего на соответствующей территории на использование земли, то есть закрепило общность земельных ресурсов, их абсолютную публичность» [18, с. 93]. Предполагается, что «в эпоху «развитого социализма» концепция «народного достояния» выходила за рамки собственно права и носила скорее идеологический характер» [18, с. 93]. Таким образом, ряду исследователей это дает основание полагать, что термин «народное достояние» носит (или, по крайней мере, носил в период СССР) чисто идеологических характер, а не юридический. При этом, В.П. Мозолин, применительно к РФ, полагает, что понятие «народное достояние» вполне может иметь юридическое значение [22]. Также и В.Д. Мазаев полагает, что категорию «народное достояние» весьма успешно можно привнести в законодательство [20]. Представляется, что указанный термин (категория) носит юридический характер, более того, можно говорить даже не о декларативном его характере, а реально применимом.

При этом все же в научной доктрине остаются нерешенными вопросы признания «достоянием народов» земли и других природных объектов, а также продолжают сохраняться терминологические коллизии в Земельном и Гражданском кодексах РФ, связанные с закреплением в них возможности отчуждения в собственность земли как природного ресурса, а не индивидуализированного объекта недвижимости [23]. Некоторые ученые видят противоречие законодательства в части, в которой законодатель признает землю достоянием и во взаимосвязи с пониманием термина достояние как «имущество, собственность» [26]. «Ученые-цивилисты, зачастую вообще склонны считать категорию «народное достояние» бессодержательной декларацией» [24, с. 56], в силу того, что признание земли как национального (народного) достояния не несет имущественной характеристики, а значит бессодержательно в цивилистическом контексте. Представляется, что понимание земли как национального (народного) достояния следует трактовать шире, чем сугубо материальное понимание, приведенное в ряде толковых словарей. На это указывает и Конституционный суд РФ, говоря, что отождествление понятия «достояние» и «собственность» создает правовую коллизию [9].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что конституционное положение «основа жизнедеятельности» не является передачей земли в право собственности народу. Это также следует и из нахождения ст. 9 Конституции РФ в Главе 1 (Основы конституционного строя) Конституции РФ, а не Главе 2 (Права и свободы человека и гражданина).

Следующим вопросом, подлежим разрешению, является возможность признать землю национальным (народным) достоянием (богатством).

Обращаясь к нормативным правовым актам СССР, можно утверждать, что земля в период СССР признавалась национальным достоянием. Так, например, одним из первых решений советской власти было принятие Декрета «О земле», который указывал, что «вся земля <…> отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней» [7]. Не изменилась позиция советской власти и в дальнейшем, так, например, ст. 10 Конституция СССР 1977 года закрепляла, что «земля, ее недра, воды, растительный и животный мир в их естественном состоянии являются неотъемлемым достоянием народов» [6] или ст. 3 Основ законодательства СССР и союзных республик о земле, которая гласила: «земля является достоянием народов, проживающих на данной территории» [5].

Обращаясь к актам Российской Федерации, можно сказать о том, что земля также признается национальным достоянием.

Во-первых, это подтверждается актами Конституционного суда РФ. Он неоднократно признавал публичным достоянием многонационального народа России землю [15]. Конституционный суд РФ отмечал, что народам, проживающим на территории того или иного субъекта РФ, должны быть гарантированы охрана и использование земли и других природных ресурсов как основы их жизни и деятельности, то есть как естественного богатства, ценности (достояния) всенародного значения [9]. Как отмечает А.Я. Рыженков – Конституционный суд РФ в своей правовой позиции указывает на то, что «земля и другие природные ресурсы не могут являться достоянием народов, проживающих в отдельно взятом субъекте РФ. Все природные объекты и ресурсы страны должны являться достоянием всех жителей России, без учета их места проживания» [24]. В.О. Лучин, излагая собственное особое мнение, как конституционного судьи, подчеркивал, что Конституция РФ не содержит понятия «достояние», однако в ней содержится близкое к нему понятие «основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории» [9]. Близость этих понятий «национальное богатство» и «основа

жизни и деятельности» была констатирована Конституционным судом РФ [10].

Во-вторых, правовая категория «достояние народов» широко используется в отраслевом законодательстве. В ряде федеральных законов содержатся формулировки: «достояние народов России» или «общенациональное достояние», когда речь идет об использовании и охране объектов животного мира, защите особо охраняемых природных территорий и т.д. По аналогии данные положения можно распространить и на землю.

Законодатель также выделяет художественное, историческое, археологическое и культурное достояние народов [14]. Используется и аналог данной правовой категории, когда речь идет об «уникальной ценности» объектов культурного наследия народов Российской Федерации, являющихся «неотъемлемой частью всемирного культурного наследия» [14].

Также в законодательстве встречается и специфическая категория – «общественное достояние (ст. 1256 и 1282 ГК РФ). Существует позиция, согласно которой данная категория является «специфической разновидностью достояния народов» [15].

«В федеральном законодательстве термин «достояние» используется широко и применяется преимущественно в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть важность и уникальность соответствующих объектов (природных ресурсов, культурных, исторических, археологических ценностей, животного мира, информационных ресурсов) и тем самым установить для собственника указанных объектов дополнительные ограничения в интересах общества» [9]. При этом характеристика соответствующего объекта как достояния или как основы жизнедеятельности народа является по своей сути и предназначению обоснованием для установления особенностей правового режима такого объекта, в том числе в части, касающейся прав собственности на него.

Конституционный суд РФ утверждает, что «народам, проживающим на территории того или иного субъекта РФ, должны быть гарантированы охрана и использование земли и других природных ресурсов как основы их жизни и деятельности, т.е. как естественного богатства, ценности (достояния) всенародного значения» [9]. Такое же правило, как следует из Закона РФ «О недрах» [4] и Федерального закона «О животном мире» [3], устанавливается и в отношении других природных ресурсов.

В-третьих, придание земли и иным природным ресурсам значения национального (народного) достояния подтверждается и доктринальной

мыслью. Так, например, Н.А. Сыродоев пишет: «земля, вне зависимости от установленных форм собственности на нее, является уникальным природным ресурсом, занимает главенствующее место среди материальных условий, необходимых для жизнедеятельности людей, в силу чего она не может не рассматриваться в качестве общественного достояния» [25].

Таким образом, земля является национальным (народным) достоянием многонационального народа России, что не следует отождествлять с передачей народу, как субъекту правоотношений, права собственности на землю (земельные участки).

Некоторые учены считают, что положение ч. 1 ст. 9 Конституции РФ имеет в большей степени духовные, социальные и природоохранные истоки, а также отражает особую жизненную значимость данных объектов [12, с. 12]. И с этим нельзя не согласиться. Как пишет А.И. Мелихов: «земля является консолидирующим фактором при объединении людей и последующей организации государства, выступающим в качестве его территории <…> Государство, реализуя суверенное право на выбор типа экономической системы, посредством которой будут удовлетворяться его экономические потребности, устанавливает для достижения общенародной цели наиболее эффективный режим использования природного ресурса, который может принять форму как частной, так и государственной или муниципальной собственности. В зависимости от этого определяется содержание субъективных прав человека и гражданина в сфере использования экономических свойств земли» [21, с. 12-13], но помимо этого, как отмечает, Ю.В. Васильчук: «если речь идет о земле как основе жизни проживающих в пределах РФ, то, безусловно, здесь подчеркивается эколого-правовое значение земли как одного из важнейших компонентов окружающей среды, совокупность которых создает благоприятный для существования человека биологический режим» [16, с. 36]. Таким образом, «земля является особым объектом общественных отношений» [19].

На основании всего изложенного можно прийти к следующему выводу: земля в Российской Федерации является национальным (народным) достоянием многонационального народа России, при этом народ не может быть собственником земли (земельных участков). Признание земли народным достоянием выражается в том, что земля является основой политико-правового, социально-экономического и экологического благополучия жизни и деятельности народа, консолидирующим фактором, важнейшим компонентом окружающей среды, главным ресурсом выживания и

существования человечества, особым товаром, объектом особых общественных правоотношений общего типа. Земля имеет повышенную социальную ценность, что выражается в предъявлении конституционных требований рационального и эффективного использования и охраны.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // РГ от 25.12.1993 г. № 237.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ от 29.10.2001 г. № 44. ст. 4147.
3. Федеральный закон от 24 апреля 1995 года «О животном мире» // СЗ РФ от 24 апреля 1995 г. № 17 ст.1462.
4. Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 года «О недрах» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 16 апреля 1992 г. № 16 ст. 834.
5. Основы законодательства СССР и союзных республик о земле // Ведомости Верховного Совета СССР, 1990 г., № 10, ст. 129-130. [Утратили силу].
6. Конституция СССР 1977 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1977 г., № 41, ст. 617. [Утратила силу].
7. Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов от 8 ноября (26 октября) 1917 г. «О земле» // СУ РСФСР, 1917 г., № 1, ст. 3, 2-е изд. [Утратил силу].
8. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 23 апреля 2004 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы» // СЗ РФ от 3 мая 2004 г. № 18 ст. 1833.
9. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 07.06.2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ от 19.06.2000 г. № 25 ст. 2728.
10. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 9 января 1998 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ от 19 января 1998 г. № 3 ст. 429.
11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 г. № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о

проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия - Алания и Республики Татарстан» // СЗ РФ от 17.07.2000 г. № 29 ст. 3117.

12. Аверьянова Н.Н. Земля как основа жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис. … д-ра. юрид. наук. Саратов, 2019. 405 с.

13. Аверьянова Н.Н. Природные ресурсы как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. №15. 2009.

14. Анисимов А.П. Конституционно-правовое регулирование «иных» форм собственности на природные ресурсы в Российской Федерации // «Аграрное и земельное право», 2009 г. С. 30-33.

15. Анисимов А.П., Мелихов А.И. «Достояние народов» как правовая категория // Евразийский юридический журнал. 2008. № 4 (6). С. 69-71.

16. Васильчук Ю.В. К вопросу о земле как основе жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2012. № 30. С. 31-42.

17. Васильчук Ю.В. К вопросу о содержании и правовом значении конституционно-правовой нормы о земле как основе жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории // Сборник Конституция РФ и современные проблемы развития общества и государства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию Конституции РФ. 2018. С. 30-46.

18. Зарщиков А.В. Соотношение понятий «Народное достояние» и «Государственная собственность» на землю в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2012. №4. С.93-95.

19. Ильичева О.А. Конституционное право частной собственности гражданина на землю: проблемы теории и судебной защиты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 21 с.

20. Мазаев В.Д. Понятие и конституционные принципы публичной собственности: Учеб. пособие. М.: Институт права и публичной политики, 2004. 95 с.

21. Мелихов А.И. Право частной собственности на земельные участки: конституционно-правовой аспект: автореф. … канд. юр. наук. Волгоград, 2007. 220 с.

22. Мозолин В.П. Право собственности в Российской Федерации в период перехода к рыночной экономике. М., 1992. 176 с.

23. Рыженков А.Я. К вопросу о понятии и содержании принципа учета значения земли как основы жизни и деятельности человека // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 3 (36). С. 183-188.

24. Суханов Е.А. Право собственности и иные вещные права в России. М., 1999. 561 с.

25. Сыродоев Н.А. Земля как объект гражданского оборота // Государство и право. 2003. № 8. С. 27-34.

26. Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. Изд-во «Азъ», М., 1992. 995 с.

27. Содержание конституционного положения «основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории» // [Электронный ресурс] URL: https://www.hse.ru/data/2014/04/06/1320585920/Содержание%20конституционного%20положения%20»о..%20на%20соответствующей%20территории».pdf (дата обращения: 07.07.2025).

© Д.Ю. Богатов, 2025

СЕКЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНОГО ПРОФИЛЯ МОЛОДЁЖИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ШКАЛЫ ИНТЕЛЛЕКТА ВЕКСЛЕРА (WAIS)

Качалов Вадим Юрьевич
доцент, к.соц.н.,
доцент кафедры педагогики и психологии
в сфере физической культуры
Институт физической культуры
Поволжский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма
Артамонов Максим Петрович
студент
Поволжский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма

Аннотация: Представлены результаты исследования когнитивных характеристик молодёжи (18–25 лет) с использованием шкалы интеллекта Векслера (WAIS). Анализ охватил 50 испытуемых и позволил выявить типичные профили интеллекта.

Ключевые слова: интеллект, WAIS, когнитивный профиль, молодёжь, психодиагностика.

A STUDY OF THE COGNITIVE PROFILE OF YOUTH USING THE WECHSLER INTELLIGENCE SCALE (WAIS)

Abstract: The article presents the results of a cognitive profile study of young adults (18–25 years old) using the Wechsler Adult Intelligence Scale (WAIS). The analysis covered 50 participants and identified typical intelligence profiles.

Key words: intelligence, WAIS, cognitive profile, youth, psychodiagnostics.

Изучение интеллекта как одной из ключевых психических функций остаётся важнейшим направлением прикладной психодиагностики. Анастази А. подчеркивала: «интеллект — это интегральный показатель

способности человека адаптироваться к новым условиям, обучаться и использовать опыт» [1, С. 34]. В условиях стремительных изменений современного общества способность человека к обучению, адаптации и логическому мышлению приобретает особую значимость. Психологи, педагоги, рекрутеры и клиницисты всё чаще используют стандартизированные тесты для оценки когнитивного потенциала, и наиболее признанным инструментом среди них выступает шкала Векслера.

Методика WAIS (Wechsler Adult Intelligence Scale) представляет собой комплексный тест для оценки интеллекта у взрослых в возрасте от 16 до 64 лет. Она разработана таким образом, чтобы измерять как общий интеллектуальный уровень (IQ), так и его отдельные компоненты — логическое мышление, словесное понимание, визуально-пространственное восприятие, скорость обработки информации, объём рабочей памяти.

Методика WAIS прошла многократные адаптации и обновления: с момента появления первой версии в 1955 году она претерпела несколько серьёзных ревизий, последняя из которых — WAIS-IV — соответствует современным стандартам психометрики. Современная версия теста опирается на четко выделенные четыре фактора интеллекта, признанные большинством теорий когнитивной психологии: вербальное понимание, перцептивное рассуждение, рабочая память и скорость обработки информации. Подобная модель даёт возможность оценить не только количество, но и структуру интеллекта, что особенно ценно в контексте психологического сопровождения, профориентации, клинической диагностики и коррекционной работы. Как отмечает Носс И.Н., «WAIS является одной из самых валидных и широко апробированных методик диагностики интеллекта во взрослой возрастной группе» [4, С. 129].

Актуальность применения WAIS особенно велика при изучении молодёжи — студентов, молодых специалистов, находящихся на ранних стадиях профессионального и личностного самоопределения. Карелина А.И. подчёркивает: «период юности и ранней взрослости — это время активной стабилизации когнитивных процессов и формирования интеллектуальных стратегий» [3, С. 212].

Именно в этом возрасте (18–25 лет) происходит стабилизация когнитивных функций, формирование стратегий мышления, проявляются потенциальные интеллектуальные ресурсы.

Цель данного исследования — провести тестирование 50 человек в возрасте от 18 до 25 лет с использованием методики WAIS, проанализировать результаты и выявить особенности интеллекта в данной возрастной группе.

Методы исследования

Исследование проводилось в течение двух недель в условиях, максимально приближенных к стандартам психологической диагностики. Организация процесса включала несколько этапов: подготовительный, диагностический и аналитический. Инструментарий: WAIS (Wechsler Adult Intelligence Scale). Все участники прошли индивидуальное тестирование по шкале WAIS в очном формате, с соблюдением этических норм и методологических требований.

В исследовании приняли участие 50 человек в возрасте от 18 до 25 лет. Все они либо являются, либо раньше были студентами ПГУФКСиТ.

Из них:

– 25 мужчин;
– 25 женщин.

Социальный состав:

– Нынешние студенты ПГУФКСиТ (60%);
– Молодые работающие специалисты (30%);
– Индивидуальные предприниматели и фрилансеры (10%).

Все испытуемые были физически и психически здоровы, участвовали добровольно, предоставив информированное согласие. Для целей анонимности каждому участнику был присвоен код.

Таблица 1

Разбивка по возрасту

Возраст	Кол-во
18 лет	8
19 лет	10
20 лет	10
21-22 года	12
23-25 лет	10

Обсуждение

Чурилов А.М. уточняет: «сбалансированная структура WAIS-IV позволяет исследовать как общий уровень интеллекта, так и отдельные когнитивные функции» [6, С. 56].

Методика включает 4 когнитивных индекса и 10 основных субтестов, охватывающих основные стороны интеллекта:

1. Индекс словесного понимания (VCI):

– Словарный запас — определение слов, оценка уровня понятийного мышления;

– Сходства — установление логических связей между понятиями;

– Информация — общие знания, энциклопедическая осведомлённость.

2. Индекс перцептивного рассуждения (PRI):

– Кубики Коса — анализ и воссоздание пространственных фигур;

– Матрицы — логика и закономерности;

– Пазлы — пространственное представление объектов.

3. Индекс рабочей памяти (WMI):

– Арифметика — выполнение устных вычислений;

– Цифры (повторение) — запоминание и воспроизведение последовательностей.

– Индекс скорости обработки информации (PSI):

– Кодирование (Штриховка) — скорость и точность копирования символов;

– Поиск символов — быстрая идентификация визуальных стимулов.

Каждый субтест оценивается по количеству верных ответов, затем «сырые» баллы конвертируются в стандартизированные с учётом возраста. На основе этого рассчитываются четыре индекса и итоговый показатель IQ (FSIQ).

Процедура проведения:

1) Подготовка: перед началом тестирования каждому испытуемому объяснялись цель исследования, структура теста, продолжительность, правила конфиденциальности.

2) Тестирование: проводилось индивидуально. Продолжительность — около 90 минут, с перерывом при необходимости.

3) Контроль условий: тесты проводились в кабинете психолога или учебной аудитории без отвлекающих факторов.

4) Обработка: баллы считались вручную и с помощью шаблонов перевода в шкальные значения из руководства DBGLab [7].

Как рекомендует Панасюк А.Ю.: «важно максимально соблюдать стандартизированные условия тестирования для обеспечения достоверности и сопоставимости результатов» [5, С. 101].

Результаты

После завершения тестирования и последующей обработки всех протоколов были получены данные по каждому из четырёх индексов WAIS и общему показателю IQ (FSIQ) для всех 50 испытуемых. Помимо количественной обработки, было проведено качественное содержательное сравнение профилей для выделения типичных когнитивных структур, а также индивидуальных отклонений, требующих психологической интерпретации.

Типичный пример результатов (Испытуемый № 24, 20 лет, мужчина):

1. VCI (словесное понимание): 108
2. PRI (пространственное мышление): 101
3. WMI (рабочая память): 98
4. PSI (скорость обработки): 93
5. FSIQ (общий IQ): 101

Профиль: сбалансированная структура интеллекта, с умеренным снижением скорости обработки информации. Высокий уровень словесных способностей указывает на хорошее абстрактное мышление.

Краткие наблюдения по другим испытуемым:

У испытуемой №12 (23 года) — FSIQ = 132, высокий уровень по всем шкалам, особенно по PRI (141) → признаки одарённости.

У испытуемого №39 (18 лет) — FSIQ = 89, диспропорция между VCI (96) и WMI (78) → возможны трудности с концентрацией.

Анализ всех 50 протоколов позволил выделить несколько типичных профилей:

1. Сбалансированный когнитивный профиль (34% испытуемых):

Все индексы варьируются в пределах 10 баллов. У таких участников наблюдается равномерное развитие всех когнитивных функций. Подобная структура типична для людей, не испытывающих выраженных интеллектуальных трудностей, но и не обладающих узко-специализированными талантами. Эти испытуемые, как правило, успешно справляются с учёбой и адаптируются к различным когнитивным задачам.

2. Преобладание вербального интеллекта (28%):

Индекс VCI превышает другие показатели минимум на 12 баллов. Как правило, этот тип наблюдается у студентов гуманитарных направлений. Они хорошо справляются с заданиями на аналогии, определения, общественную осведомлённость. Однако при этом могут наблюдаться трудности с визуально-пространственными или моторными заданиями, такими как кубики или кодирование.

3. Преобладание невербального интеллекта (18%):

PRI и PSI значительно выше VCI и WMI. Такие участники быстро справляются с абстрактными и визуальными задачами, но могут испытывать затруднения при формулировании словесных определений или в арифметических задачах на слух. Подобные профили характерны для будущих инженеров, программистов, дизайнеров.

4. Сниженная скорость обработки информации (12%):

Индекс PSI устойчиво низкий (менее 90) при нормальных значениях других компонентов. Испытуемые с таким профилем могут быть вдумчивыми, аналитичными, но медлительными. Это может приводить к трудностям при выполнении заданий на время, сдаче экзаменов и работе в условиях дедлайна.

Согласно Карелиной А.И., «для молодых взрослых средние показатели IQ по WAIS в пределах 100–105 соответствуют нормативным данным по российским адаптациям» [3, С. 270].

Таблица 2

Распределение общего IQ (FSIQ) по всей выборке

Уровень IQ	Кол-во человек
Очень высокий (130+)	3
Высокий (120–129)	9
Выше среднего	12
Средний (90–109)	20
Ниже среднего	6
Низкий (<80)	0

Средний IQ по группе: 104,2

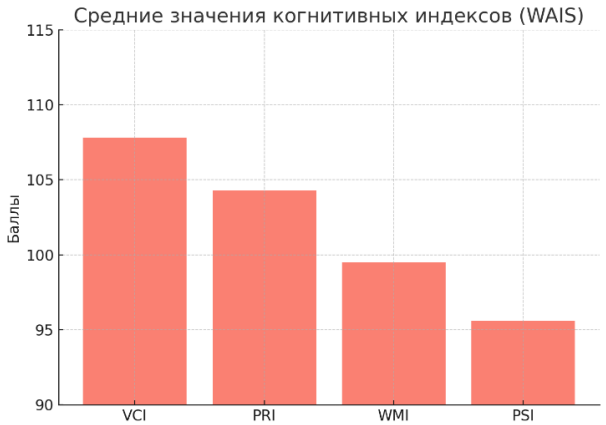

Рис. 1. Средние значения когнитивных индексов (WAIS)

Таблица 3

Средние показатели по индексам

Индекс	Среднее значение
Словесное понимание (VCI)	107,8
Перцептивное рассуждение (PRI)	104,3
Рабочая память (WMI)	99,5
Скорость обработки информации (PSI)	95,6

Интерпретация:

Вербальный интеллект развит сильнее всего. Самым слабым показателем оказалась скорость обработки информации — у 32% испытуемых ниже 95. Это может быть связано с тревожностью, недостатком сна, перегрузкой или недостаточной тренировкой автоматизированных навыков.

Рис. 2. Сравнение когнитивных индексов по полу

Таблица 4

Сравнение по полу

Показатель	Мужчины	Женщины
FSIQ	102,4	106
VCI	104,7	110,9
PRI	106	102,3
WMI	98,9	100,1
PSI	97,2	94,3

Женщины продемонстрировали преимущество по вербальным функциям, мужчины — по логико-пространственным. Разница в общем IQ статистически незначима, но структура когнитивного профиля различается. Как поясняет Бурлачук Л.Ф.: «гендерные различия в когнитивных профилях

обусловлены не столько биологией, сколько особенностями когнитивного опыта и стиля обучения» [2, С. 328].

По структуре полученных данных выделены следующие профили:

1) Сбалансированный профиль (34%) — все индексы находятся в пределах ±10 баллов друг от друга.

2) Вербальное доминирование (28%) — индекс VCI значительно выше других, особенно у гуманитариев.

3) Невербальное доминирование (18%) — PRI и PSI преобладают, типично для технарей и визуалов.

4) Сниженный PSI (12%) — у ряда испытуемых отмечены низкие результаты по скорости обработки информации при нормальных других индексах.

Выводы

Проведённое исследование с использованием шкалы интеллекта Векслера (WAIS) на выборке из 50 человек 18–25 лет позволило получить целостную картину когнитивного функционирования молодёжи и выявить ряд закономерностей.

1) Уровень интеллекта (FSIQ):

Большинство испытуемых показали результаты в пределах нормы (90–109) и выше. Средний FSIQ составил 104,2, что указывает на хороший когнитивный потенциал. Ни у одного участника IQ не оказался ниже 80.

2) Особенности структуры интеллекта:

Высшие средние показатели отмечены по индексу словесного понимания (VCI), несколько ниже — по перцептивному рассуждению (PRI). Показатели рабочей памяти (WMI) близки к норме, скорость обработки информации (PSI) оказалась самой низкой (95,6). Это говорит о доминировании качества переработки информации над скоростью, что типично для обучающейся молодёжи.

3) Гендерные различия:

Женщины показали более высокий средний IQ и выраженные вербальные способности (VCI), мужчины — преимущество по пространственно-логическому индексу (PRI). Эти различия совпадают с известными когнитивными предпочтениями разных полов.

4) Типология когнитивных профилей:

Выделено 4 профиля:

– сбалансированный (34%);

– вербальное доминирование (28%);
– невербальное доминирование (18%);
– сниженная скорость обработки информации (12%).

Это отражает разнообразие стратегий интеллектуальной деятельности и требует индивидуализированного подхода.

5) Практическое значение:

Анастази А. утверждала: «психометрическая диагностика интеллекта важна не только для научных целей, но и для решения практических задач профотбора и планирования коррекционной работы» [1, С. 582]. Результаты полезны для профориентации, диагностики одарённости, психологического сопровождения студентов ПГУФКСиТ и других ВУЗов, мониторинга когнитивного развития и коррекции выявленных трудностей.

Таким образом, результаты данного исследования позволили получить объективную и многомерную оценку когнитивного состояния современной молодёжи с помощью валидной и стандартизированной методики WAIS. Полученные данные подтверждают, что у большинства молодых людей 18–25 лет наблюдается нормальный или выше среднего уровень интеллекта, с выраженными индивидуальными особенностями в структуре умственных способностей. Особенно важно, что методика позволяет не только диагностировать уровень интеллекта как количественный показатель, но и выявлять качественные особенности интеллектуальной деятельности — например, преобладание аналитических, вербальных или визуальных стратегий.

Результаты подчёркивают необходимость учитывать структуру интеллекта при образовательном и профессиональном сопровождении молодёжи, особенно при высокой нагрузке, требующей как скорости, так и точности когнитивной обработки. Дифференцированный подход к интерпретации показателей каждого из индексов WAIS позволяет психологу и педагогу разрабатывать более точные рекомендации по поддержке, коррекции и развитию интеллектуального потенциала.

Применение методики Векслера на практике способствует формированию осознанного отношения к собственным умственным возможностям, повышению мотивации к обучению, развитию сильных сторон личности и преодолению когнитивных трудностей.

Список литературы

1. Анастази А. Психологическое тестирование / А. Анастази. – М.: Наука, 2004. – 690с.

2. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф.Бурлачук. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2009. – 528 с.

3. Карелина А.И. Психодиагностика: учебник и практикум для вузов / А.И. Карелина. – М.: Юрайт, 2018. – 325 с.

4. Носс И.Н. Психодиагностика. Тест, психометрия, эксперимент / И.Н.Носс. – М.: КСП +, 2009. – 320 с.

5. Панасюк А. Ю. Адаптированный вариант методики Векслера / А.Ю. Панасюк. – М.: Просвещение, 2002. – 378с.

6. Чурилов А.М. Практикум по психодиагностике / А.М. Чурилов. – СПб.: Речь, 2011. – 288 с.

7. Шкала Векслера WAIS-IV для взрослых. Описание методики [Электронный ресурс] // DBGLab – Центр психометрических исследований. – URL: https://www.dbglab.ru/upload/datadictionary/Векслер.pdf.

© В.Ю. Качалов, М.П. Артамонов

DOI 10.46916/02092025-8-978-5-00215-840-9

ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕМОНСТРАТИВНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК СТРАТЕГИИ САМОУТВЕРЖДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Смирнова Ольга Сергеевна
аспирант
Научный руководитель**: Сапоровская Мария Вячеславовна**
д.п.н.
ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»

Аннотация: В статье исследуются психологические особенности демонстративного потребления как стратегии самоутверждения в подростковом и юношеском возрасте. Цель работы заключается в выявлении связи между уровнем субъектности и саморегуляции у юношей и девушек и их склонностью к демонстративному потреблению. Выборка исследования включает 150 студентов среднего профессионального образования в Костроме с различными условиями обучения и материальным благосостоянием. Для анализа предикторов использовались методики: опросник уровень субъектности М.А. Щукиной, адаптированные инструменты Р. Райана и Дж. Коннела для оценки мотивации, а также методика демонстративного потребления Н.К. Радиной и Н.В. Шайдаковой. Результаты помогут понять мотивационные аспекты поведения молодежи и разработать программы, направленные на формирование здоровых установок самоутверждения.

Ключевые слова: демонстративное потребление, самоутверждение, юность, подростковый возраст.

A STUDY OF DEMONSTRATIVE CONSUMPTION AS A STRATEGY OF SELF-AFFIRMATION IN ADOLESCENCE AND YOUTH

Smirnova Olga Sergeevna
Scientific adviser: **Saporovskaya Maria Vyacheslavovna**

Abstract: The article explores the psychological characteristics of demonstrative consumption as a strategy of self-assertion in adolescence and early adulthood. The aim of the study is to identify the relationship between the level of

subjectivity and self-regulation in young men and women and their tendency towards demonstrative consumption.

The sample consists of 150 students of secondary vocational education in Kostroma, who have different learning conditions and material wealth. The following methods were used to analyze the predictors: the Subjectivity Scale by M.A. Shchukina, and the adapted instruments by R. Ryan and J. Connell's assessment of motivation, as well as the method of demonstrative consumption by N.K. Radina and N.V. Shaidakova. The results will help to understand the motivational aspects of youth behavior and develop programs aimed at forming healthy self-assertion attitudes.

Key words: demonstrative consumption, self-assertion, youth, adolescence.

Цель исследования – изучить психологические особенности демонстративного потребления как стратегии самоутверждения в подростковом и юношеском возрасте, обусловленные уровнем развития субъектности и саморегуляции юношей и девушек.

Для достижения поставленной цели в соответствии с выделенными и обоснованными критериями отбора была сконструирована выборка; создан и обоснован методический комплекс исследования. Выборку основного исследования составили обучающиеся СПО города Костромы. Общий объем выборки составляет 150 студентов. 100 молодых людей и 50 девушек, в возрасте от 14 до 20 лет (юношей и девушек). Разной формы обучения (бюджет и внебюджет). Разного материального дохода семьи.

Для изучения предикторов личности демонстративного потребления как фактора самоутверждения в подростковом и юношеском возрасте были определены основные направления исследования имеющее предметное содержание. Выделены содержательные блоки и методический комплекс соответствующий каждому блоку.

Для оценки уровня субъектности использовался опросник «Уровень развития субъектности личности» М.А. Щукиной, основным диагностическим конструктом данной методики является субъектность личности, как способность, которая обеспечивает возможность осуществлять самоуправление социальном контексте своего бытия [5].

Опросник Академической саморегуляции Р. Райана и Дж. Коннела в адаптации Т.О. Гордеевой [1], В.А. Барановой был выбран для изучения типов внешней и внутренней мотивации. В рамках этой методики рассматривается

мотивационный блок, который основан на теории самодетерминации зарубежных авторов Э. Диси и Р. Райана.

Демонстративное потребление подростков в исследовании рассматривалось опросником «Демонстративное потребление» Н.К. Радиной, Н.В Шайдаковой. Изучались установки на демонстративное потребление и влияние групп.

Методика исследования самоутверждения личности Т.Д. Дубовицкой, Е.А. Киреева [2] в нашей работе использовалась для диагностики стратегии самоутверждения.

Рассмотрим полученные результаты эмпирического исследования по всей выборке респондентов по выбранным методикам. Общая выборка составила 150 человек, из которых вначале все респонденты были разделены на 2 группы по возрасту, группа 14-16 лет подростковый возраст, группа 17-20 лет юношеский возраст (рис. 1)

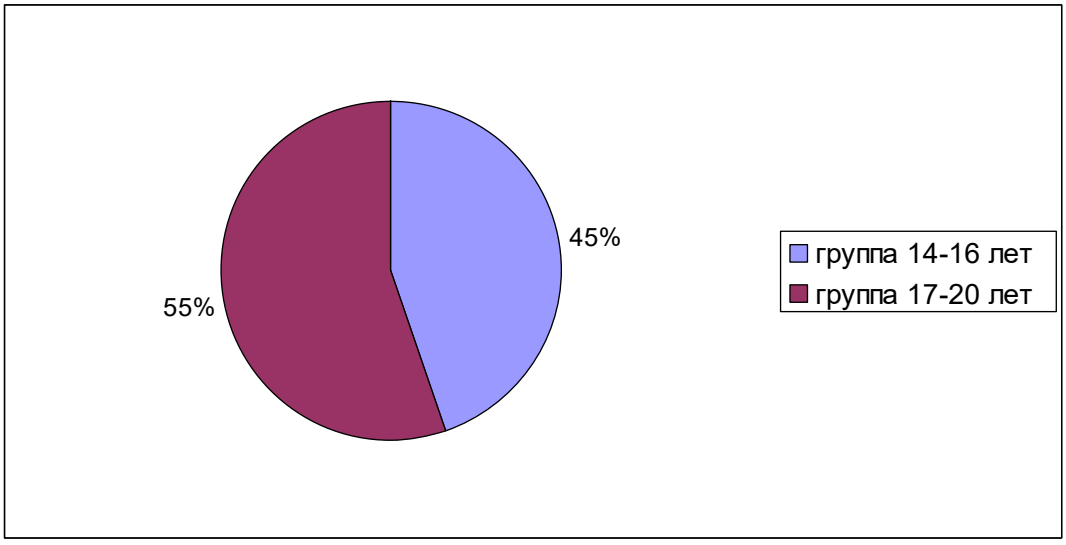

Рис. 1. Группы респондентов по возрасту

В процессе исследования были сформированы группы по возрасту, по гендеру и по форме обучения - бюджет/внебюджет:

По возрасту получились следующие группы:

– группа по возрасту 14-16 лет в количестве 67 человек;
– группа по возрасту 17-20 лет в количестве 83 человек.

В процессе исследования были сформированы группы по половому признаку (рис. 2):

– группа юноши в количестве 99 человек;
– группа девушки в количестве 51 человек.

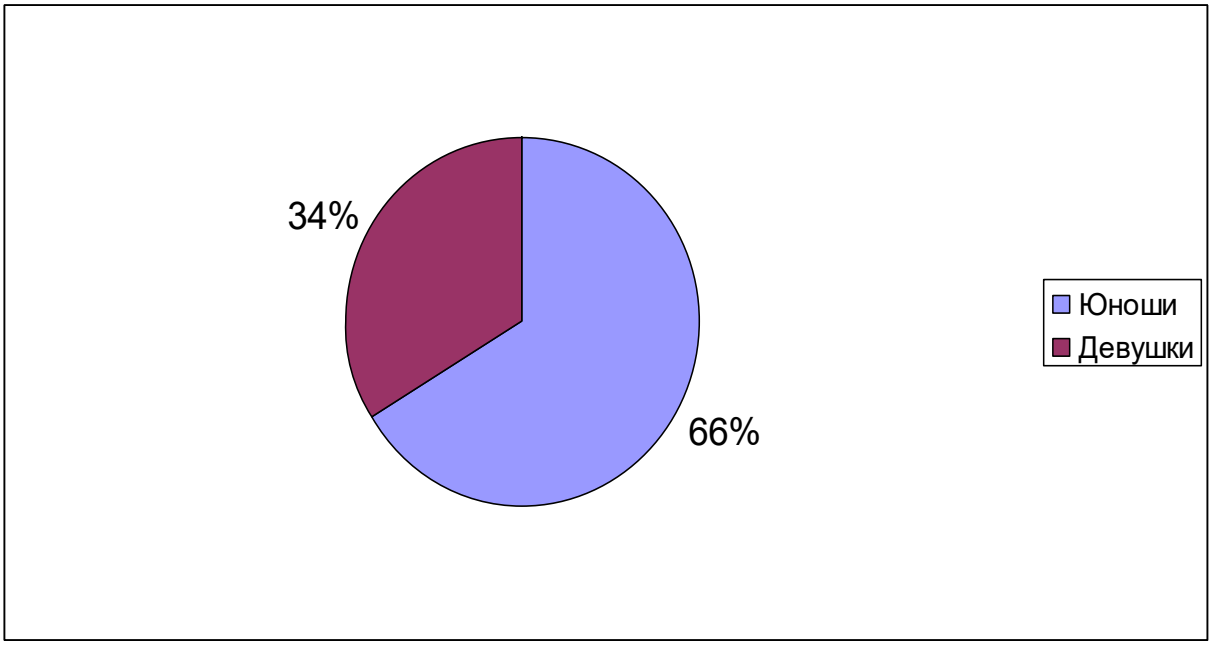

Рис. 2. Группы респондентов по полу

Группы сформированные по форме обучения (рисунок 3):

– группа 100 человек - студенты, обучающиеся за счет бюджетных средств (бюджет);

– группа 50 человек – студенты, обучающиеся за счет собственных семейных средств.

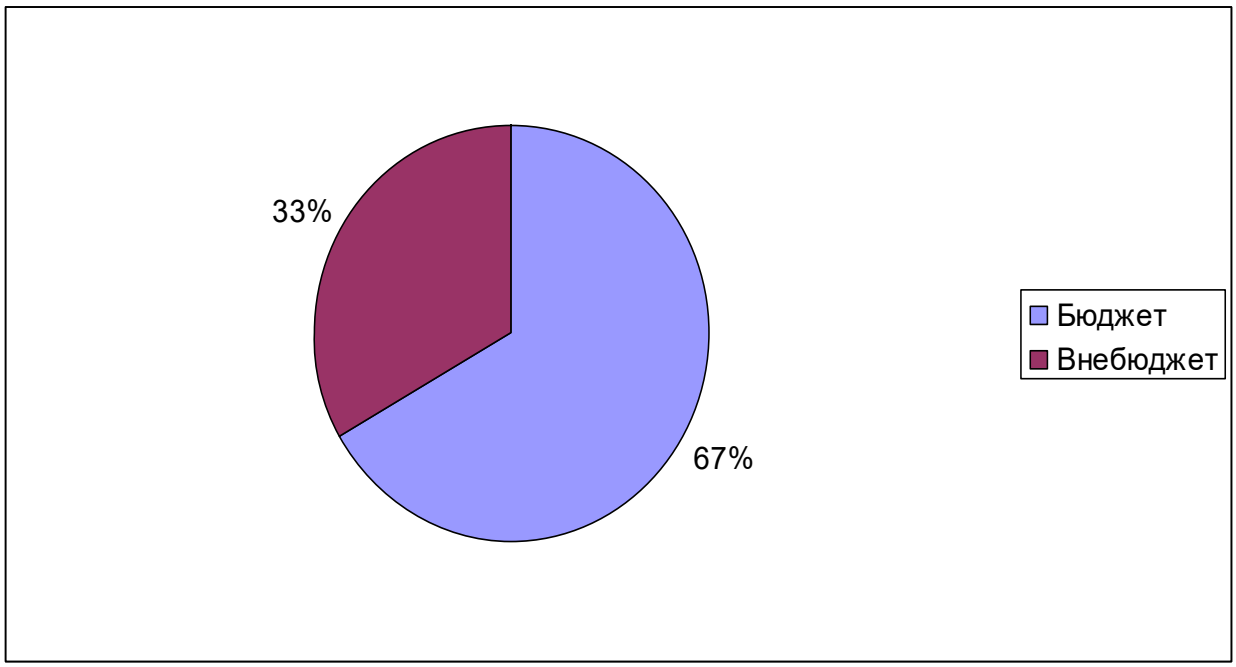

Рис. 3. Группы респондентов по форме обучения (бюджет/внебюджет)

Диагностика сформированности показного (демонстративного) потребления у респондентов была проведена с помощью анкеты «Демонстративное потребление» (Н.К. Радина, Н.В. Шайдакова) [4]. Нас интересовала ориентация респондентов на распознавание и оценку показного потребления, а также сформированность общей установки на показное потребление, интересовало наличие представлений о показном потреблении и их оценка, а также наличие опыта показного потребления у испытуемых.

Результаты диагностики сформированности показного (демонстративного) потребления представлены в таблице 1.

Таблица 1

Средние данные сформированности показного (демонстративного) потребления у респондентов

Наименование шкал	Распознавание показного потребления		Практика показного потребления		Общая установка на показное потребление
	M	SD	M	SD	
Общая выборка	16,59	2,73	14,51	2,46	31,1
Группа 14-16 лет	16,40	2,69	14,43	2,196	30,83
Группа 17-20 лет	16,74	2, 76	14,57	2,678	31,31
Юноши	16,56	2,74	14,43	2,53	30,99
Девушки	16,64	2,726	14,66	2,35	31,31
Бюджет	16,88	2,789	14,50	2,476	31,38
Внебюджет	16,02	2,543	14,54	2,47	30,56

Проведем сравнение по шкалам методики с целью понимания, что больше выражено – оценка показного поведения, представлений о нем, или фактическая реализация такого показного потребления.

Данные представим на рисунке 4.

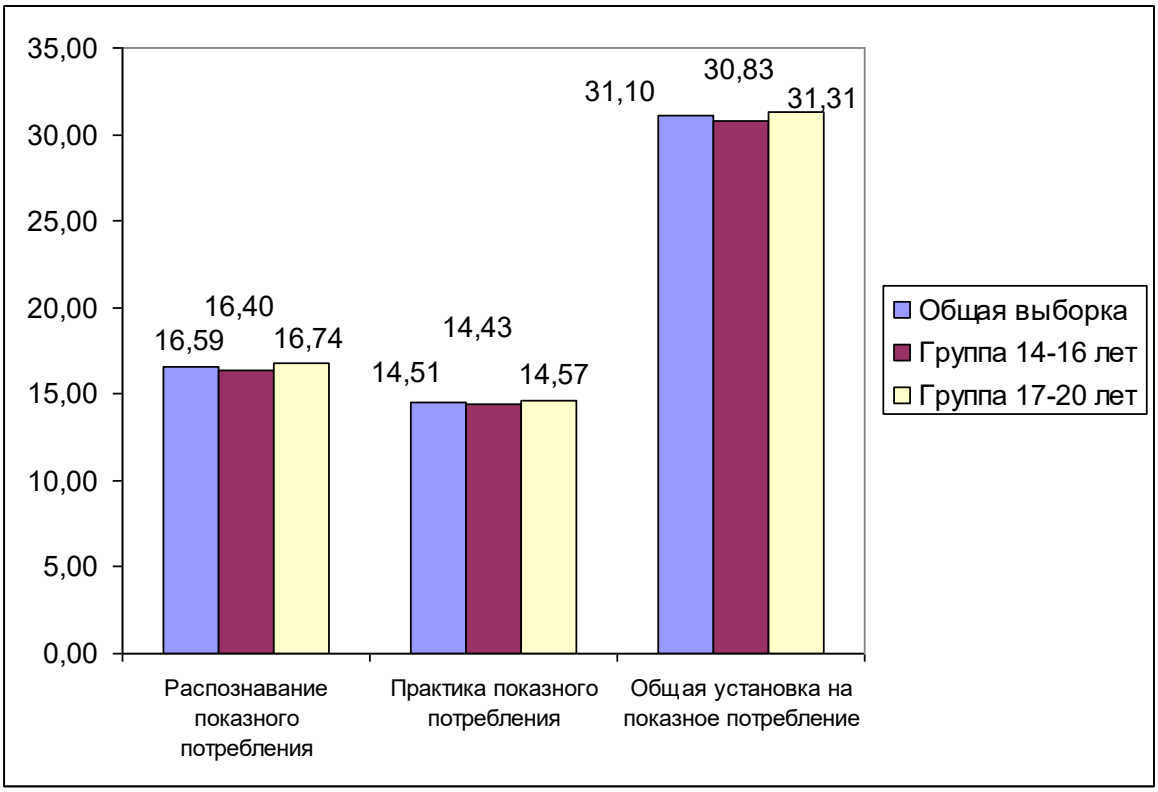

Рис. 4. Результаты сравнительного анализа методики «Демонстративное потребление» (Н.К. Радина, Н.В. Шайдакова) по возрасту

Сравнивая результаты по шкалам в разновозрастных группах, отметим, что уровень распознавания и практики показного потребления в среднем выше во второй группе (возраст 17-20 лет), чем в первой (возраст 14-16 лет), что говорит о том, что с возрастом увеличивается опыт оценки показного потребления, то есть студенты 17-20 лет более опытны в оценке показного потребления, чем в возрасте 14-16 лет. То же можно сказать и про практику показного потребления, более старшие респонденты имеют более выраженные результаты по шкале Практика показного потребления.

В обоих группах результат по шкале Распознавание показного потребления выше, чем по шкале Практика показного потребления, что говорит о том, что респонденты разных возрастов могут без труда оценить такое потребление, имеют определенные представления о статусности такого потребления, но при этом

Результаты сравнительного анализа методики «Демонстративное потребление» (Н.К. Радина, Н.В. Шайдакова) [4] по гендеру представлены на рисунке 5.

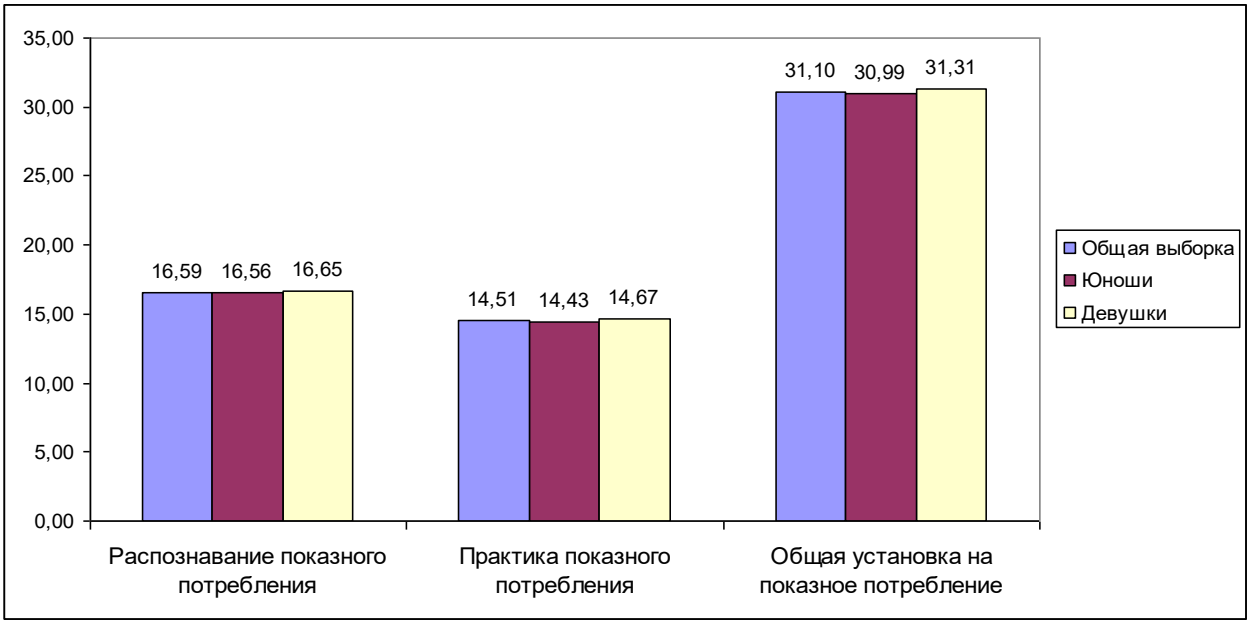

Рис. 5. Результаты сравнительного анализа методики «Демонстративное потребление» (Н.К. Радина, Н.В. Шайдакова) по гендеру

Результаты сравнительного анализа методики «Демонстративное потребление» (Н.К. Радина, Н.В. Шайдакова) по форме обучения представлены на рисунке 6.

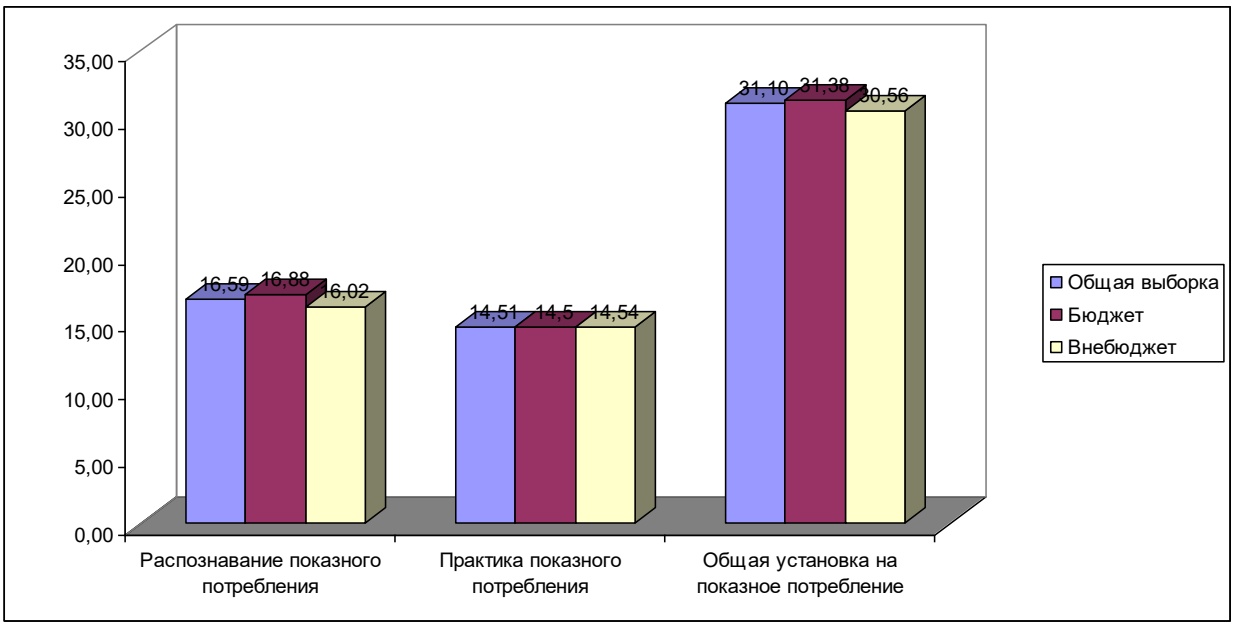

Рис. 6. Результаты сравнительного анализа демонстративного потребления по форме обучения (бюджет/внебюджет)

Результаты сравнительного анализа демонстративного потребления по форме обучения показали, что респонденты, учащиеся на бюджетных

местах имеют схожие результаты по шкале Распознавание показного потребления, а также одинаковую общую установку на демонстративное потребление.

Список литературы

1. Гордеева Т.О. Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития: Автореф. дисс. … доктора психол. наук. М., 2013.

2. Киреева Е. А., Дубовицкая Т. Д., Методика исследования особенностей самоутверждения в подростковом возрасте [Электронный ресурс]: https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2011_n2/exppsy_2011_n2_42046.pdf (дата обращения 27.06.2025)

3. Лабунская В.А. Внешний облик человека как культурно-природный конструкт, порождающий психологические проблемы личности. В кн.: Лицо человека в контекстах природы, технологий и культуры. М.: Когито - Центр, Московский институт психоанализа; 2020. С. 11–25.

4. Шайдакова Н. В. Гендерный анализ демонстративного потребления в среде старшеклассников и студентов [Электронный ресурс]: https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-analiz-demonstrativnogo-potrebleniya-v-srede-starsheklassnikov-i-studentov (дата обращения 27.06.2025)

5. Щукина М. А. Психология саморазвития личности: монография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. - 348 с.

© О.С. Смирнова

ПОДРОСТКОВЫЕ ДЕВИАЦИИ: АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Сыромуков Сергей Алексеевич
магистрант
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
педагогический университет»
Научный руководитель: **Петренко Евгения Николаевна**
канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
педагогический университет»,
с.н.с.
ФГБНУ «Научно-исследовательский
институт нейронаук и медицины»

Аннотация: В статье анализируются основные теории девиантного поведения подростков (биологические, психологические, социологические), рассматриваются ключевые классификации отклоняющегося поведения и факторы его формирования. Особое внимание уделено социальной дезадаптации и характеристикам подростков «группы риска». На основе систематизации данных делается вывод о комплексном подходе к профилактике девиаций.

Ключевые слова: девиантное поведение, процесс социализации, девиантные подростки.

ADOLESCENT DEVIANT BEHAVIOR: AN OVERVIEW OF CENTRAL THEORIES

Syromyukov Sergey Alekseevich
Scientific adviser: **Petrenko Evgeniia Nikolaevna**

Abstract: The article analyzes the main theories of adolescent deviant behavior (biological, psychological, sociological), examines key classifications of deviant behavior and its contributing factors. Special attention is given to social maladjustment and the characteristics of «at-risk» adolescents. Based on data

systematization, the conclusion emphasizes the need for a comprehensive approach to deviance prevention.

Key words: deviant behavior, the process of socialization, deviant adolescents.

Существуют разные теории, объясняющие причины возникновения девиантного поведения, среди которых описываются биологическая, психологическая, педагогическая, социологическая, социально-правовая.

Первопричины девиации изучал Р. Мертон. Он предложил рассматривать следующие типы поведения, которые иллюстрируют разрыв между целями общества и социально одобряемыми средствами осуществления этих целей: конформность, инновация, ритуализм, бунт [6].

В первой половине двадцатого столетия Э. Сазерленд разработал «теорию дифференциальных ассоциаций», согласно которой девиантное поведение – это «сложная форма поведения человека, которая формируется на основе взаимодействия с другими людьми» [8].

Помимо социальных причин возникновения девиантного поведения, Л.А. Азарова подчеркивает важность биологических факторов, к которым она относит: «наследственно-генетические особенности, врожденные свойства личности, импринтинг» [1, с. 39].

З. Фрейд основывает свою теорию девиации на том, что каждый человек «асоциален от природы и стремится только к удовлетворению собственных потребностей, которые не всегда соответствуют требованиям и мнению социума». Именно на этой почве возникают «конфликты личности и социума, которые становятся причинами формирования девиантного поведения» [7].

Биологические и внутренние факторы влияют на поведение личности, они включают: наследственно-генетические особенности и врожденные свойства индивида.

А.Е. Личко относит к биологическим факторам развития девиантного поведения: «генетику, органическое поражение головного мозга (СДВГ и ММД), акселерацию, инфантилизм» [4].

В данном исследовании, для того, чтобы рассмотреть основные проблемы социализации подростков, необходимо рассмотреть структуру видов подросткового девиантного поведения.

Е.В. Змановская и В.Ю. Рыбников в своем учебном пособии, посвященном девиантному поведению, указывают, что в структуру школьной дезадаптации, наряду с такими ее проявлениями, как неуспеваемость,

нарушения взаимоотношений со сверстниками, эмоциональные нарушения, входят и поведенческие отклонения [2]. К поведенческим девиациям, проявляющимся непосредственно в учебном процессе, могут относиться гиперактивное поведение, дисциплинарные нарушения (опоздания, невыполнение школьных правил, прогулы уроков), агрессивное поведение, курение, хулиганство, ложь, воровство.

К признакам социальной дезадаптации в подростковом возрасте относятся: «регулярное употребление психоактивных веществ (летучие растворители, алкоголь, наркотики), нехимические аддикции (компьютерная и игровая зависимость, зависимость от сериалов, интернет-зависимость, пищевые аддикции), сексуальные девиации, проституция, бродяжничество, совершение преступлений» [2, с. 38]. Также авторы считают, что расстройства поведения в детском и подростковом возрасте подразделяют на две основные подгруппы: социализированные формы антиобщественного поведения и несоциализированное агрессивное поведение. Дети и подростки первой группы хорошо адаптируются внутри антиобщественных групп, не проявляют признаков эмоциональных расстройств, совершая антисоциальные поступки в группе. Представители несоциализированного агрессивного поведения, напротив, находятся в очень плохих отношениях с ближайшим окружением - другими детьми и семьей; для них характерны враждебность, негативизм, дерзость и мстительность [2].

Кроме этого, исследователи выделяют три группы девиантного поведения подростков. Антисоциальное поведение (внешнедеструктивное)- противоречащее правовым нормам, угрожающее социальному порядку и благополучию окружающих; асоциальное (смещено-деструктивное), характеризующееся уклонением от выполнения морально-нравственных норм и угрожающее благополучию межличностных отношений; и диссоциальное (аутодеструктивное), отклоняющееся от медицинских и психологических норм и угрожающее целостности и развитию самой личности [2, с. 41].

В.Д. Менделевич рассматривает формы и типы девиации, подразделяя их на 5 типов: делинквентный, аддиктивный, патохарактерологический, психопатологический, связанный с гиперспособностями [5].

Можно утверждать, что, не смотря на большое разнообразие классификаций девиантного поведения, все классификации взаимно дополняют друг друга и не противоречат друг другу. Более того, один и тот же вид девиантного поведения имеет разные формы: от вредной привычки до поведения, которое ухудшает качество жизни и т.д.

Важной категорией подростков, связанных с девиантным поведением является - «группа риска». Изучая данный вопрос, М.А. Климов и Е.Н. Ращикулина пишут: «термин «риск» означает вероятность, как правило, чего-то отрицательного, нежелательного, что возможно может произойти. Следовательно, если речь идёт о детях «группы риска», имеется в виду то, что данные дети в большей мере находятся под влиянием нежелательных факторов, которые в свою очередь могут сыграть свою роль в поведении ребёнка» [3, с. 151-155].

М.А. Климов и Е.Н. Ращикулина включают в понятие «дети группы риска» такие группы детей, как: «дети с проблемами в развитии, не имеющими резко выраженной клинико-патологической характеристики, дети, оставшиеся без попечения родителей в силу разных обстоятельств, дети из неблагополучных, асоциальных семей, дети из семей, нуждающихся в социально-экономической и социально-психологической помощи и поддержке, дети с проявлениями социальной и психолого-педагогической дезадаптации» [3, с. 153]. Авторы предлагают ряд причин отклонений, которые свойственны «группе риска»: социальное неравенство, нарушение социальных норм, игнорирование советов и рекомендаций, психологические особенности личности, стремление подростка к самостоятельности, поведенческие отклонения» [3].

Резюмируя проведенный анализ теоретических источников, посвященных этиологии девиантного поведения в детско-подростковой среде, представляется возможным выделить следующие кластеры факторов, оказывающих существенное влияние на формирование отклоняющегося поведения: биологические, включающие физические и анатомические особенности организма, а также генетическую предрасположенность; психофизиологические, определяющие влияние психофизиологических аспектов на функционирование индивида; физиологические, обусловленные наличием дефектов речи, внешности и иных физиологических особенностей; психологические, связанные с присутствием психопатий или акцентуаций характера; социально-педагогические, отражающие дефициты воспитательного воздействия со стороны различных социальных институтов; половозрастные и индивидуальные особенности, определяющие специфику проявления девиаций в зависимости от возраста и индивидуальных характеристик; социально-экономические, связанные с социальным неравенством и его последствиями; и, наконец, морально-этические, обусловленные сниженным уровнем морально-нравственных установок.

Также проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам: девиантное поведение подростков формируется под влиянием сложного взаимодействия биологических (генетика, органические поражения ЦНС), психологических (акцентуации характера, конфликт личности и социума) и социальных факторов (неблагополучная среда, дефекты социализации). Ни одна из существующих теорий не дает исчерпывающего объяснения, что подчеркивает необходимость интегративного подхода;

Подростки с девиантным поведением представляют собой особую группу риска, значительная часть таких подростков относится к маргинальным группам – это дети из асоциальных семей, переживающие различные формы депривации (эмоциональной, материальной, образовательной), а также те, кто остался без попечения родителей;

Кроме этого, для данной категории типично развитие «каскадных» нарушений, когда первичные проблемы (например, школьная дезадаптация или гиперактивность) при отсутствии своевременной коррекции перерастают в более тяжелые формы девиаций – от аддиктивного поведения до вовлечения в преступную деятельность.

Примечания

Работа выполнена за счет средств федерального бюджета на проведение фундаментальных научных исследований (тема № 122042700001-9)

Список литературы

1. Азарова, Л. А. Психология девиантного поведения : учеб.-метод. комплекс / Л. А. Азарова. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. – 164 с.

2. Змановская, Е. В. Девиантное поведение личности и группы : учебное пособие / Е. В. Змановская, В. Ю. Рыбников. – СПб. : Питер, 2010. – 352 с.

3. Климов, М. А. Девиантное поведение подростков: причинная обусловленность, виды, риски / М. А. Климов, Е. Н. Ращикулина. – Текст : электронный // Современное педагогическое образование. – 2018. – № 2. – С. 151-155.

4. Личко, А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А. Е. Личко. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ленинград : Медицина, Ленингр. отд-ние, 1983. – 255 с.

5. Менделевич, В. Д. Психология девиантного поведения : учебное пособие / В. Д. Менделевич. – СПб., 2005. – 260 с.

6. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва : АСТ Москва : Хранитель, 2006. – 873 с.

7. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд ; перевод с немецкого Г. В. Барышниковой ; под редакцией Е. Е. Соколовой и Т. В. Родионовой. – Санкт-Петербург : Азбука, 2017. – 446 с.

8. Sutherland, E. H. Principles of Criminology / E. H. Sutherland, D. R. Cressey. – Philadelphia, 1966.

© С.А. Сыромуков, 2025

ФАКТОРЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Быкова Алена Александровна
студент 4 курса
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
педагогический университет»
Научный руководитель: **Петренко Евгения Николаевна**
канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
педагогический университет»,
с.н.с.
ФГБНУ «Научно-исследовательский
институт нейронаук и медицины»

Аннотация: В статье представлен теоретический анализ факторов субъективного благополучия (СБ) подростков в период интенсивных физиологических и психологических изменений. Рассматривается взаимосвязь эмоциональной регуляции, когнитивного развития, социальной адаптации и академической успеваемости с формированием СБ. Особое внимание уделяется возрастной динамике: отмечается снижение удовлетворенности школьной средой и семейными отношениями при сохранении значимости общения со сверстниками и профессионального самоопределения. Теоретический анализ подтверждает важность развития навыков саморегуляции для поддержания субъективного благополучия в подростковом возрасте.

Ключевые слова: подростковый возраст, психологические особенности подростков, субъективное благополучие.

FACTORS OF SUBJECTIVE WELL-BEING IN ADOLESCENCE

Bykova Alena Aleksandrovna
Scientific adviser: **Petrenko Evgeniya Nikolaevna**

Abstract: The article presents a theoretical analysis of factors of subjective well-being (SWB) of adolescents during the period of intensive physiological and psychological changes. The relationship between emotional regulation, cognitive development, social adaptation and academic performance with the formation of SWB is considered. Particular attention is paid to age dynamics: a decrease in satisfaction with the school environment and family relationships is noted while maintaining the importance of communication with peers and professional self-determination. Theoretical analysis confirms the importance of developing self-regulation skills to maintain subjective well-being in adolescence.

Key words: adolescence, psychological characteristics of adolescents, subjective well-being.

Подростковый период, будучи по своему содержанию переломным, переходным и критическим, знаменует собой переход к взрослой жизни и особенности его протекания, несомненно, откладывает отпечаток на всю последующую жизнь. Выделение подросткового периода в психическом развитии человека в качестве самостоятельного стало причиной специальных исследований целью выявления специфических особенностей, присущих этому возрасту.

Гормональные изменения, происходящие в период пубертата, наряду с развитием лобных долей головного мозга, ответственных за самоконтроль и планирование, приводят к повышенной эмоциональности и неустойчивости настроения. Подростки могут переживать сильные эмоции – от эйфории до глубокого отчаяния – и им бывает сложно адекватно их регулировать. Развитие навыков аффективной регуляции, умения справляться с негативными эмоциями, искать конструктивные способы выражения чувств и успокоения, является критически важным для поддержания психического здоровья и субъективного благополучия.

Субъективное благополучие (СБ) определяется как когнитивная и эмоциональная оценка своей жизни, включающая удовлетворенность жизнью, наличие позитивных эмоций и отсутствие негативных эмоций (Брук и др., 2021). Для подростков СБ связано с различными аспектами жизни, включая отношения с семьей, друзьями, успехи в учебе и общее ощущение себя.

В России изучение субъективного благополучия подростков развивается в рамках психологии, социологии и педагогики. Этой проблематикой занимаются как академические исследователи, так и прикладные специалисты, работающие в сфере образования и социальной работы. Среди

ключевых исследователей можно выделить А.Л. Журавлёва и Д.А. Леонтьева, изучающих ценностные ориентации и их влияние на благополучие (например, Леонтьев и др., 2022). Их работы показывают, что российские подростки часто связывают субъективное благополучие с достижением личного успеха и социальным признанием, в ущерб коллективистским ценностям. Т.О. Гордеева и О.А. Сычев исследуют роль академической мотивации и самоэффективности, демонстрируя, что школьная успеваемость и поддержка учителей существенно влияют на психологическое благополучие (Гордеева, Сычев, 2017). А.Б. Холмогорова и коллеги анализируют влияние семьи и социальных сетей, выявляя, что конфликты с родителями и кибербуллинг снижают уровень благополучия, тогда как доверительные отношения выступают защитным фактором (например, Смирнова, Холмагорова, 2008)

Исследования также показывают, что подростки с высоким уровнем СБ, как правило, обладают более развитыми навыками саморегуляции, лучше справляются со стрессом и имеют более позитивные социальные связи. Они склонны к конструктивному решению проблем и более устойчивы к негативному влиянию сверстников. Выявлено, что положительное СБ связано с академической успеваемостью, психологическим здоровьем и адаптивностью в социуме.

В одном из современных исследований на тему ценностей подростков делается вывод, что подростки высоко ценят индивидуальный успех, свободу мышления, собственный выбор, а также одобрение со стороны общества и наличие социальных связей. В то время как меньшую важность представляют такие ценности, как понимание и терпимость к окружающим, стремление к экологическому поведению, уважение культурных традиций, а также забота о бытовых условиях и обеспечение материального благополучия для себя и близких (Малышев, 2022).

Согласно статистическим данным, собранным как в России, так и за ее пределами, прослеживаются сопоставимые тенденции в восприятии благополучия подростками. Наблюдается, что по мере взросления у подростков снижается уровень благополучия в аспектах, связанных со школой, учителями и родительско-детскими отношениями. В то же время, удовлетворенность межличностным общением со сверстниками и дружескими связями остается на прежнем уровне. Особое значение для субъективного благополучия старших подростков имеет их способность к решению центральной задачи этого возраста – профессиональному самоопределению

(Rees, 2018). Поэтому, одним из факторов улучшения субъективного восприятия подростками собственного психологического благополучия являются когнитивные способности.

Таким образом, анализ психологической литературы позволяет выделить ряд ключевых особенностей подросткового возраста, оказывающих влияние на субъективное благополучие. К ним относятся эмоциональная неустойчивость, самооценка, академическая успеваемость, психологическое здоровье, социальная адаптивность и когнитивные способности. Развитие этих аспектов способствует формированию устойчивого благополучия, которое, в свою очередь, является важным условием успешного преодоления возрастных кризисов и построения гармоничных отношений с окружающим миром. Следовательно, поддержка подростков в развитии навыков саморегуляции, укреплении социальных связей и профессиональном самоопределении может стать основой для их психологического благополучия не только в текущий период, но и во взрослой жизни.

Примечания

Работа выполнена за счет средств федерального бюджета на проведение фундаментальных научных исследований (тема № 122042700001-9)

Список литературы

1. Брук Ж. Ю., Игнатжева С. В., Волосникова Л. М., Семеновских, Т.В. Когнитивный компонент в структуре субъективного благополучия детей//Психологическая наука и образование.2021.№ 26(5). С.85–100.

2. Гордеева Т. О., Сычев О. А. Мотивационные профили как предикторы саморегуляции и академической успешности студентов //Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2017. – №. 1. – С. 67-87.

3. Леонтьев Д. А. и др. Субъективные индикаторы и психологические предикторы качества жизни. – 2022.

4. Малышев И. В. Особенности ценностно-мотивационной сферы личности учащихся-подростков в современных условиях // Образование в современном мире : Сборник научных статей / Под редакцией профессора Ю.Г. Голуба. Том Выпуск 17. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2022. С. 84-87.

5. Смирнова Н. С., Холмогорова А. Б. Интерперсональные отношения подростков из социально неблагополучных семей //Москва. – 2008.

6. Rees G. The Association of Childhood Factors with Children's Subjective Well-Being and Emotional and Behavioural Difficulties at 11 years old // Child Indicators Research. 2018. Vol. 11(4). P. 1107–1129

© А.А. Быкова, 2025

ВЛИЯНИЕ АГРЕССИВНОСТИ РЕБЕНКА НА ПРОЯВЛЕНИЕ БУЛЛИНГА В ДЕТСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Князютенкова Светлана Анатольевна
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
Шаповалова Дарья Юрьевна
студент
ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Аннотация: Данная статья содержит краткий анализ появления буллинга, как типа поведения среди подростков. Проведен теоретический обзор определений «буллинга» в России и зарубежом. Освещены вопросы появления данного термина в образовательной среде. Также затронуты аспекты нарушений, возникающих в результате воздействия на подростка в ситуации буллинга, которое могут привести к личностным изменениям, таким как: психологическая и физическая травма, а также к острым психическим расстройствам, диапазон проявления которые, может варьироваться от излишнего возбуждения, до апатии и депрессии. Представлены результаты исследования влияния отрицательных эмоций на проявление буллинга в школьной среде.

Ключевые слова: подросток, буллинг, травля, физическая агрессия, агрессивность, вербальное и невербальное поведение, девиантность, суицидальная попытка.

THE INFLUENCE OF A CHILD'S AGGRESSIVENESS ON BULLYING IN A CHILDREN'S GROUP

Knyazyutenkova Svetlana Anatolyevna
Shapovalova Darya Yurievna

Abstract: This article contains a brief analysis of the emergence of bullying as a type of behavior among adolescents. A theoretical review of the definitions of «bullying» in Russia and abroad has been conducted. The issues of the appearance of this term in the educational environment are highlighted. Aspects of disorders

that arise as a result of exposure to a teenager in a bullying situation, which can lead to personal changes, such as psychological and physical trauma, as well as acute mental disorders, the range of which can range from excessive agitation to apathy and depression, are also touched upon. The results of a study of the influence of negative emotions on the manifestation of bullying in the school environment are presented.

Key words: teenager, bullying, bullying, physical aggression, aggressiveness, verbal and non-verbal behavior, deviance, suicidal attempt.

Агрессия, эмоциональное притеснение стало одной из актуальных и насущных проблем современной школы. Общеизвестен тот факт, что истоками агрессии являются нейродинамические и психодинамические качества, такие как темперамент, акцентуации характера. В связи с этим, при неблагоприятных условиях жизни, у ребенка формируется так называемый «комплекс враждебности», основными эмоциями которого, являются презрение, гнев и страх. Совокупность этих характеристик обусловливает готовность человека к агрессивным действиям.

Ситуации, связанные с подобным поведением детей и подростков, активно освещаются в средствах массовой информации, где подробно рассматриваются причины девиантных проявлений в детской среде, такие как: суицидальные попытки, избиение одноклассников, психологические издевательства и многое другое. Подобные проявления можно объединить в один современный термин – «буллинг» или «травля».

Английское слово – «буллинг» (bullying) означает притеснение, дискриминацию. Одним из первых, кто начал изучать данную проблему – это Петер – Пауль Хайнеманн (Швеция) (1969 г), рассматривающий данный феномен с точки зрения социально-психологического подхода, в рамках которого, он изучал особенности взаимоотношений внутри группы «Преследователей и Жертвы». Еще один из пионеров, изучавших данное явление, был Дэн Олвеус (Норвегия) (1973 г). Он проводил исследования, направленные на изучение феномена буллинга среди мальчиков, и дал его определение с точки зрения физического и вербального поведения, которое звучало как «особый вид насилия, когда один человек (или группа) физически нападает или угрожает другому человеку, последний, из которых слабее и не может защитить себя ни физические, ни морально» [2]. В дальнейшем, подобные исследования стали проводиться во всех странах.

В России подобные исследования проводятся достаточно активно. На современном этапе данной проблематикой занимаются следующие ученые: Д.А. Александров, О.Л. Глазман, Е.С. Иларионова, С.В. Кривцова [3] и многие другие.

Существует достаточно много определений буллинга. На наш взгляд, наиболее полно раскрывает суть данного явления – это определение С.В. Кривцовой, которое гласит, что «буллингом называется агрессия одних детей против других, когда имеют место неравенство сил агрессора и жертвы, в таком случае, агрессия имеет тенденцию повторяться, при этом ответ жертвы показывает, как сильно она задета происходящим» [3].

При глубоком изучении данной проблемы, можно отметить, что буллинг охватывает очень широкую сферу деятельности ребенка, в связи с этим, ученые выделяют формы и виды буллинга. По нашему мнению, наиболее полно представлена классификация в статье Е.Н. Ожиевой [5], она предлагает делить их на: физический и психологический, который, в свою очередь, подразделяется на: вербальный, невербальный, запугивание, изоляция, вымогательство и т.д. Также, немаловажен тот факт, что существует структура феномена буллинга. Дети, подразделяются на несколько ролей: буллер, жертва и зрители. Каждая из этих ролей имеет свою характеристику. Например, буллеры – это дети с нарциссическими чертами характера, где основной мотив поведения – это стремление к власти. Жертва характеризуется повышенной чувствительностью ко всему происходящему и, чаще всего, выбирается случайно. Наблюдатели же испытывают страх перед буллером и чувствуют свою беспомощность.

В нашей работе нам представилось возможным рассмотреть, как агрессивность влияет на проявление буллинга. В исследовании принимали участие 175 подростков, в возрасте от 11 до 13 лет. Из них – 87 человек – это учащиеся 5-х классов, а 88 человек – это учащиеся 6 -х классов.

Нами были использованы следующие методики:

1. «Ситуация буллинга в школе» (В.Р. Петросьянц) (2011);
2. Опросник исследования уровня агрессивности (А. Басса, А. Дарки).

По результатам исследования наличия буллинга в школе, мы получили следующие данные:

Среди 5-х классов травле подвергались 11,4% учащихся, иногда подвергались – 19,6% подростков. Среди учеников 6 класса, подвергались – 13,6%, иногда подвергались - 5,6%. Позитивный результат состоит в том, что

среди 5 классов процент учащихся, которые вообще не подвергались травле, составляет – 68.9 %, а среди 6-х классов – 80,6%. Свидетелями травли в школе стали 100% учащихся. Участвовали в травле своих одноклассников: среди 5-х классов составляют 5,7%, а среди 6-х классов – 9%.

Исходя из полученных данных, мы можем сделать вывод о том, что в среде младших подростков присутствует феномен буллинга в школе.

Следующим этапом нашего исследования стало изучение влияния агрессивности на проявление факта «насилия» над одноклассниками. По результатам исследования мы получили следующие данные:

– Среди учащихся 5-х классов, которые участвовали в травле других школьников, были получены высокие показатели по шкалам «Физическая агрессия» и «Раздражительность» (60% и 80%).

– Среди учащихся 6-х классов, участвующих в травле, сходные данные: высокие показатели по шкалам: «Физическая агрессия», «Раздражение» и «Негативизм» (87,5% и 75%).

– Школьники, которые подвергались буллингу показали высокие показатели по шкалам «Подозрительность» и «Обида» в обоих класса. В 5-х классах (74% и 59,2%). Среди 6-х классов соответственно (58,8% и 94,1%). Также выявлены высокие результаты по шкале «Чувство вины» среди «жертв» в обоих классах (77,7% и 5,7%).

Для подтверждения влияния агрессивности на проявления буллинга в школьной среде был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Выяснилось, что существует значимая корреляционная связь между шкалой «Физическая агрессия» и частотой травли от одноклассников ($r=0,48$, при $p<0,05$), это означает, что использование физического воздействия при выстраивании взаимоотношений с одноклассниками взаимосвязано. Ребенок применяет травлю как вид насилия, при отсутствии других доступных вариантов общения при отстаивании своей точки зрения.

Среди учащихся, подверженных буллингу, мы выявили положительную корреляцию со шкалой «Обида» ($r=0,57$, при $p<0,05$). Мы можем предположить, что проявлением обиды, учащиеся, ее испытывающие, провоцируют подобное поведение среди физически агрессивных сверстников.

По результатам проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы:

Среди младших подростков присутствует буллинг в школе.

Выявлена взаимосвязь между видами агрессивности и применением буллинга как вида взаимодействия в школьном коллективе.

Основываясь на полученных данных, мы можем предложить основные профилактические мероприятия по снижению травли среди детей и подростков:

– Обучение детей конструктивным методам решения конфликтных ситуаций;

– создание комфортной психологической среды в образовательном учреждении и внутри класса, в частности;

– обучение учителей и родителей, чтобы они могли своевременно обнаруживать признаки буллинга;

– психологическая поддержка жертв буллинга и их семей.

Список литературы

1. Буллинг в школе: практика оказания психологической помощи пострадавшим детям: учебно-методическое пособие / авт-сост: О.В. Чурсинова О.В., А.А. Ярощук А.А. – Ставрополь:СКИРО ПК и ПРО, 2021.- 86 с.

2. Кон И.С. Что такое буллинг и как с ним бороться? /И.С. Кон// «Семья и школа». – 2018.-№11.- с.15-18.

3. Кривцова С.В. Буллинг в школе vs сплоченность неравнодушных: организационная культура ОУ для решения проблем дисциплины и противостояния насилию / С. В. Кривцова ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральный ин-т развития образования, Центр развития психологической службы. - Москва : ФИРО, 2011. - 119 с. : ил., табл.; 21 см.; (дата обращения 14.08.2025)

4. Лафицкая Е.К. Обзор современных отечественных и зарубежных исследований буллинга в подростковой среде (за последние 10 лет)/ Е.К. Лафицкая // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании -2023. Вып. 6.- С 278-288

5. Ожиева Е.Н. Буллинг как разновидность насилия. Школьный буллинг/ Е.Н. Ожиева,//Наусная индустрия европейского контингента./Сборник докладов конференции.- Белгород: Руснаучкнига, 2008, [Электронный ресурс] – Режим доступа https://rusnauka.com/33_NIEK_2008/Psihologia/37294.doc.htm (дата обращения 12.08.2025)

6. Ярмыш И.А. Буллинг как социально-психологический феномен/ И.А. Ярмыш//Весник Донецкого национального университета. Серия Д «Философия и психология» №4/2025 [Электронный ресурс] – режим доступа https://dongu-vestnik05.ru/index.php/vestnik05/article/view/435 (дата обращения 14.08.2025).

© С.А. Князютенкова, Д.Ю. Шаповалова, 2025

КОМПЛЕКСНАЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА ПО СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕВИАНТНЫХ ПОДРОСТКОВ

Сыромуков Сергей Алексеевич
магистрант
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
педагогический университет»
Научный руководитель: **Петренко Евгения Николаевна**
канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
педагогический университет»,
с.н.с.
ФГБНУ «Научно-исследовательский
институт нейронаук и медицины»

Аннотация: Процесс социализации имеет большое значение для развития личности, так как в нем индивид усваивает культурные нормы, ценности и социальные роли общества, становясь частью социальной структуры. Институты социализации играют ключевую роль в формировании личности и социальной структуры общества. Девиантное поведение подростков является многогранным явлением, обусловленным комплексом факторов, нарушающих нормальный процесс социализации. Проблемы социализации подростков с девиантным поведением являются распространенным явлением, которое имеет большое количество причин и предпосылок. Следовательно, работа по преодолению нарушений социализации должна быть комплексной и учитывать индивидуальные особенности нарушений у каждого подростка.

Ключевые слова: девиантное поведение, процесс социализации, девиантные подростки, профилактическая работа.

PREVENTIVE WORK ON THE SOCIALIZATION OF DEVIANT ADOLESCENTS

Syromyukov Sergey Alekseevich
Scientific adviser: **Petrenko Evgeniia Nikolaevna**

Abstract: The process of socialization is of great importance for the development of personality, as in it the individual learns cultural norms, values and social roles of society, becoming part of the social structure. Institutions of socialization play a key role in shaping the personality and social structure of society. Deviant behavior of adolescents is a multifaceted phenomenon caused by a complex of factors that disrupt the normal process of socialization. Problems of socialization of adolescents with deviant behavior are a common phenomenon that has a large number of causes and prerequisites. Therefore, the work on overcoming socialization disorders should be comprehensive and take into account the individual characteristics of each adolescent's disorders.

Key words: deviant behavior, the process of socialization, deviant adolescents, preventive work.

Процесс социализации имеет большое значение для развития личности, так как в нем индивид усваивает культурные нормы, ценности и социальные роли общества, становясь частью социальной структуры. Более того в процессе социализации индивиды учатся взаимодействовать с окружающими, развивая необходимые коммуникативные навыки, которые помогают им находить общий язык с другими.

А.Г. Лигостаев указывает, что «социализация – это приобщение личности к духовным ценностям и нормам поведения, которые сложились в обществе. Личность в процессе своего формирования заимствует правила взаимодействия друг с другом, взгляды, убеждения, ориентации, доминирующие в окружающей его социальной среде» [5]. Опираясь на данное определение, для будущей эмпирической работы, под процессом социализации мы будем понимать многоплановый процесс усвоения индивидом социальных норм, ролей, ценностей и культурных традиций, который происходит на протяжении всей жизни и позволяет людям стать полноценными членами общества, адаптироваться к социальной среде и взаимодействовать с другими.

Институты социализации играют ключевую роль в формировании личности и социальной структуры общества. К основным институтам социализации можно отнести:

- семью, как первичный агент социализации, где закладываются основы моральных и этических норм;

- школу, где формируются знания, навыки и социальные ценности, способствующие интеграции в более широкий социальный контекст;
- друзей и сверстников – оказывают влияние на развитие социальных навыков, формирование идентичности и взаимодействие в группах;
- массовую культуру и СМИ, так как они воздействуют на восприятие мира и общественных норм;
- религию, которая представляет моральные ориентиры и общие ценности;
- работу, которая помогает адаптироваться к профессиональной среде и развивать новые социальные связи.

В своей статье, посвященной социализации личности, И.В. Коледа описываются основные стадии социализации:

Первичная социализация (стадия адаптации) – это этап, на котором происходит неосознанное усвоение социального опыта. Ребёнок на этом уровне адаптируется и подстраивается под окружающую среду, в первую очередь подражая родителям.

Стадия индивидуализации. На этапе индивидуализации формируется критическое восприятие общественных норм поведения. У человека возникает стремление выделиться и обозначить свою индивидуальность среди других.

Стадия интеграции. На этой стадии появляется потребность найти своё место в обществе и «войти» в него. Следует отметить, что интеграция будет успешной, если качества личности принимаются сообществом.

Трудовая стадия. Трудовая стадия охватывает весь период взрослой жизни человека и время его профессиональной деятельности. В этот период индивид не только усваивает социальный опыт, но и активно воспроизводит его через свою деятельность, воздействуя на окружающую среду.

Послетрудовая стадия – это этап, когда человек вносит значимый вклад в передачу социального опыта новым поколениям. Этот период соответствует пожилому возрасту [4].

Девиантное поведение в подростковом возрасте представляет собой существенное нарушение процесса социализации, обусловленное комплексом взаимосвязанных факторов [7]. Ключевым аспектом выступают семейные проблемы, включая неполные семьи, хронические конфликты и отсутствие родительского контроля, что формирует у подростков чувство заброшенности и потерю ценностных ориентиров. Не менее значимым фактором становится дефицит эмоциональной поддержки, который побуждает подростков искать

принятие в уличных субкультурах и асоциальных группах [7]. Образовательная среда также вносит свой вклад в развитие девиаций: низкая успеваемость, конфронтация с педагогами и сверстниками приводят к социальной изоляции и поиску альтернативных способов самореализации. Особую роль играет влияние референтной группы сверстников, чьи нормы и ценности могут существенно расходиться с общепринятыми. Современные вызовы связаны с широкой доступностью негативных поведенческих моделей, активно тиражируемых массовой культурой и СМИ, что способствует нормализации девиантных практик [4]. Завершает этот комплекс причин неблагоприятные социально-экономические условия - высокий уровень бедности, безработицы и социальной нестабильности, создающие питательную среду для различных форм отклоняющегося поведения [4]. Именно сочетание этих факторов формирует устойчивую основу для нарушения нормального процесса социализации в подростковом возрасте.

В итоге, девиантное поведение подростков является многогранным явлением, обусловленным комплексом факторов, нарушающих нормальный процесс социализации. Понимание этих причин может помочь в разработке стратегий профилактики и коррекции такого поведения.

Э. Дюркгейм среди первых рассматривал проблемы эффективной социализации детей и подростков, поэтому, согласно его определению, «эффективность социализации» – это «привитие ребенку навыков дисциплины и самоконтроля, сознания принадлежности к определенной социальной группе и готовности следовать общественным предписаниям» [2, с. 119].

Как указывает С.В. Абрамова в своей статье, посвященной проблемам эффективности социализации детей и подростков: «в педагогике эффективность социализация ребенка подразумевает достижение приемлемого и необходимого уровня социализированности. Так же эффективность социализации заключается в сохранении баланса между адаптацией в обществе и отделением, обособлением от него» [1, с. 1772-1783].

По результатам диагностических исследований выстраивается коррекционная работа, которая, по мнению С.В. Ковалева, «может проводиться как индивидуально, так и в группе. Эта работа должна помочь в развитии коммуникативных навыков подростка, повысить его уверенность в себе, сформировать адекватную самооценку. Другой формой работы по оптимизации социализации подростков с девиантным поведением выступает

вовлечение подростка в социально приемлемые виды деятельности» [3, с. 141].

Как пишет Н.А. Хайдуров, социализация подростков с девиантным поведением представляет собой комплексную, многоуровневую систему действий, «направленных на возвращение их в общество» [7, с. 372].

Суть комплекса мероприятий по социализации девиантных подростков заключается в «обучении тому, как строить взаимоотношения с окружающими людьми и миром, включает профилактику и коррекцию отклонений в его развитии» [6, с. 372].

В процессе социализации подростков, склонных к девиантному поведению, ключевую роль играет комплексное взаимодействие различных институтов и специалистов. Прежде всего, необходимо активное включение семьи как основного агента первичной социализации, способного обеспечить эмоциональную поддержку и базовые ценностные ориентиры. Не менее важна профессиональная работа психологов, которые помогают выявить глубинные причины поведенческих нарушений и разработать индивидуальные стратегии коррекции. Социальные педагоги выступают связующим звеном между подростком и обществом, способствуя его интеграции в социально приемлемые формы деятельности. Особое значение имеет участие классных руководителей, которые могут своевременно отмечать изменения в поведении учащихся и координировать профилактическую работу в образовательной среде. Эффективная ранняя коррекция отклоняющегося поведения должна включать несколько взаимосвязанных направлений работы. Первостепенное значение имеет комплексная диагностика, позволяющая определить способности ребенка и перспективы его развития, что создает основу для построения индивидуальной траектории социализации. Не менее важна демонстрация подростку постоянной поддержки со стороны взрослых, формирующая чувство защищенности и доверия к социальному окружению. Особое внимание следует уделять организации содержательного досуга во внеурочное время, что позволяет перенаправить энергию подростков в социально одобряемое русло. Важным этапом является выявление конкретных психологических и поведенческих комплексов, требующих коррекции, с последующей разработкой и реализацией адресных программ психолого-педагогического сопровождения [6].

Комплекс мероприятий по социализации девиантных подростков может включать следующие направления:

1. Психологическая поддержка: индивидуальные и групповые консультации с психологами, участие в тренингах по развитию эмоционального интеллекта.

2. Семейные программы: семейная терапия для улучшения коммуникации в семье.

3. Образовательные инициативы – внедрение программ по социальной и эмоциональной безопасности в школе, увеличение вовлеченности подростков в учебный процесс через проекты и дополнительные занятия.

4. Спортивные и культурные мероприятия: организация спортивных секций, кружков, проведение культурных мероприятий, фестивалей.

5. Социальное взаимодействие: создание волонтерских программ, где подростки могут помогать другим, разработка молодежных советов или клубов.

6. Профилактика употребления психоактивных веществ: проведение лекций, семинаров, разработка образовательных программ.

7. Социальная адаптация: программы для обучения навыками самообслуживания и самостоятельной жизни и т.д.

В заключение, можно сделать вывод, что проблемы социализации подростков с девиантным поведением является распространенным явлением, которое имеет большое количество причин и предпосылок. Следовательно, работа по преодолению нарушений социализации должна быть комплексной и учитывать индивидуальные особенности нарушений у каждого подростка.

Примечания

Работа выполнена за счет средств федерального бюджета на проведение фундаментальных научных исследований (тема № 122042700001-9)

Список литературы

1. Абрамова С. Б. Проблема эффективности социализации современных детей и подростков // XVIII Международная конференция памяти проф. Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 19-20 марта 2015 г., г. Екатеринбург. — Екатеринбург : УрФУ, 2015. — С. 1772-1783.

2. Дюркгейм Э. Курс социальной науки // Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. — Москва : Канон, 1995. — С. 167-198.

3. Ковалев С. В. Психология современной семьи. — Москва : Академия, 2006. — 482 с.

4. Коледа И. В. Социализация личности: особенности процесса // Высшее техническое образование. — 2018. — № 2. — С. 24-28.

5. Лигостаев А. Г. Понятия теории социализации личности [Электронный ресурс]. — URL: https://prepod.nspu.ru/mod/page/view.php?id=35011 (дата обращения: 30.06.2025).

6. Ломброзо Ч. Преступный человек / пер. с итал. — Санкт-Петербург : Мидгард, 2005. — 877 с.

7. Хайдуров Н. А. Проблемы социализации в подростковом периоде // Юный ученый. — 2023. — № 3 (66). — С. 370-374.

© С.А. Сыромуков, 2025

УРОВЕНЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И УРОВЕНЬ ЭСКАПИЗМА У УЧИТЕЛЕЙ СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ

Доронин Сергей Николаевич
студент
ФГБОУ ВО «Морской государственный университет
имени адмирала Г.И. Невельского»
Научный руководитель: **Торгунская Наталья Леонидовна**
к.п.н., доцент
ФГБОУ ВО «Морской государственный университет
имени адмирала Г. И. Невельского»

Аннотация: Современные педагоги сталкиваются с высоким уровнем профессионального стресса, что приводит к эмоциональному выгоранию — состоянию хронической усталости, апатии и снижению работоспособности. Это негативно сказывается не только на самих учителях, но и на образовательном процессе в целом. Целью данного исследования стало изучение взаимосвязи между уровнем эмоционального выгорания и склонностью к эскапизму (уходу от реальности) среди учителей средних общеобразовательных школ. В качестве эмпирической базы выступили 12 педагогов из Владивостока с разным профессиональным стажем — от 3 до 15 лет. Для диагностики использовались методики: «Тест социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда, а также «Опросник психического выгорания» А.А. Рукавишникова.

Результаты исследования показали, что наиболее подвержены эмоциональному выгоранию учителя со стажем работы 3–5 и 10–15 лет. При этом у большинства из них уровень эскапизма оставался в пределах нормы, что говорит об использовании адаптивных стратегий преодоления стресса, таких как переключение внимания и поиск ресурсов вне работы. Педагоги со стажем 5–10 лет демонстрировали умеренное выгорание и низкий уровень эскапизма, что свидетельствует об их способности конструктивно решать профессиональные задачи без склонности к избеганию.

Полученные данные подчеркивают необходимость разработки дифференцированных программ психологической поддержки для учителей, учитывающих их профессиональный стаж и индивидуальные coping-

стратегии. Исследование имеет практическую значимость для оптимизации рабочей нагрузки педагогов и профилактики эмоционального выгорания в образовательной среде. Дальнейшее изучение этих феноменов позволит усовершенствовать меры психологического сопровождения педагогического процесса.

Ключевые слова: выгорание, психоэмоциональное выгорание, профессиональное выгорание, эскапизм, копинг-стратегия, психические состояния личности, педагоги, психология труда.

LEVELS OF EMOTIONAL EXHAUSTION AND ESCAPISM AMONG SECONDARY SCHOOL TEACHERS

Doronin Sergey Nikolaevich
Sciencific adviser: **Torgunskaya Natalia Leonidovna**

Abstract: Modern educators face high levels of professional stress, leading to emotional burnout — a state of chronic fatigue, apathy, and reduced performance. This negatively impacts not only teachers themselves but also the educational process as a whole. The aim of this study was to examine the relationship between emotional burnout and escapism (withdrawal from reality) among secondary school teachers. The empirical sample consisted of 12 teachers from Vladivostok with varying professional experience, ranging from 3 to 15 years. Diagnostic tools included the "Test of Personal Adjustment" by K. Rogers and R. Diamond, as well as the "Burnout Inventory" by A.A. Rukavishnikov.

The findings revealed that teachers with 3–5 and 10–15 years of experience were most susceptible to emotional burnout. However, most of them exhibited escapism levels within the normal range, indicating the use of adaptive coping strategies such as shifting focus and seeking external sources of recovery. Teachers with 5–10 years of experience showed moderate burnout and low escapism, suggesting their ability to address professional challenges constructively without avoidance tendencies.

These results highlight the need for tailored psychological support programs for teachers, taking into account their professional tenure and individual coping mechanisms. The study has practical implications for optimizing educators' workloads and preventing burnout in the educational environment. Further research

on these phenomena will contribute to refining psychological support measures for the teaching profession.

Key words: burnout, psychoemotional burnout, professional burnout, escapism, coping strategy, mental states of an individual, teachers, occupational psychology.

Современные педагоги подвергаются высокому уровню стресса и профессионального, эмоционального выгорания, что снижает их эффективность и работоспособность [1]. Исследования эскапизма, как копинг-стратегии, может помочь в разработке мер профилактики и поддержки педагогов. В работе авторов эмоциональное выгорание определяется как состояние хронической усталости, депрессии и апатии, снижающее профессиональную эффективность и качество жизни педагогов [2]. Эмоциональное выгорание является важной проблемой не только для самих учителей, но и для системы образования в целом, поскольку оно влияет на учебный процесс, взаимоотношения с учениками и коллегами [3, 4].

Проблема выгорания рассматривается через один из механизмов, способствующих снижению воздействия стресса и выгорания – эскапизм, как склонность к уходу от реальности, избеганию трудных ситуаций через фантазии, мечты, использование различных видов досуга и зависимостей [5]. Эскапизм может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на психологическое состояние человека, и его связь с эмоциональным выгоранием остаётся малоизученной в контексте профессиональной деятельности педагогов [6].

Цель: изучение феноменов эмоционального выгорания и эскапизма в контексте профессиональной деятельности учителей средних общеобразовательных школ.

Материалы и методы исследования: эмпирическая база состоит из 12 учителей средних общеобразовательных школ г. Владивосток в возрасте от 25 до 55 лет, со стажем работ 3 от до 15 лет, имеющих одинаковую рабочую нагрузку.

Методом исследования является психологическое тестирование – это метод объективного измерения одного или нескольких аспектов целостной личности через вербальные ответы или через другие поведенческие проявления. Тест – это стандартизированная процедура психологического измерения, позволяющая определить степень выраженности у индивида тех или иных психических характеристик, свойств, способностей. Выделяют

тесты интеллекта, способностей и личностные тесты, чем и являются выбранные авторами методики исследования.

Методики исследования: «Тест социально-психологической адаптации (Test of Personal Adjustment)» К. Роджерса, Р. Даймонда (1931, 1954) и «Опросник психического выгорания» А.А. Рукавишникова (2001).

Результаты исследования и их обсуждение: В целом, исследование показало, что в большей степени синдрому эмоционального выгорания подвержены учителя от 3 до 5 лет и от 10 до 15 лет стажа работы, что также в полной мере соотносится с исследованием Первитской А.М. [7].

Таким образом, на основании анализа полученных результатов (рис. 1), демонстрирующих значительную выраженность эмоционального выгорания и умеренную степень эскапистских тенденций у большинства педагогов, участвующих в исследовании, можно сделать следующие выводы.

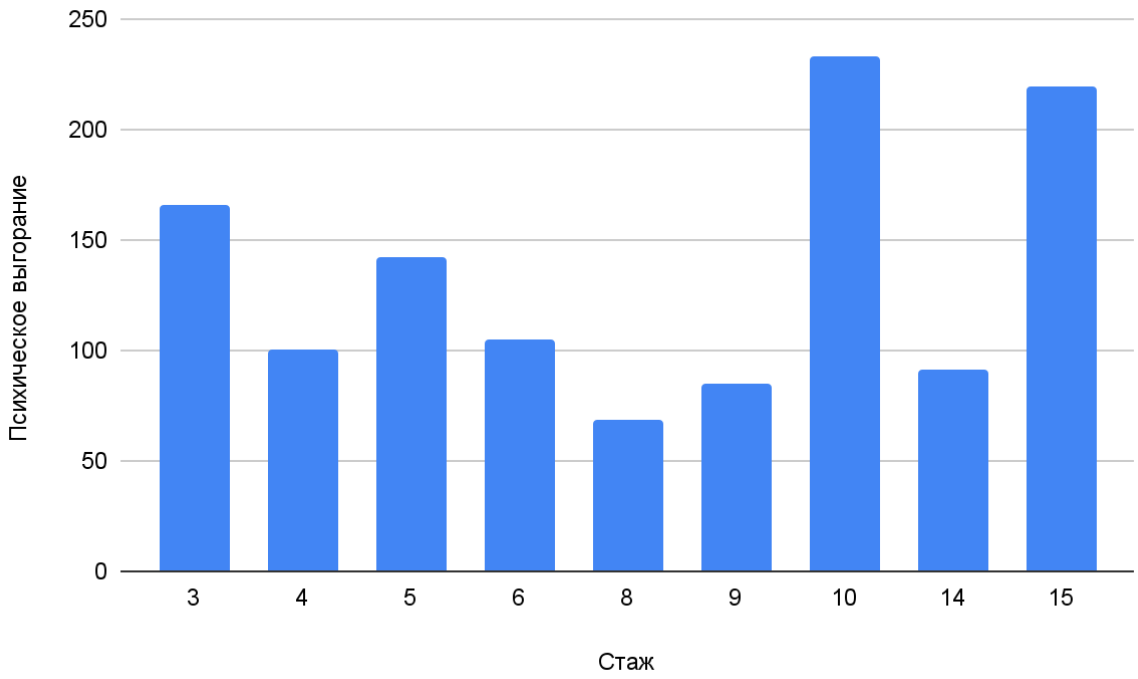

Рис. 1. Результаты исследования эмоционального выгорания учителей школ

Составлено авторами.

Несмотря на выраженные признаки эмоционального выгорания у учителей со стажем работы от 3 до 6 лет, педагоги данной группы демонстрируют нормативный уровень эскапизма, что может указывать на использование адаптивных стратегий отвлечения, не оказывающих

деструктивного влияния на их профессиональную деятельность. Хотя эмоциональное истощение и сопровождающие его переживания могут приводить к снижению общей активности, эти педагоги сохраняют потенциал для поиска и использования ресурсов для восстановления, прибегая, в частности, к стратегиям релаксации и переключения внимания вне работы, но не избегая при этом своих профессиональных обязанностей. Важно отметить, что индивидуальные особенности и доступность внешних ресурсов могут играть значимую роль в эффективности этих стратегий».

Исследование показало, что педагоги со стажем 5–10 лет (средний этап карьеры) демонстрируют умеренное эмоциональное выгорание при низком уровне эскапизма. Эта группа респондентов, обладая профессиональным опытом, проявляет признаки выгорания, но не в критической форме. Они могут испытывать усталость, снижение мотивации и раздражительность, но сохраняют способность эффективно работать. Интенсивность эмоционального истощения не является оптимальной, но и не критична, проявляется в колебаниях энергии в течение недели. Усталость не является постоянным состоянием, педагоги сохраняют адекватную работоспособность.

Кроме того, у учителей выделенной группы может наблюдаться некоторое снижение эмпатии и формализация отношений, не переходящая в цинизм или деперсонализацию. Педагоги не склонны к эскапизму, предпочитая конструктивный подход к решению проблем.

Исследование показало, что педагоги со стажем 10–15 лет демонстрируют высокий уровень эмоционального выгорания, обусловленный, вероятно, накоплением усталости, рутиной, ощущением карьерного «тупика» и возможным разочарованием в профессии. Это проявляется в хронической усталости, эмоциональном истощении, упадке сил, дистанцировании от учащихся, коллег и работы, а также в снижении эмпатии и вовлечённости.

Однако, несмотря на это, уровень эскапизма у большинства педагогов остаётся в пределах нормы (рис. 2), что предполагает использование адаптивных стратегий отвлечения, не наносящих вреда их работе. Вероятно, респонденты выделенной группы находят внутренние ресурсы вне работы, эффективно переключаясь на другие занятия после рабочего дня, что помогает им поддерживать психологический баланс.

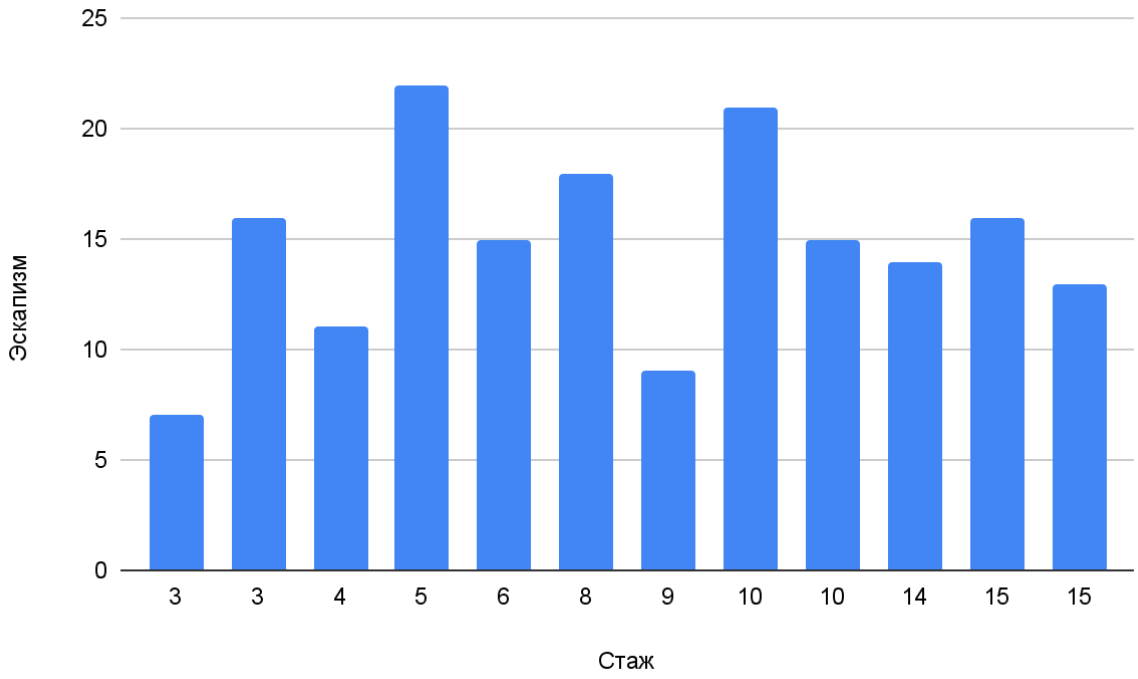

Рис. 2. Уровень выраженности эскапизма у учителей школ

Составлено авторами.

Возможно, выгорание проявляется в апатии, цинизме и разочаровании, указывающих на внутреннее напряжение. Несмотря на это, учителя сохраняют способность переключаться и находить внерабочие ресурсы, что свидетельствует о механизмах саморегуляции, помогающих им функционировать при высоких нагрузках.

В целом результаты указывают на формирование адаптивных стратегий преодоления стресса, конструктивный подход к решению профессиональных задач и отсутствие склонности к избеганию у учителей со стажем работы 10-15 лет.

Выводы: Таким образом, проведенное исследование психо-эмоционального выгорания и эскапизма учителей школ г. Владивостока может свидетельствовать о том, что учителя, испытывающие эмоциональное выгорание, используют различные стратегии совладания со стрессом и эскапизм не является единственным или обязательным механизмом.

Однако полученные авторами результаты указывают на необходимость продолжения исследований, учитывая сложность исследуемых авторами феноменов эмоционального выгорания и эскапизма.

Проведенное исследование имеет практическую значимость для служб психологического сопровождения педагогического процесса в общеобразовательных учреждениях, поскольку позволяет дифференцировать и индивидуализировать программы психологической поддержки, разрабатывать психологические рекомендации по составлению расписания занятости педагогов. Возможна корректировка методического дня, проведение тренинговой работы или психологического консультирования. Исследование авторов также можно использовать для составления программ саморегуляции профессионалов.

Сфера образования динамичная и сложная, требующая у учителей эмоциональных вложений, поэтому актуальность исследований в дальнейшем будет только возрастать.

Список литературы

1. Вырвич А.Ч. Взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания со стажем работы у учителей // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета. Образование, педагогика / ред. кол.: Д.Н. Лазовский [и др.]. Новополоцк: ПГУ, 2020. Вып. 33 (103). С. 213-215. URL: https://elib.psu.by/handle/123456789/32018 (дата обращения: 24.07.2025).

2. Колузаева Т.В. Эмоциональное выгорание: причины, последствия, способы профилактики // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2020. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-vygoranie-prichiny-posledstviya-sposoby-profilaktiki (дата обращения: 24.07.2025).

3. Гофман О. О., Водопьянова Н. Е., Джумагулова А. Ф., Никифоров Г. С. Проблема профессионального выгорания специалистов в сфере информационных технологий: теоретический обзор // Организационная психология. 2023. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-professionalnogo-vygoraniya-spetsialistov-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy-teoreticheskiy-obzor (дата обращения: 24.07.2025).

4. Зражевская И. А., Быков К. В., Топка Э. О., Пешкин В. Н., Исаев Р. Н., Орлов А. М. Эволюция представлений о синдроме эмоционального выгорания // Психиатрия. 2020. Т. 18. № 4. С. 127–138. DOI: https://doi.org/10.30629/2618-6667-2020-18-4-127-140.

5. Лисенкова А. А., Труфанова Е. О. Цифровой эскапизм — от аддикции до аскетизма // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. № 3.

URL: https://cyberleninka.ru/ article/ n/ digital- escapism- from- addiction-to-asceticism (дата обращения: 24.07.2025).

6. Труфанова Е. О. Эскапизм: между природой и культурой // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 1. С. 125-134. DOI: 10.37482/2287-1505-V081.

7. Кудинов С. И., Седова И. В., Абушик А. С. Особенности эмоционального выгорания педагогов с разными показателями самоотношения // СибСкрипт. 2023. № 5 (29). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnogo-vygoraniya-pedagogov-s-raznymi-pokazatelyami-samootnosheniya (дата обращения: 24.07.2025).

© С.Н. Доронин, 2025

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОФИЛАКТИКИ АУТОАГРЕССИВНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Хомченко Татьяна Сергеевна
студент
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
педагогический университет»
Научный руководитель**: Петренко Евгения Николаевна**
канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
педагогический университет»
с.н.с.
ФГБНУ «Научно-исследовательский
институт нейронаук и медицины»

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические аспекты международных практик профилактики аутоагрессивных форм поведения. Анализируются основные особенности, причины и классификации аутоагрессии, а также предлагаются уровни профилактики: информационный, адаптационный и поддерживающий. Особое внимание уделено роли семьи, социальных институтов и индивидуального подхода в профилактике деструктивного поведения.

Ключевые слова: аутоагрессия, самоповреждающее поведение, суицидальное поведение, профилактика, психологическая помощь.

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN PREVENTING SELF-HARM BEHAVIOR: A THEORETICAL ANALYSIS AND FUTURE PERSPECTIVES

Khomchenko Tatyana Sergeevna
Scientific adviser: **Petrenko Evgeniia Nikolaevna**

Abstract: The article examines the theoretical aspects of international practices for the prevention of auto-aggressive forms of behavior. The main features, causes and classifications of auto-aggression are analyzed, and levels of

prevention are proposed: informational, adaptive and supportive. Special attention is paid to the role of family, social institutions and an individual approach in the prevention of destructive behavior.

Key words: auto-aggression, self-harm, suicidal behavior, prevention, psychological assistance.

Современный мир характеризуется особой изменчивостью и крайней нестабильностью, что может очень сильно влиять на психологическое благополучие людей. Одним из результатов этой психологической нестабильности является проявление аутоагрессивных форм поведения. По данным ВОЗ, растущая тенденция к аутоагрессии наблюдается во всем мире [4], что свидетельствует о серьезном кризисе в сфере психического здоровья и может быть прямым следствием этой психологической нестабильности.

Некоторые ученые, как зарубежные, так и отечественные, могут определять аутоагрессивное поведение как деструктивные действия человека, направленное на причинение физического или психологического вреда самому себе. Однако не существует международного консенсуса относительно того, как следует определять и классифицировать аутоагрессивное поведение. Как описано Пленером, Либалом, Келлером, Фергертом и Мюленкампом [2], существуют различные международные конвенции относительно того, как формулируется и определяется данное поведение.

Проблема аутоагрессивного поведения изучалась в различных аспектах и остается весьма актуальной. Возрастные особенности, связанные с аутоагрессивным поведением, рассматривали такие отечественные ученые как А.А. Александров, Л.И. Божович, А.И. Захаров, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, Д.И. Фельдштейн и др. Аутоагрессия рассматривается как самоповреждение, не связанное со смертью, аутодеструктивное поведение и как суицидальное действие. Несуицидальное самоповреждающее поведение связано с причинением человеком себе боли или поверхностных повреждений без присутствия суицидальных намерений, для того, чтобы облегчить ужасное состояние ума или сообщить об эмоциональном стрессе [1].

В рамках данной темы также стоит обсудить суицидальное поведение. Оно несет довольно большой риск для здоровья. Для суицидальных форм поведения также есть классификация. Формы суицидального поведения можно разделить на две условные группы: внутренние и внешние. Внутренние формы суицидального поведения можно охарактеризовать как

пассивные суицидальные мысли и намерения, замыслы, которые, как правило, не провоцируют поступки суицидального характера, фактического совершения суицида. Внешние формы уже подкрепляются действием. К ним относятся неудачные попытки покушения на свою жизнь и завершенные суициды. Стоит заметить, что внутренняя форма суицидального поведения может постепенно перерастать во внешнюю форму, то есть совершение попыток суицида [1; 3].

Формирование аутоагрессивного поведения – это сложный процесс, обусловленный взаимодействием множества факторов. Важно понимать, что данная проблема не является результатом одного события или черты характера, а скорее комбинацией различных влияний. Идентификация причин и факторов позволяет решить несколько задач в профилактике аутоагрессивных форм поведения. Специалисту необходимо понимать, с чем именно он работает, чтобы как можно точнее составить пути к решению проблемы

Существует множество разных точек зрения, которые объясняют причины возникновения аутоагрессивных форм поведения. Г.Я. Пилягина считает, что на проявление аутоагрессивных форм поведения могут влиять различные факторы. Примерами таких факторов может быть резкая смена образа жизни (чаще, не в лучшую сторону), проблемы в семье или на работе, отсутствие денег, смерть близкого человека и связанные с этим мучительные переживания, отсутствие поддержки со стороны социальных институтов и семьи, друзей и так далее [4]. По мнению некоторых ученых, у аутоагрессивного поведения есть несколько причин. Например, аутоагрессия выступает как сопровождающий симптом серьезного психического заболевания, также причиной может являться ограничение в стимуляции и движении, например, когда человек парализован. Д.И. Шустов подчеркивает роль заболевания в проявлении деструктивных форм поведения, также утверждает, что генетически данные формы поведения тоже могут переходить по наследству [4].

Следует отметить, что причины аутоагрессивного поведения могут быть заложены еще с детства. Так как семья является первым социальном институтом, где начинает развиваться ребенок сразу после рождения, она очень сильно влияет на дальнейшую жизнь ребенка, на его отношение к миру, окружающим и самому себе. Детские травмы, которые могут перерасти в деструктивное поведение, возникают, как правило, в семье, где применялось насилие по отношению к ребенку или между родителями, если ребенок не был

любим родителями, нежеланный ребенок и так далее. Развод родителей в некоторых случаях тоже может влиять на появление травмы у ребенка, которая в свою очередь может стать причиной проявления аутоагрессии в будущем [4].

Методы профилактики аутодеструктивного и самоповреждающего поведения могут различаться по направленности, каждая направленность должна соответствовать уровню развития проблемы. По В.Д. Лихачёвой, профилактика имеет три уровня направленности: информационную направленность, адаптационную направленность и поддерживающую направленность (терапия) [2].

Информационный уровень профилактики непосредственно связан с распространением информации о проблеме. Аутоагрессивное поведение, как правило, не проявляется в один момент, а постепенно формируется, имеет накопительный эффект.

Чаще всего аутоагрессия для человека в зоне риска является инструментом эмоциональной разрядки, таким способом он снимает с себя эмоциональное напряжение и справляется с негативными чувствами. Еще на ранних этапах развития аутоагрессивного поведения информированность по данной проблеме поможет найти наиболее конструктивные варианты справляться с эмоциональным напряжением, без негативных последствий. Даже если человек не находится в зоне риска, ему все равно будет полезно знать про аутоагрессивние поведение и его последствия, возможные причины. Владея информацией, даже не квалифицированный человек имеет возможность однажды помочь человеку с аутоагрессивным поведением. Следовательно, нужно проводить просветительские мероприятия по данной теме. Просветительские мероприятия и материалы, такие как беседа, брошюра, брифинги, листовки и буклеты, также помогут избежать разных мифов и заблуждений, связанных с данной темой. В последнее время хорошо себя зарекомендовали публикации в различных социальных сетях, касающиеся здорового образа жизни и информирующие о вреде аутоагрессивных действий [2]. Важно понимать, что у аутоагрессии есть разные причины и для их разрешения необходимо подбирать подходящие безопасные методы для совладания с конкретной проблемой.

Если человек уже столкнулся с проявлениями аутоагрессивного поведения и/или находится в зоне риска, то в таком случае профилактика приобретает адаптационный характер. Проводятся мероприятия,

направленные на адаптацию человека к социально приемлемому и безопасному поведению.

Как правило, аутоагрессия является инструментом эмоциональной разрядки. С ее помощью человек снимает эмоциональное напряжение и справляется с негативными чувствами. Задача состоит в том, чтобы приобщить человека к более конструктивным способам переживания эмоций и травматичных событий. Данные меропирятия могут принимать форму семинаров, тренингов и разных программ. Также проводятся индивидуальные и групповые беседы со специалистами, которые должны помочь человеку научиться справляться с его аутоагрессией, научиться контролировать и понимать свои эмоции и эмоции окружающих его людей. Иногда проводятся мероприятия, включающие в себя дополнительно работу с семьей [2]. Не менее важен индивидуальный подход к конкретной ситуации. Необходимо выявить проблемы, которые провоцируют у человека аутоагрессивное и аутодеструктивное поведение, и найти наиболее конструктивный подход к их решению.

Третья форма направленности – поддерживающая. Она включает в себя организацию поддержки групп людей, где учат проявлять здоровое отношение к себе на длительной основе. Также стоит упомянуть существование групп взаимопомощи, психологической помощи и при необходимости медицинской помощи [2]. При решении проблемы аутоагрессии важен комплексный подход. Чтобы перебороть старые привычки решать проблемы и снимать эмоциональное напряжение аутодеструкцией, требуется не мало сил и времени. Нужно чтобы человек качественно освоил конструктивные способы борьбы и не больше не вернулся к аутодеструктивной модели.

Стоит учитывать, что в некоторых ситуациях причиной может являться и комплекс факторов, следовательно, в таких случаях необходим комплексный подход к решению проблемы.

Профилактические меры являются эффективным инструментом для снижения уровня аутодеструктивных действий, улучшения психического здоровья и создания более здорового и благополучного общества. Они помогают людям развивать навыки совладания со стрессом и эмоциями и создавать поддерживающие отношения с окружающими.

На сегодняшний день в практике нет конкретных методик, которые были бы способны полностью искоренить аутоагрессивное поведение из жизни социума. Это обусловлено тем, что к проблеме каждого человека, находящегося в зоне риска, необходим индивидуальный подход. У человека,

который сталкивается с аутоагрессивным поведением, будут свои причины возникновения данной проблемы, а значит, методы профилактики должны соответствовать ей.

Также необходимо подчеркнуть важность глубинного изучения форм аутоагрессивного поведения, что может быть очень полезно для разработки новых и более эффективных методик борьбы с деструктивным поведением по отношению к самому себе. Изучая тему аутоагрессивных форм поведения, эксперты также будут получать новую информацию о причинах аутоагрессии, ее мотивов, биологической предрасположенности человека. Также появляется возможность для изучения потенциально возможных, травматичных для человека сценариев и ситуаций. Конкретно, важно рассматривать влияние травматичных событий и последующей травматизации на проявление у человека аутодетруктивного, аутоагрессивного и суицидального поведения. Не менее важно изучение биологических и психических причин аутоагрессии.

Понимая причины, специалистам будет проще найти подход к решению разных проблем, связанных с аутоагрессивными формами поведения.

Примечания

Работа выполнена за счет средств федерального бюджета на проведение фундаментальных научных исследований (тема № 122042700001-9)

Список литературы

1. Голубь М. С. Аутоагрессивное поведение детей и подростков как объект исследований // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2024. – № 6А. – С. 3-8.

2. Лихачёва В. Д. Диагностика и профилактика аутоагрессивного поведения подростков. – М.: Сибирский федеральный университет, 2023. – 81 с.

3. Руженков В. А., Лобов Г. А. К вопросу об уточнении содержания понятия «аутоагрессивное поведение» // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. – 2008. – № 32. – С. 20-24.

4. Чернова А. А., Ким В. В. Обзор российских и зарубежных исследований по проблеме аутоагрессивного поведения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2022. – № 6А. – С. 262-271.

© Т.С. Хомченко, 2025

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

АНАЛИЗ КЛАССИФИКАЦИЙ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

Заякина Ирина Александровна
к.э.н., доцент,
доцент кафедры экономической теории и менеджмента
Институт социально-гуманитарного образования
Степанова Мария Георгиевна
студент
Институт филологии
Московский педагогический государственный университет

Аннотация: В статье проводится анализ наиболее распространенных классификаций стилистических средств выразительности, созданных Д. Личем, И.Р. Гальпериным и Ю.М. Скребневым.

Ключевые слова: стилистические средства выразительности, стилистические приемы, фонетика, лексика, морфология, синтаксис, семантика.

ANALYSIS OF CLASSIFICATIONS OF STYLISTIC MEANS OF EXPRESSION

Zayakina Irina Alexandrovna
Stepanova Maria Georgievna

Abstract: The article analyzes the most common classifications of stylistic means of expression created by D. Leech, I.R. Galperin, and Yu.M. Skrebnev.

Key words: stylistic means of expression, stylistic devices, phonetics, vocabulary, morphology, syntax, and semantics.

Для наилучшего понимания языковых средств, выбираемых авторами, необходимо проанализировать стилистические приемы и выразительные средства. Наиболее распространенные классификации стилистических средств выразительности были созданы Д. Личем, И.Р. Гальпериным и Ю.М. Скребневым [1, с. 95].

Джеффри Лич (1936-2014) – специалист в области грамматики, семантики, стилистики, прагматики и корпусной лингвистики, почётный профессор кафедры лингвистики и английского языка Ланкастерского Университета. Классификация стилистических средств выразительности, представленная им в 1967 в рамках работы «Essays on Style and Language», основывается на принципах описательной лингвистики. Конкретно был реализован принцип некоторой девиантности, или отклонения от языковой нормы стилистических средств выразительности. Лич разграничивает парадигматические и синтагматические отклонения в языке литературы и музыки.

Фигуры речи классифицируются Личем как формальные (грамматические или лексические), фонологические, орфографические или семантические (в произведениях фигуры могут комбинироваться). Лингвистические единицы связаны синтагматически, когда они последовательно объединяются в линейной лингвистической форме. Парадигматические элементы входят в систему возможных выборов в одной точке цепочки. Синтагматические элементы можно рассматривать горизонтально, парадигматические – вертикально. Парадигматические элементы дают писателю выбор из эквивалентных предметов, которые контрастируют с обычным выбором. Например, с некоторыми существительным обычно могут следовать определенные наречия, осуществляется выбор, определяемый их нормальной лексической валентностью. Однако выбор автора существительного может нарушить нормальную систему и создать парадигматическое отклонение, которое мы встречаем на литературном и поэтическом языке [2, с. 51-54].

Данная классификация интересна с точки зрения лингвистического подхода, однако имеет свои недостатки, вследствие чего была подвергнута критике. Разграничение по принципу отклонения от литературной нормы приводит к сужению выбора в различении всего ареала средств, использованных в анализируемом произведении.

Следующая классификация была представлена Ильей Романовичем Гальпериным, советским лингвистом и лексикографом, доктором филологических наук, в учебном пособии «Стилистика» в 1971 году. Гальперин основывался на уровневом подходе – методе, который подразумевает анализ стилистических приемов и выразительных средств на различных уровнях языка. В работе были выделены фонетические, лексические и синтаксические средства, а именно:

1. Фонетические выразительные средства и стилистические приемы: ономатопея, аллитерация, ритм, рифма.
2. Лексические выразительные средства и стилистические приемы.
3. Стилистические приемы, основанные на взаимодействии словарных и контекстуальных предметно-логических значений.
4. Стилистические приемы, основанные на взаимодействии предметно-логических и назывных значений: антономазия (как частный случай метонимии) - двух видов: речевая (хулиган, бойкот) и языковая (Панама и панама).
5. Стилистические приемы, основанные на взаимодействии предметно-логических и эмоциональных значений: эпитет, оксюморон, использование междометия, гипербола.
6. Стилистические приемы, основанные на взаимодействии основных и производных (включая несвободные) предметно-логических значений: игра слов, каламбур, зевгма.
7. Стилистические приемы описания явлений и предметов: перифраз, эвфемизм, сравнение.
8. Стилистическое использование фразеологии: поговорки и пословицы; сентенции (пословица, созданная не народом, а отдельным его представителем - писателем, мыслителем); аллюзии, смешение слов различной стилистической окраски: терминологические ряды, литературно-книжные и разговорные слова, поэтические и литературно возвышенные слова, иностранные слова и жаргонизмы [3, с. 136].

Классификация стилистических средств выразительности И.Р. Гальперина пользуется большей популярностью среди лингвистов, чем, например, классификация Дж. Лича. К ее преимуществам можно отнести и уровневый подход, и разграничение фонетики, лексики и синтаксиса. Однако и у такого подхода есть недостатки: некоторые выразительные средства могут быть отнесены и, например, к лексическим, и к синтаксическим (антитеза, ирония, перифраз). Границы могут быть размыты, однако, тем не менее, классификация достойна внимания исследователей, и может быть использована для выполнения работы.

Рассмотрим классификацию, созданную Юрием Максимовичем Скребневым, советским и российским лингвистом, специалистом в области английской филологии. Классификация была представлена в учебнике «Основы стилистики английского языка» (год издания – 1994). В своей работе Скребнев ориентируется на уже существующие классификации Лича и

Гальперина. Это квинтэссенция парадигматики и синтагматики и уровневого подхода. Ученый подразделяет стилистику на парадигматическую (стилистику единиц) и синтагматическую (стилистику последовательностей), как Джеффри Лич и Гальперин, Скребнев исследует стилистические явления на уровнях фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса, однако дополняет их семасиологическим, или семантическим, уровнем [4, с. 38].

Классификацию стилистических средств выразительности по Ю.М. Скребневу можно представить в виде таблицы 1.

Таблица 1

Классификация стилистических средств выразительности по Ю.М. Скребневу

Тип стилистики/ стилистический уровень	Парадигматическая	Синтагматическая
Фонетика	курсив, использование графических средств, повторение букв, звукоподражание	
Лексика	позитивная лексика (поэтическая, официальная, профессиональная, нейтральная) и негативная (разговорные слова, неологизмы, жаргон, сленг, вульгарные слова)	градация, синонимы-уточнители, антиклимакс, зевгма, каламбур, явная и скрытая тавтология, оксюморон, антитеза
Морфология	деперсонификация	параллелизм, анафора, эпифора, обрамление, анадиплосис, хиазм
Синтаксис	эллипсис, апозиопезис, односоставные номинативные предложения, повторение частей предложения, синтаксическая тавтология, выделение ремы предложения, полисидентон	
Семантика		градация, синонимы-уточнители, антиклимакс, зевгма, каламбур, явная и скрытая тавтология, оксюморон, антитеза

Таким образом, классификаций стилистических средств выразительности существует достаточно, к ним относятся также, например, классификация В.А. Кухаренко, а автором первой классификации является

Аристотель. Наиболее полной из описанных классификаций является подход Ю.М. Скребнева.

Список литературы

1. Ахкямова Г. И., Фатхулова Д. Р. Основные классификации стилистических приемов в теории и стилистике языка // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. - 2021. - №2 (59). – С. 95-98.

2. Leech G. A Linguistic Guide to English Poetry. – London, 2014. - 256 p. – DOI 10.4324/9781315836034

3. Гальперин И. Р. Опыт систематизации выразительных средств. – М.: Либроком, 2016. – 375 с.

4. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики: учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей. - Горький, 1975. - 174 с.

© И.А. Заякина, М.Г. Степанова, 2025

УДК 81

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СОМАТИЧЕСКОГО ТИПА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Абдукадырова Тумиша Таштиевна
канд. пед. наук, доцент кафедры «Немецкий язык»
Чеченский государственный университет
имени А.А. Кадырова
Исраилов Амерхан Умарович
магистрант 2-го курса
Чеченский государственный университет
имени А.А. Кадырова

Аннотация: В статье предлагается сопоставительный анализ экспрессивных фразеологических единиц с соматическим компонентом на базе русского и английского языков с целью показать семантические особенности, изоморфные и алломорфные черты различных лингвокультур.

Ключевые слова: экспрессивнорсть, фразеологизм, сопоставительный анализ, коннотация, лингвистика, лингвокультурология.

EXPRESSIVE PHRASEOLOGICAL UNITS OF SOMATIC TYPE IN RUSSIAN AND ENGLISH

Abdukadirova Tumisha Tashtievna
Israilov Amerkhan Umarovich

Abstract: The article proposes a comparative analysis of expressive phraseological units with a somatic component based on Russian and English languages in order to show semantic features, isomorphic and allomorphic features of various linguocultures.

Key words: expressiveness, idiom, comparative analysis, connotation, linguistics, linguistic culturology.

Постановка проблемы.

Современные сопоставительные исследования фразеологических единиц с соматическим компонентом с позиции лингвокультурологических исследований являются наиболее актуальными. Этим объясняется внимание исследователей к изучению соотношения языка и культуры, национальной специфики мировоззрения в картинах мира близкородственных и разноструктурных языках, через выделение семантических особенностей и структурных сдвигов, поскольку контрастные признаки отчетливо проявляются на фоне подобных признаков, что обуславливает актуальность исследования.

Цель статьи - раскрыть семантические особенности экспрессивных фразеологизмов соматического типа в русском и английском языках.

Изложение основного материала. Исследование общих закономерностей функционирования языков, структурных сдвигов, аспектов взаимодействия, выделение изоморфных и алломорфных черт является актуальным направлением. Именно поэтому сопоставительное языкознание анализирует неродственные языки, помогает выявить семантические особенности, общие и отличительные характеристики в фонетической, морфологической, грамматической, синтаксической и словарной системах различных языков [10]. Очерченный круг вопросов способствует развитию констративной лингвистики как отдельной полноценной науки, которая позволяет раскрыть свойства присущие сравниваемым языками информацию о специфике определенного этноса [2].

В разных лингвокультурных сообществах кодирование культурного пространства имеет национальный характер и обусловлено разницей в восприятии действительности, на которую влияют особенности жизни, географического расположения, исторические события определенного этноса.

Одним из способов репрезентации соматического кода культуры в языковом сознании являются экспрессивные фразеологизмы с соматическим компонентом, которые выступают источником культурной интерпретации. Экспрессивные фразеологические единицы (далее - ФЕ) с соматическим компонентом отражают длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, кодирующих культурную информацию и накапливают знания как о самом человеке, его отношении к окружающему миру, так и об окружающемего мире.

Популярность экспрессивных фразеологизмов с соматическим компонентом обусловлена актуальностью содержания, народностью, несложностью грамматического оформления и стилистическим разнообразием [9], о чем свидетельствуют лингвистические исследования последних лет.

Экспрессивность как языковое явление [3] связана с выражением субъективного отношения говорящего к предмету речи. В лингвистике для характеристики экспрессивности применяют такие определения, как образная, увеличительная, адгерентная, контекстуальная, языковая, речевая, денотативная, смысловая. В языковом плане экспрессивность чаще всего анализируют в связи с интенсификацией, усилением выраженности.

По мнению ученых, экспрессивность - повышенная выразительность высказывания, которая увеличивает его действенную силу, имея обобщающий, гиперонимический характер в отношении других стилистических параметров, в частности таких, как эмотивность и оценка образности [4].

В частности, сон в английском и русском языках ассоциируется с соматизмами *eye* / *глаз*: англ. *Sleep sealed his eyes*; рус. *глаза слипаются*.

В английском и русском языках - еще с соматизмами *head / голова*: анг. *Get one's head down*; рус. *голова в штаны падает.*

Фразеологические единицы, которые обозначают определенные сферы и явления жизни, наделенные экспрессивной коннотацией, можно охарактеризовать средствами сопоставительного и описательного методов, которые позволяют выявить различия между их семантикой и коннотацией в английском и русском языках. Сопоставительный метод является основным для определения межъязыковых сходств и различий в структурах языков, в способах выражения одних и тех же значений и разрозненных функций однотипных элементов структуры языка. Например, смерть передана с помощью таких фразеологических единиц: *put one's head in (into) a noose; close one's eyes; six feet under makes all men equal; положить голову; закрыть глаза; протянуть ноги*.

В сопоставляемых языках общим компонентом для обозначения смерти являются слова *head, голова, eye, глаз* и *feet, нога.*

Окружающая действительность в экспрессивной фразеологии отражена частично - в основном через эмоциональную сферу, которая передает не только предметную, но и эстетическую информацию и вызывает у человека не только первичные образы, но и эмоциональные переживания. Это происходит

потому, что экспрессивные фразеологизмы «возвращают понятие от чистой абстракции к ощущениям, которые их породили, снова воплощаются в зрительных образах и, прежде всего, в динамических ощущениях человеческого тела» [8, с. 162].

В системах фразеологизмов английского и русского языков зафиксированы знания о таких эмоциональных процессы, как:

1) раздражение: *in some one's hair* - раздражать кого-то, как правило, своим постоянным присутствием; *set someone's teeth on edge; make (someone's) teeth itch* – раздражать; *put someone's nose out of joint* - раздражать, надоедать; *скрежетать (скрипеть) зубами* - проявлять ярость, раздражение, досаду; *под горячую руку попасть* - когда кто-то раздражен;

2) ярость: *stick two finger supat somebody* - показывать, что ты зол на кого-то; *show one's teeth / bare one's teeth* - проявление злости, агрессии; *(sudden) rush of blood (to the head)* - внезапное ощущение ярости; *get upon one's hind legs* – злиться; *gives through side of your tongue* - яростно разговаривать; *под горячую руку попасть* - когда кто-то в ярости; *скалить зубы* - сердиться, выражая в резкой или грубой форме свое возмущение;

3) отчаяние: *ломать руки* - отчаяние; *рвать на себе волосы* - быть в отчаянии; *вешать голову* - отчаиваться;

4) волнение (смущение / тревога): *have something hanging over one's head* - переживать за что-то; *wring your hands* – демонстрировать тревогу, но ничего не делать, чтобы изменить ситуацию; *be out of your head (mind)*- сходить с ума, не контролировать ситуацию; *make (someone's) teeth itch* - заставлять кого-то нервничать; *невесть куда руки деть* - волнение;

5) раскаяние: *ломать руки* - глубокое раскаяние;

6) возмущение: *носом землю роет* - крайне возмущен;

Как видим из приведенных примеров, проявление эмоциональных процессов демонстрирует общие черты: информация о раздражении, остервенении, страхе, волнении, отчаянии, презрении, удивлении, энтузиазме актуализируется в системах фразеологизмов анализируемых языков.

Проявление эмоциональных процессов демонстрирует также лингвокультурную специфику.

Понятие экспрессивности значительно шире, оно охватывает и другие категории: экспрессивность — это обусловленные «образностью, интенсивностью или эмотивностью выразительно-изобразительные качества слова илифразеологизма» [4, с. 63].

Вывод. Таким образом, экспрессивность, как лингвистическая категория, является результатом синтеза нескольких базовых коннотативных аспектов - оценки, эмоциональности, образности, интенсивности, представляющих субъективность содержания фразеологических единиц. ФЕ имеют негативную, позитивную или нейтральную оценку, в основе которой лежит осуждение, одобрение или отсутствие какой-либо эмоциональной реакции как констатация использования социально устойчивой нормы обычными представителями русского и английского лингвокультурного сообщества относительно какого-либо явления.

Анализ лингвокультурных особенностей экспрессивных фразеологических единиц с соматическим компонентом на базе английского и русского языков показал, что экспрессивные фразеологические единицы проявляют изоморфные и различные алломорфные черты. Дальнейшие перспективы исследования связаны с анализом фразеологических единиц с соматическим компонентом на материале других западногерманских и восточнославянских языков.

Список литературы

1. Василенко О.И. Отфитонимическая семантическая деривация лингвокогнитивный и культорологический аспекты (на материале русского и английского языков) // Известия Уральского государственного университета. – 2016. – № 55. – С. 188–197.

2. Волжский университет им. В. Н. Татищева (Тольятти). // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева: / учредитель: ОАНОВПО "Волжский ун-т им. В. Н. Татищева". - Тольятти: Волжский ун-т им. В. Н. Татищева, 2018. - № 1. - Т. 1: Филологические науки (25). - 2018. - 202 с.

3. ВяничеваТ.В. Из истории изучения субстантивного пласта устойчивых композитивных номинативных единиц в отечественной и зарубежной лингвистике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //www.psu.ru/psu/files/0549/04_Vjanicheva.doc.

4. Комарова З.И., Плотникова Н.Г. О соотношении фитонимических концептов в языковой и научной картине мира // Проблемы языковой концептуализации действительности. – Екатеринбург, 2016. – С. 70–86.

5. КунинА.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. - М.: Высшая школа, 1996. - 331 с.

6. Мавлонова Н. А. К вопросу об основных проблемах современной фразеологии и фразеографии. - Челябинск: ЧГИК, 2018. – 311 с.

7. Методологические основы исследования когниции и коммуникации в современной лингвистике // сборник научных трудов в честь доктора филологических наук, профессора Ларисы Александровны Манерко. – М.: МАКС Пресс, 2017. - 370 с.

8. Панкова Т.Н. Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира носителей английского языка // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1. – С. 38–40.

9. Саттарова М.Р., Елезарова Ю.Н. Смысловые синонимы фразеологических единиц в неродственных языках: особенности перевода // Инновационная наука. - 2015. - №3. - С.208-210.

10. Туркулец И.А. К вопросу об особенностях фразеологизмов с компонентами // ФГБОУВПО «Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова». - № 1. – 2015. – С. 1205.

© Т.Т. Абдукадырова, А.У. Исраилов

ЦИФРОВОЙ ЕСЕНИН В МУЗЕЙНОЙ ПРАКТИКЕ: НАУЧНЫЙ ПОДХОД И ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Андреева Екатерина Сергеевна
ученый секретарь
ГБУК РО «Рязанская областная универсальная
научная библиотека имени Горького»

Аннотация: В статье анализируются теоретические и этические аспекты цифровой репрезентации Сергея Есенина в музейной практике XXI века. Рассматриваются форматы цифрового присутствия поэта — от архивных до иммерсивных, а также риски утраты поэтической глубины, мифологизации образа и подмены аутентичности симуляцией. Вводится понятие «виртуального Есенина» как исследовательской категории и культурного проекта, требующего этической осторожности. Предлагаются принципы ответственной цифровой мемориализации, применимые к работе с образом любого автора в виртуальной среде.

Ключевые слова: Сергей Есенин, цифровизация культурного наследия, цифровой двойник, музейная практика, виртуальный поэт, цифровая память, культурная этика, мемориализация, иммерсивные технологии, искусственный интеллект, медиарепрезентация.

DIGITAL YESENIN IN MUSEUM PRACTICE: SCIENTIFIC APPROACH AND ETHICAL CHALLENGES

Andreeva Ekaterina Sergeevna

Abstract: The article examines the theoretical and ethical aspects of the digital representation of Sergei Yesenin in 21st-century museum practice. It explores formats of the poet’s digital presence — from archival to immersive — and the risks of losing poetic depth, mythologizing the image, and replacing authenticity with simulation. The concept of the «virtual Yesenin» is introduced as both a research category and a cultural project requiring ethical sensitivity. Principles of responsible digital memorialization are proposed, applicable to the representation of any author in the virtual environment.

Key words: Sergei Yesenin, digitization of cultural heritage, digital twin, museum practice, virtual poet, digital memory, cultural ethics, memorialization, immersive technologies, artificial intelligence, media representation.

Сегодня цифровые технологии всё активнее проникают в музейную сферу, включая работу с литературным наследием. Это открывает новые возможности для создания цифровых образов великих литераторов, делает архивы более доступными, а взаимодействие с культурным наследием — более живым и интерактивным. Визуализация, геймификация, создание AI-двойников и мультимедийных платформ становятся неотъемлемыми инструментами в работе с образами классиков русской литературы. Среди таких образов особое место занимает фигура Сергея Есенина — поэта, чей образ, глубоко укоренённый в национальном сознании, активно транслируется и переосмысляется в цифровой среде, в том числе в музейной практике. В связи с этим актуальность темы обусловлена необходимостью выработки этического и научного стандарта работы с цифровыми репрезентациями поэтов и писателей (на примере Есенина) в музейном пространстве XXI века.

Несмотря на возрастающий интерес к цифровизации литературного наследия, фигура С.А. Есенина до настоящего времени оставалась вне поля системного цифрового осмысления. В одной из научных публикаций мы впервые ввели в научный оборот концепцию «Виртуального Есенина» [1, 299], в которой мы стремимся обозначить не только новый этап в развитии просветительской Есенинианы, но и сформировать теоретическую основу для изучения цифровой репрезентации поэта в современном медиапространстве. Этот шаг мог бы открыть возможности для переосмысления образа Есенина в цифровой культуре XXI века и дать новое дыхание научному и музейному дискурсу о нём. В перспективе мы надеемся на практическую реализацию проекта во взаимодействии с Государственным музеем-заповедником С.А. Есенина и РОУНБ им. Горького и создание полноценного цифрового пространства, где «виртуальный Есенин» сможет стать посредником между прошлым и будущим.

Цифровая реальность требует новых языков и форм для трансляции поэтического наследия. Современный образ Есенина в современных музейных проектах представляется в нескольких ключевых регистрах:

- Архивно-документальный: оцифровка редких материалов — писем, прижизненных изданий, рукописей, газетных вырезок. Это обеспечивает академический фундамент для работы с наследием.
- Интерпретативный: квесты, театрализованные экскурсии, аудиогиды с поэтическими нарративами, где поэт превращается в рассказчика или «проводника» по собственной культурной эпохе.
- Иммерсивный и эмоциональный: VR-опыты, проекционные спектакли. Здесь происходит актуализация поэта через технологии, визуальность и эффект присутствия.

При этом важно различать понятия «оцифровка», «цифровизация» и «цифровая трансформация», часто используемые в музейной цифровой практике. Оцифровка — это перевод музейных предметов и документов в цифровой формат для сохранения и удобства использования. Это может быть простое сканирование или создание 3D-моделей. Главное — понять цели и возможности перед началом работы. Цифровизация — более широкий процесс внедрения цифровых технологий в работу музея, который меняет способы деятельности и расширяет возможности взаимодействия с аудиторией. Эти этапы вместе подготавливают путь к цифровой трансформации — глубокой перестройке организации, процессов и создание новой культурной среды, основанной на современных технологиях и инновациях [2, 36].

Важно отметить, что указанные выше формы репрезентации сопряжены с рисками. Один из них — редукция сложности: вместо глубины поэтического мира посетителю подаётся хотя и эмоционально насыщенная, но упрощённая версия. Мифологизация поэта — ещё один важный аспект. Есенин нередко предстает в образе «последнего поэта деревни» либо романтического бунтаря или жертвы судьбы. Такие образы, хотя и основаны на реальных чертах, в цифровых проектах получают гипертрофированное развитие — в ущерб исторической и жизненной правде. Кроме того, наблюдается тенденция к внедрению поэта в не всегда органичные для него образы, сформированные визуальной культурой XXI века — от мемов до «глянцевой» инфографики.

Цифровая репрезентация человека — это виртуальный образ, способный воссоздавать значимые черты личности: внешность, голос, поведение, способ мышления. Такие образы строятся на синтезе данных — от фотографий и видео до писем и речевых паттернов — и оживают благодаря нейросетям, машинному обучению и 3D-моделированию. Результатом может стать цифровой аватар, способный не просто «показываться» в VR-среде, но и

взаимодействовать с аудиторией в реальном времени: читать стихи, реагировать на вопросы, менять интонацию.

Сфера применения цифровых двойников стремительно расширяется. В сфере образования виртуальные педагоги адаптируются под уровень учащегося, а образы исторических деятелей становятся собеседниками. В кино и театральных пространствах актёры участвуют в фильмах, а ушедшие артисты возвращаются на сцену. Пользователь может стать участником цифрового спектакля — не только как зритель, но и как соавтор. В медицине, науке, быту — цифровые образы помогают автоматизировать сложные процессы, обеспечивая безопасность и индивидуальный подход. В культурной же сфере они становятся инструментом осмысления наследия, способом сохранить голос и жест, взгляд и интонацию для будущих поколений.

Процесс создания цифрового двойника требует точности. Всё начинается с анализа: оцифровываются фотоархивы, видеозаписи, рукописные документы (так, при создании виртуального образа Владимира Высоцкого в нейросеть загрузили 300 фраз, чтобы воспроизвести его тембр, ритм и манеру речи). Далее над проектом работают специалисты по визуальным эффектам: они формируют 3D-модель, оживляют её мимикой, жестами, реакциями. И, наконец, все компоненты объединяются: голос, внешность, поведенческие шаблоны синхронизируются, чтобы создать эффект реального присутствия персонажа.

Цифровые двойники уже появились в музейных и выставочных пространствах. В 2024 году на выставке «Россия» представили виртуального Александра Пушкина [3]. А в 2025 году Максим Горький «встретил» посетителей культурной инсталляции в Нижнем Новгороде: цифровой собеседник отвечал на вопросы, опираясь на тексты писателя и биографический контекст [4].

Цифровой аватар — это не просто визуальный эффект, а средство диалога с прошлым. Он позволяет вернуться к голосу, жесту, взгляду ушедшего, сделав культурную память более осязаемой. Но вместе с тем — требует этической чёткости и ответственности.

Цифровизация культурной памяти поднимает важные вопросы этики — особенно в отношении уже ушедших из жизни авторов, чьё творчество переосмысливается в медиасреде. Где проходит граница между интерпретацией и эксплуатацией? Насколько допустимо создавать цифрового двойника поэта, «говорящего» голосом актёра или синтезированной

программы? Кто принимает решения об интерпретации — музей, исследователь, режиссёр, пользователь?

Интерпретация — это уважительное осмысление, расширяющее понимание оригинала и сохраняющее его сложность. Эксплуатация же редуцирует образ до клише, превращая поэта в бренд, лишённый глубины. Ключевое различие — в уровне рефлексии: пояснения, раскрытие источников и признание реконструкции — признак ответственной интерпретации; навязывание единой «версии» без объяснений — признак эксплуатации. Важно, чтобы проект сопровождался пояснениями: зритель должен понимать, что это реконструкция, а не «настоящий» поэт. Недопустимо выдавать художественную симуляцию за аутентичность.

Решения об интерпретации принимаются коллективно. Музей задаёт рамки, обеспечивает научную достоверность и этическую позицию. Исследователь формирует содержание, контекстуализирует и участвует в дискуссии. Режиссёр и медиахудожник создают выразительность образа и атмосферу, но нуждаются в научной поддержке. Пользователь тоже включён в интерпретацию, особенно в интерактивных форматах, но его восприятие зависит от качества проекта. Итоговая интерпретация — результат совместной работы, где музей и исследователь остаются гарантами ответственности перед наследием, даже если художественный подход допускает свободу взгляда и иронию.

Идея цифрового бессмертия — один из самых острых вызовов в современной культурной и музейной практике. Речь идёт о создании устойчивого цифрового образа ушедшего автора, способного «жить» в медиасреде: читать стихи, отвечать на вопросы, двигаться, взаимодействовать с аудиторией. Такой образ может быть синтезирован на основе фотографий, текстов, голоса и встроен в VR, AR, игры или цифровые экспозиции.

В случае с Есениным, мифологизированным еще при жизни, цифровое бессмертие становится не просто технологией, а новой формой интерпретации. Оно «возвращает» поэта, создавая эффект присутствия, — но при этом усиливает разрыв между оригиналом и его репрезентацией. Голос, жест, лицо — всё это может быть узнаваемым, но при этом иллюзорным. Симуляция подменяет подлинное присутствие, и вместо памяти возникает медиаконструкция, претендующая на аутентичность.

Этика цифрового бессмертия — это не запрет на инновации. Это осознанность, деликатность и уважение. Если мы хотим, чтобы Есенин

говорил, важно помнить: он уже сказал всё, что хотел. Всё остальное — наш отклик, но не его голос.

Одним из ключевых вызовов цифровизации мемориального пространства является необходимость выработки этических ориентиров, определяющих границы допустимого при работе с образом поэта в виртуальной среде. Цифровые технологии — от нейросетевых генераций до иммерсивных интерфейсов — расширяют инструментарий музея, архива или образовательной платформы, но одновременно с этим требуют особого внимания к вопросам культурной ответственности, согласия и интерпретации.

Одним из принципов этического подхода к цифровой репрезентации автора следует признать принцип недопустимости ретроспективного «воскрешения» без воли на то со стороны самого субъекта. Поэты, писатели и мыслители прошлого не могли предполагать, что в будущем будут превращены в синтетические «говорящие» образы, ведущие цифровые дневники, отвечающие на вопросы в чатах или становящиеся героями deepfake-анимаций. Ситуация требует защиты их чести и достоинства в правовом поле.

Особенно остро эта проблема встаёт в случае с поэтами трагической судьбы. Так, фигура Сергея Есенина, глубоко связанная с темой трагического ухода (независимо от той или иной версии) оказывается уязвимой для медиаредукции. Его биография и поэзия формируют определённое пространство «этической тишины», которое может быть легко нарушено в попытках «оживления» через цифровые инструменты. Здесь необходимо признать: отсутствие согласия на цифровую репрезентацию должно быть не техническим, а этическим ограничением.

Современные технологии позволяют создавать разнообразные формы цифрового присутствия автора: синтезированные голоса, стилизованные тексты, чат-боты, AR- или VR-аватары. Однако на практике это приводит к размыванию границы между репрезентацией и эксплуатацией, особенно если речь идёт о постмортальной визуализации.

Опасности здесь очевидны: во-первых, возможна контекстуальная деструкция, когда поэт оказывается включённым в чуждую ему информационную среду (например, «говорит» о современных цифровых трендах, политике или культурной повестке); во-вторых, происходит упрощение образа — трагическая фигура редуцируется до визуального шаблона, узнаваемого бренда или интернет-мема; в-третьих, создаётся иллюзия современности, когда поэт, сознательно лишённый собственного

исторического контекста, используется в рамках текущих идеологических запросов.

Таким образом, всякий акт цифровой репрезентации должен быть рефлексивным и маркированным, а любая художественная или визуальная интерпретация — сопровождаться соответствующим пояснением о характере материала.

Еще одним важным принципом является признание сложности и внутренней неоднородности фигуры поэта. Цифровые форматы — особенно в области мультимедийной подачи и геймификации — по своей природе стремятся к упрощению: к формированию доступного, легко распознаваемого образа. Однако в случае с таким поэтом, как Есенин, это может означать потерю самого культурного содержания, заключённого именно в противоречии, сломе, многоголосии.

Есенин, сочетающий в себе черты народного певца, трагического героя, духовного искателя, не поддаётся редукции к одной рамке. Любая попытка сделать его частью игрового сценария, квиза или визуального шаблона вынужденно искажает его исходную сложность, и тем самым наносит ущерб историко-культурной памяти.

Наконец, важнейшим этическим измерением цифрового бессмертия является переход от прагматического к нормативному вопросу: не только что допустимо, но и что необходимо. Цифровая память — это всегда интерпретация, это активное действие по сборке, оформлению и распространению культурного образа. А следовательно, оно требует не только технологической грамотности, но и этической зрелости.

В этой связи важно учитывать не только формы цифровой репрезентации (визуальной, текстовой, интерфейсной), но и их последствия: как поэт будет воспринят, в каком контексте будет прочитан, насколько глубоким останется смысл его текстов. Цифровизация не должна становиться полем для примитивной стилизации, механической доступности или культурной спекуляции. Напротив, она может (и должна) стать пространством внимательного и бережного взаимодействия с культурным наследием.

Перед запуском любого цифрового проекта, связанного с образом поэта, важно остановиться и задать себе несколько честных вопросов. Передаём ли мы личность — или создаём удобный образ, адаптированный под запросы времени? Достаточно ли чётко объясняем, где заканчивается документ и начинается интерпретация? Есть ли в проекте место для тишины, трагичности, паузы — или поэт превращён в говорящую машину? Способен

ли пользователь отличить оригинал от реконструкции, если симуляция слишком убедительна? Наконец, предстаёт ли поэт как живой субъект с личной историей и судьбой — или лишь как «маска», собранная из клише?

Эти вопросы особенно важны при создании цифровых двойников, например, чат-бота «Есенин». В таком случае необходима чёткая маркировка: *«Это художественная реконструкция, основанная на архивных источниках и стилистике поэта. Не является реальным голосом автора».* Важно встроить в интерфейс информационные слои — ссылки на письма, подлинные цитаты, пояснения контекста. Недопустимо, чтобы цифровой Есенин высказывался о современных событиях: он не может знать о них и не может быть превращён в медиаперсонажа вне своей эпохи. Наконец, дайте пользователю пространство для размышлений: что изменилось в его восприятии поэта после взаимодействия с этой реконструкцией? Только в таком случае цифровая память перестаёт быть симуляцией — и становится поводом для диалога.

Цифровая репрезентация поэта в музейной практике — не просто вопрос технологий, но в первую очередь вопрос памяти, этики и культурной ответственности. Современные цифровые форматы позволяют переосмысливать способы взаимодействия с литературным наследием, делать его более доступным, вовлекающим и визуально насыщенным. Однако вместе с этим возрастает риск искажения, редукции и символического «расщепления» образа: поэт превращается в функцию интерфейса, в узнаваемый мем, в инструмент актуализации чуждых ему смыслов.

В случае с Сергеем Есениным этот риск особенно чувствителен: его поэзия, биография и посмертный миф тесно связаны с национальным самосознанием, культурной травмой и индивидуальным трагизмом. Поэтому цифровизация его образа требует особого внимания к границам допустимого, к сохранению ауры подлинности и к пониманию музейного пространства как пространства памяти, а не только медиаэффекта.

Предложенные в статье подходы и этические принципы могут стать основой для формирования устойчивой методологии цифровой мемориальной работы, применимой не только к Есенину, но и к другим фигурам русской и мировой литературы. Такие принципы помогают удерживать баланс между доступностью и глубиной, между визуальностью и смыслом, между технологией и уважением к личности.

Наша задача — выстраивать цифровую музейную практику как форму бережного посредничества, где за каждым пикселем, каждым кликом, каждой проекцией сохраняется этическое и научное основание памяти. Только в этом

случае цифровое не станет угрозой для сакрального, а превратится в его продолжение — новым, актуальным, но не разрушительным языком.

Список литературы

1. Андреева Е. С. Виртуальный Есенин: использование технологий искусственного интеллекта в электронной есениниане // Научные инициативы молодежи: взгляд в будущее: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 27 мая 2025 г.). — Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2025. — С. 298–304.

2. Сизова И. А. Цифровизация музеев: трудности, успехи, перспективы (по материалам социологического исследования) / И. А. Сизова // Материалы XX заседания по проблемам музеев и культурного туризма, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 7–8 апреля 2022 г. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2022. – С. 38–48. URL: https://publications.hse.ru/view/750551848 (дата обращения: 28.05.2025).

3. В России создали цифровой аватар Александра Пушкина: компания Neuro.net представила виртуальный образ великого русского поэта [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/03/26/22635127.shtml (дата обращения: 28.04.2025).

4. Нижний Новгород открыл цифровой портал для общения с Максимом Горьким // Национальное агентство инновационных новостей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.niann.ru/?id=617281 (дата обращения: 31.05.2025).

© Е.С. Андреева

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ КИТАЯ И РОССИИ – НА МАТЕРИАЛАХ «ДОКЛАД О РАБОТЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА КНР» И «ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ» РОССИИ ЗА 2021–2024 ГОДЫ

Цю Шухуай
магистрант
Научный руководитель: **Ли Яньчунь**
м.ф.н., доцент
УО «Даляньский политехнический университет»

Аннотация: С достижением исторического максимума в отношениях между Китаем и Россией и их дальнейшим развитием, перевод политических документов на русский язык приобрел еще большее значение в сфере внешней пропаганды и стал важной частью системы внешней коммуникации государства. Корпус текстов, как важный инструмент современного лингвистического исследования, обладает преимуществом в виде хранения большого количества достоверных данных, что делает исследование текстов более объективным. В данной статье на основе анализа корпуса текстов, состоящего из русского перевода «Доклада о работе правительства КНР» за 2021-2024 годы и «Послания Президента Федеральному Собранию» В.В. Путина за тот же период, было обнаружено, что политические документы на русском языке, являющимся родным для авторов, отличаются более богатым словарным запасом по сравнению с китайскими политическими документами, переведенными на русский язык, и более сложны для чтения.

Ключевые слова: корпус текстов, перевод политических документов на русский язык, «Доклад о работе правительства КНР», «Послание Президента Федеральному Собранию».

RESEARCH INTO THE LEXICAL FEATURES OF POLITICAL DOCUMENTS IN CHINA AND RUSSIA – BASED ON MATERIALS FROM CHINA'S «GOVERNMENT WORK REPORT» AND «STATE OF THE UNION ADDRESSES» OF RUSSIA FOR 2021–2024

Qiu Shuhuai
Scientific adviser: **Li Yanchun**

Abstract: As China-Russia relations have reached an all-time high and continue to develop, the importance of Russian translations of political documents in foreign propaganda has been further highlighted, becoming an integral part of the construction of the national foreign discourse system. Corpora, as an important tool in modern linguistics research, offers the advantage of storing large amounts of authentic and reliable data, thereby enhancing the objectivity of textual analysis. This study analyzes the Chinese Government Work Report from 2021 to 2024 and the State of the Nation Address delivered by Russian President Vladimir Putin during the same period. The findings reveal that political documents written in Russian, where Russian is the native language, exhibit a richer vocabulary and higher reading difficulty compared to those written in Russian, where Chinese is the native language.

Key words: text corpus, translation of political documents into Russian, China's «Government Work Report», «The State of the Union Address» of Russia.

Корпус текстов играет важную роль в текстовом анализе. Использование корпуса текстов в лингвистических исследованиях с помощью компьютерных технологий является примером сочетания количественных и качественных методов в лингвистике [1, с. 155]. В данной статье собраны «Доклад о работе правительства КНР» (далее «Доклад») за 2021–2024 годы с русскоязычного сайта People's Daily (http://russian.people.com.cn/) и «Послания Президента Федеральному Собранию» (далее «Послание») за 2021–2024 годы с официального сайта Кремля (http://www.kremlin.ru/) и импортированы в Antconc и KH Coder для создания двух корпусов текстов.

Тип-токен-отношение (TTR) – мера лексического разнообразия текста. Формула расчёта: TTR = Количество уникальных слов (типы) / Общее количество слов (токены). Путем расчета соотношения TTR в тексте можно наблюдать степень изменения словарного запаса текста: чем выше TTR, тем выше изменчивость словарного запаса текста и тем богаче его словарный запас. Используя KH Coder для статистического анализа, TTR в «Докладе» и «Послании» представлено в таблице 1.

Таблица 1

Результаты статистики TTR

	«Доклад»	«Послание»
Количество уникальных слов	57254	44631
Общее количество слов	5048	6306
TTR	8.82%	14.13%

В табл. 1 видно, что, что TTR в «Докладе» составляет 8.82%, а в «Послании» – 14.13%, что в 1.60 раза больше, чем в «Докладе». Это свидетельствует о том, что политические документы на русском языке обладают более богатым словарным запасом и более гибким выбором слов [2, с. 30], что значительно превосходит русские переводы политических документов на китайском языке. Основная причина заключается в том, что основной автор «Послания» является носителем русского языка, и его уровень владения языком в определенной степени превосходит уровень владения русским языком как вторым языком. Кроме того, в политической системе Китая повторяющиеся фиксированные переводы также снижают богатство словарного запаса «Доклада», что приводит к более низкому TTR. Фраза «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» за последние четыре года в «Докладе» встречается 19 раз.

Номинализация – это явление, при котором действие, состояние, свойство, процесс и т.д. выражаются с помощью существительного. Оно часто встречается в деловом стиле письма и научных работах [3, с. 75]. Как правило, степень номинализации текста прямо пропорциональна его официальности. Исходя из этого, с помощью функции Concordance в Antconc мы исследуем степень номинализации в текстах «Доклада» и «Послания» на примере распространенных русских суффиксов *ние, *тие, *ство (включая их склоняемые формы).

Таблица 2

Количество случаев номинализации

	«Доклад»	«Послание»
*ние	3821	1203
*тие	1036	221
*ство	1010	475
Общее количество	5867	1899
Доля в полном тексте	10.25%	4.25%

Табл. 2 показывает, что степень номинализации в «Докладе» значительно выше, чем в «Послании». Например, глагол «решить» в оригинальном тексте «Доклада» в русском переводе чаще всего заменяется существительным «решение». По результатам поиска в Antconc, слово «решение» встречается 50 раз, а его глагольная форма «решать (решаться)» – только 10 раз, «решить» – только 4 раза, еще 10 раз оно встречается в форме причастия «решающий». Это свидетельствует о том, что в процессе перевода «Доклада» на русский язык были четко соблюдены основные характеристики делового стиля, стремясь к простоте и лаконичности, а также к максимальной содержательности.

В политическом дискурсе **личные местоимения** рассматриваются как показатель эмоциональной дистанции между оратором и аудиторией, а «нулевая дистанция» между оратором и аудиторией достигается за счет использования местоимений первого лица множественного числа. Чтобы более подробно изучить сходства и различия в использовании личных местоимений в двух текстах, с помощью функции Concordance в Antconc был проведен поиск по местоимениям первого лица «я» и «мы». Результаты представлены ниже.

Таблица 3

Частота использования личных местоимений

	“Я (меня, мне, мной)”	“Мы (нас, нам, нами)”
Количество упоминаний в «Докладе»	5	357
Количество упоминаний в «Послании»	79	430

Множественное местоимение первого лица «мы» включает в себя двух или более человек, включая говорящего. Использование множественной формы местоимения первого лица является проявлением активной вежливости со стороны говорящего, позволяющей включить в число слушателей как реальных, так и потенциальных. Согласно статистике в табл. 3, Президент В.В. Путин в своем обращении к нации использовал местоимение «мы», чтобы поставить себя на одну ступень со слушателями, намеренно снизив свой статус, выразив скромность и сократив дистанцию между собой и слушателями, чтобы они почувствовали, что Президент страны и они находятся на одной стороне. В «Докладе» также часто используется

местоимение «мы». Это в полной мере отражает то, что «Доклад» является кристаллизацией коллективного разума, а процесс его подготовки – это процесс сбора идей, объединения мнений, выработки единого понимания и консолидации сил.

В целом, лексика является основной единицей политического дискурса и важным объектом исследования политических документов. Исследование показало, что TTR в «Послании» выше, чем в «Докладе», то есть лексика «Послания» более богатая. Кроме того, в «Докладе» явно прослеживается тенденция к номинализации, что в полной мере отражает основной стиль текста, отличающийся простотой и торжественностью. Что касается выбора личных местоимений, то в большинстве случаев местоимения первого лица используются во множественном числе, что отражает то, что «Доклад» является результатом коллективного интеллекта. Результаты данного исследования могут быть применены и к процессу перевода других политических документов на русский язык, что будет способствовать развитию практики перевода на русский язык и формированию системы внешнеполитического дискурса.

Список литературы

1. Мордовин А. Ю. Корпусы текстов: инструмент исследования или обучения языку? // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2. – С. 155-161.

2. Бекоева И. Д. Особенности политического дискурса В. В. Путина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 2. – С. 27-31.

3. Новиков Д. А. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА (НА ПРИМЕРЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПИСЕМ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ) // Вестник магистратуры. – 2019. – № 3. – С. 74-77.

© Цю Шухуай, 2025

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Осадчая Ульяна Олеговна
студент
Научный руководитель: **Скибицкая Людмила Васильевна**
к.ф.н., доцент
Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина

Аннотация: В статье рассматривается современное состояние социальной рекламы в Республике Беларусь в условиях цифровизации медиасреды. Проанализированы её теоретические основы, функции и особенности, а также современные инструменты воздействия на аудиторию в традиционных и цифровых каналах. Выделены ключевые проблемы: недостаточное финансирование, конкуренция с коммерческим контентом, дефицит креативных решений и этические ограничения. Определены перспективные направления развития: внедрение цифровых форматов, использование искусственного интеллекта, кросс-платформенные стратегии и международное сотрудничество. Сделан вывод о том, что эффективность социальной рекламы зависит от адаптивности, креативности и способности вызывать эмоциональный отклик у аудитории.

Ключевые слова: социальная реклама, цифровизация, Республика Беларусь, инструменты коммуникации, общественное сознание, креативные технологии, медиасреда.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE DEVELOPMENT OF SOCIAL ADVERTISING IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Osadchaya Ulyana Olegovna
Scientific adviser: **Skibitskaya Lyudmila Vasilevna**

Abstract: The article examines the current state of social advertising in the Republic of Belarus in the context of media digitalization. Its theoretical foundations, functions, and key features are analyzed, along with modern tools for

influencing audiences in both traditional and digital channels. Main challenges are identified: limited funding, competition with commercial content, lack of creative solutions, and ethical constraints. Prospective directions include digital formats, artificial intelligence, cross-platform strategies, and international cooperation. The study concludes that the effectiveness of social advertising depends on adaptability, creativity, and the ability to evoke an emotional response from the audience all and medium-sized businesses in the field of marketing and promotion are presented.

Key words: social advertising, digitalization, Republic of Belarus, communication tools, public awareness, creative technologies, media environment.

Социальная реклама представляет собой особый вид коммуникации, главная цель которого заключается в информировании и формировании позитивных социальных установок, а не в продвижении коммерческих товаров. Она направлена на решение актуальных общественных проблем, изменение поведения и повышение социальной ответственности граждан. Истоки социальной рекламы восходят к началу XX века, когда первые кампании появлялись в печатных изданиях и на уличных плакатах, пропагандируя соблюдение общественного порядка, здоровье и нравственные ценности. В советский период социальная реклама выполняла выраженную идеологическую и воспитательную функцию. В современной Беларуси социальная реклама начала активно развиваться после обретения независимости, когда государство и общественные организации стали использовать её для продвижения ценностей, поддержания здоровья населения, экологической культуры и безопасности на дорогах. Важным этапом стало законодательное закрепление понятия социальной рекламы и регламентация её размещения и содержания [3].

Социальная реклама в Беларуси определяется как информация, направленная на достижение общественно полезных целей и не преследующая коммерческой выгоды [1]. Ключевыми функциями социальной рекламы являются информирование населения о важных социальных проблемах, формирование социальных норм и ценностей, стимулирование граждан к конкретным действиям, направленным на благо общества, а также содействие соблюдению правил и норм поведения через повышение осведомлённости. Для анализа и разработки социальной рекламы применяются различные методологические подходы. Социально-психологический подход изучает поведение аудитории и факторы, влияющие на восприятие рекламного сообщения. Коммуникационный подход позволяет

исследовать каналы и форматы распространения информации. Креативно-технологический подход сосредоточен на разработке визуальных и интерактивных решений для усиления эффекта воздействия. Цифровой подход предполагает использование интернет-платформ, социальных сетей и аналитических инструментов для таргетирования и оценки эффективности кампаний. В совокупности эти подходы позволяют создавать социальную рекламу, способную эффективно решать задачи информирования и воспитания, а также адаптироваться к меняющимся условиям цифрового пространства, обеспечивая актуальность и воздействие на широкую аудиторию.

Современная социальная реклама активно использует разнообразные инструменты и технологии, которые позволяют воздействовать на аудиторию более эффективно и адресно. В условиях цифровизации медиапространства значительную роль играют интернет-платформы, социальные сети и видеохостинги, предоставляющие возможность точного таргетирования сообщений по возрасту, интересам и географическому положению пользователей. Кроме того, цифровые форматы позволяют создавать интерактивный контент, включая видеоролики, анимации, инфографику и мини-приложения, что повышает вовлечённость аудитории и усиливает эмоциональное воздействие. Помимо цифровых каналов, социальная реклама сохраняет актуальность и в традиционных медиасредах: на телевидении, радио, наружной рекламе и печатных изданиях. Комбинация онлайн- и офлайн-форматов позволяет охватывать разные сегменты населения и формировать комплексное восприятие социальных сообщений. Важным аспектом разработки социальной рекламы является выбор методов воздействия на аудиторию. Эффективные кампании часто используют приёмы, основанные на эмоциональном отклике, личном опыте или социальном сравнении, что повышает вероятность изменения поведения и отношения к проблеме [2].

В Беларуси социальная реклама разрабатывается с учётом специфики национальной аудитории, культурных особенностей и актуальных социальных проблем. Применяются методы визуализации, слоганы с высокой запоминаемостью, истории с реальными героями и инфографические материалы, которые делают информацию доступной и понятной. Эффективными примерами являются кампании Министерства здравоохранения по профилактике курения и алкоголизма, видеоролики и плакаты с яркими визуальными образами последствий вредных привычек,

проекты по безопасности на дорогах с участием известных личностей и интерактивные баннеры, напоминающие о необходимости пристегиваться ремнями безопасности. Экологические инициативы, такие как кампании по раздельному сбору отходов и сохранению лесов, используют креативную визуализацию и цифровые платформы для вовлечения молодежи. Социальные проекты, направленные на профилактику насилия в семье и поддержку психологического здоровья, применяют истории реальных людей, повышающие эмоциональную вовлечённость аудитории.

Одним из ключевых аспектов развития социальной рекламы в Беларуси является взаимодействие государства, бизнеса и общественных организаций [4]. Государственные органы создают законодательную и финансовую основу для проведения социальных кампаний, а бизнес и некоммерческие организации предоставляют креативные решения и ресурсы для их реализации. Например, совместные проекты Министерства здравоохранения и крупных компаний по продвижению здорового образа жизни позволяют расширить охват аудитории и повысить качество коммуникации. Важную роль играет также вовлечение образовательных учреждений и молодежных организаций, что позволяет формировать социальные навыки с раннего возраста и повышать уровень социальной ответственности среди молодежи.

Кроме того, в последние годы наблюдается тенденция к персонализации социальных сообщений. Кампании становятся более адресными и учитывают демографические, культурные и поведенческие особенности целевых групп. Применение интерактивных форматов, таких как онлайн-тесты, викторины, мобильные приложения, позволяет не только информировать, но и вовлекать аудиторию в активное участие. Такой подход особенно эффективен при работе с молодежью, для которой привычны цифровые каналы и интерактивные формы получения информации.

Не менее важным направлением является оценка эффективности социальных кампаний. В Беларуси используются количественные и качественные методы анализа, включая опросы, фокус-группы, изучение статистики посещаемости сайтов и социальных сетей, а также мониторинг реакции аудитории на видеоролики и посты. Такие данные позволяют корректировать стратегию кампаний в реальном времени, повышать точность воздействия и улучшать результаты.

Несмотря на активное развитие социальной рекламы в Беларуси, существует ряд проблем, ограничивающих её эффективность. Одной из ключевых трудностей является ограниченное финансирование кампаний, что

сказывается на качестве контента, масштабе распространения и возможности использования современных технологий. Кроме того, социальная реклама конкурирует с коммерческим контентом, который привлекает больше внимания аудитории благодаря высоким бюджетам и ярким креативным решениям. Важным препятствием также является дефицит квалифицированных специалистов, способных создавать оригинальные и одновременно этически корректные кампании, соответствующие национальным и международным стандартам. Этические ограничения и законодательные рамки накладывают дополнительные требования на содержание социальных сообщений, что требует тщательного балансирования между убедительностью и моральной ответственностью.

Цифровизация медиапространства открывает новые возможности для преодоления этих проблем [4]. Использование интернет-платформ и социальных сетей позволяет создавать кампании с минимальными затратами и при этом охватывать широкую аудиторию. Аналитика больших данных и технологии искусственного интеллекта дают возможность прогнозировать реакцию аудитории и корректировать рекламные стратегии в режиме реального времени. Перспективы развития социальной рекламы в Беларуси связаны с интеграцией цифровых и традиционных каналов, развитием креативных подходов и повышением профессионального уровня специалистов. Кросс-платформенные стратегии, интерактивные форматы и сотрудничество с международными организациями могут повысить эффективность и социальное воздействие кампаний. Важным направлением является адаптация сообщений под различные возрастные и социальные группы, что позволяет формировать устойчивые социальные установки и привычки. В целом успех социальной рекламы зависит от сочетания инноваций, креативности, анализа аудитории и способности вызывать эмоциональный отклик, что делает её мощным инструментом формирования общественного сознания и продвижения социально значимых инициатив в условиях современного цифрового общества.

Список литературы

1. Министерство здравоохранения Республики Беларусь. Социальная реклама в сфере здравоохранения. URL: https://minzdrav.gov.by (дата обращения 07.08.2025).

2. Государственный комитет по телекоммуникациям и информатизации Республики Беларусь. Цифровизация медиапространства. Минск, 2022. URL: https://mpt.gov.by (дата обращения 07.08.2025).

3. Петрова, А. В. Социальная реклама и её влияние на аудиторию. Журнал «Маркетинг и реклама». URL: https://rim-group.ru/blog/sotsialnaya-reklama/ (дата обращения 07.08.2025).

4. Сухарев, В. А. Анализ современных инструментов социальной рекламы. Журнал «Социальные коммуникации». URL: https://soccom.by/articles/ads-analysis (дата обращения 07.08.2025).

© У.О. Осадчая

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА КОМИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Шепилов Роман Сергеевич
Научный руководитель**: Джапарова Эдие Керимовна**
канд.филол.н., доцент
ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова

Аннотация: В статье рассматриваются основные стратегии перевода комического текста с английского языка на русский. Особое внимание уделяется проблемам передачи юмора, основанного на игре слов, культурных реалиях и ситуативной иронии. Анализ проводится на примере конкретных текстов (художественных, аудиовизуальных и медиадискурса).

Ключевые слова: перевод, комический текст, стратегии перевода, юмор, игра слов, культурные реалии, межкультурная коммуникация.

STRATEGIES FOR TRANSLATING COMIC TEXT

Shepilov Roman Sergeevich
Scientific adviser: **Dzhaparova Ediye Kerimovna**

Abstract: The article deals with the main strategies of translating a comic text from English into Russian. Special attention is paid to the problems of conveying humor based on wordplay, cultural realities and situational irony. The analysis is carried out on the example of specific texts (fiction, audiovisual and media discourse).

Key words: translation, comic text, translation strategies, humor, wordplay, cultural realities, intercultural communication.

Перевод комического текста является одной из наиболее сложных задач, с которыми сталкивается переводчик в своей профессиональной деятельности. Юмор тесно связан с культурными, языковыми и контекстуальными особенностями, создающими препятствия при попытках сохранить комическую составляющую исходного материала на другом языке. Наиболее остро подобные сложности проявляются при переводе английских текстов на русский язык, поскольку английский юмор строится как на различных

словесных играх, так и на специфических культурных реалиях, труднодоступных для русскоязычного читателя [4, с. 436].

Целью данной статьи выступает анализ стратегий, используемых при переводе комических текстов, выявление типичных трудностей, возникающих в ходе межкультурной коммуникации, а также определение наиболее эффективных методов передачи юмористического эффекта.

Юмор проявляется в тексте на нескольких уровнях — лексическом, грамматическом, стилистическом и прагматическом. Известные исследователи, среди которых Л.Р. Гиздатов, А.Д. Швейцер, Л. Венути и П. Ньюмарк, отмечают необходимость для переводчика владеть одновременно языковыми навыками и высоким уровнем культурной компетенции для успешной передачи юмористических элементов текста [2, с. 38].

Традиционно юмор подразделяют на вербальный, базирующийся на языковых механизмах (каламбуры, омонимия, игра слов), и невербальный — ситуационный или визуальный. Переводчику зачастую приходится отходить от буквальной передачи содержания и стремиться найти функциональный эквивалент, способный вызвать аналогичную эмоциональную реакцию у носителя языка перевода.

На практике выделяется несколько распространённых подходов к передаче юмора. Первый из них представляет собой буквальный перенос оригинальной фразы (literal translation). Подобный подход применим при условии универсальности шутки и её доступности на обоих языках, однако используется он довольно редко, поскольку большинство комических конструкций утрачивают эффект без адаптации. Примером может служить шутка на английском языке: «Why don’t scientists trust atoms? Because they make up everything», которая на русский язык передаётся как «Почему учёные не доверяют атомам? Потому что они всё выдумывают». Здесь возможен дословный перенос с минимальной адаптацией игры слов.

Другим способом является культурная адаптация (cultural substitution), заключающаяся в замене непонятных для целевой аудитории реалий близкими и понятными аналогами. Например, английская фраза «He’s as British as fish and chips» адаптируется на русский следующим образом: «Он британец до мозга костей, как у нас — чай с лимоном».

Также используется трансформация или реконструкция (reconstruction), при которой переводчик полностью изменяет структуру оригинальной фразы, сохраняя комическую составляющую. В качестве иллюстрации можно привести следующую фразу на английском: «I'm not lazy. I'm on energy-saving

mode». Её русский эквивалент звучит так: «Я не ленивый, я просто в режиме экономии энергии».

Кроме того, в случаях, когда прямой перевод шутки невозможен, применяется описательный перевод (explicitation). При подобном подходе шутка поясняется дополнительно или заменяется иной формой каламбура. В качестве примера приводится английская фраза «To bee or not to bee», в которой присутствует игра на омонимии слов bee («пчела») и be («быть»). При переводе подобный каламбур может сопровождаться пояснением в сноске или заменяться аналогичной шуткой [3, с. 340].

В крайних ситуациях переводчик прибегает к опущению (omission), исключая из текста отдельные комические элементы, которые невозможно адекватно перенести на целевой язык.

Практический анализ перевода юмора в аудиовизуальной продукции, художественной литературе и интернет-контенте демонстрирует значительную вариативность в выборе переводческих приёмов. Например, в случае популярного сериала «Friends» переводчики активно используют приём адаптации. В оригинальной реплике персонаж Чендлер произносит: «Could I BE wearing any more clothes?» [1], играя с интонацией и словесной подачей. В русском официальном дубляже перевод звучит как «Ну что, мне надеть ещё что-нибудь сверху?», где интонационная игра исходника заменяется адаптированной репликой с аналогичной эмоциональной окраской.

При переводе художественных произведений Терри Пратчетта, известных своими сложными аллюзиями и игрой слов, переводчики также активно трансформируют исходные конструкции. Например, фраза из оригинального текста «Death isn’t cruel, merely terribly, terribly good at his job» [6] была переведена В. Бабковым следующим образом: «Смерть не жестока. Она просто чертовски хорошо делает свою работу». Подобный перевод не является дословным, однако успешно передаёт иронический оттенок и стилистические особенности оригинала.

Отдельно стоит рассмотреть интернет-мемы и медиадискурс, требующие полной локализации или даже создания абсолютно новых форм шуток. Например, популярный англоязычный мем «Me: I’ll go to bed early tonight. Also me at 3 AM: ‘Let’s learn everything about black holes’» [5] на русский язык трансформируется следующим образом: «Я: Сегодня лягу пораньше. Также я в 3 ночи: "А почему время идёт только в одну сторону?"». Здесь переводчики заменяют оригинальный референт на другой, близкий русскоязычной аудитории и сохраняющий комический эффект.

Таким образом, успешный перевод юмора требует от переводчика владения языковыми инструментами, творческого подхода, способности учитывать культурные различия и особенности восприятия аудитории. Универсального подхода к решению подобных задач не существует, выбор переводческой стратегии определяется жанром произведения, типом юмора и характером целевой аудитории. Адаптация, реконструкция, описательный перевод и замена реалий дают возможность сохранить исходную функцию юмористического текста, даже если перевод значительно отдаляется от оригинала. Особую роль в этом процессе играет межкультурная компетентность переводчика, гарантирующая адекватность восприятия юмора и способствующая успешному межъязыковому и межкультурному взаимодействию.

Список литературы

1. Английский в кино: фразы из «Friends», которые стали культовыми [Электронный ресурс]. – URL: https://dzen.ru/a/aDxc14pZxyfBU9R8 (дата обращения: 04.07.2025).

2. Гуреева А.А., Давыденко М.Е. Перевод юмора: принципы определения и специфика передачи // Homo Loquens: Вопросы лингвистики и транслятологии: сборник статей. Том Вып. 14. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2021. – С. 36-56.

3. Иванова Е.А., Громова Е.Н. Передача комического при переводе современных англоязычных сериалов // Актуальные вопросы межкультурной коммуникации и лингводидактики. – 2021. – С. 339-344.

4. Шемякина А.А. Особенности перевода английских комических высказываний на русский язык (на материале американских и британских СМИ) // Гуманитарные технологии в современном мире. – 2019. – С. 436-438.

5. Me: I'm going to go to bed early tonight Also me at 3 am: Google Q do ghosts have teeth [Электронный ресурс]. – URL: https://ifunny.co/picture/me-i-m-going-to-go-to-bed-early-tonight-XtytJOdWA (дата обращения: 04.07.2025).

6. Terry Pratchett's Joyful, Absurd, Human Fantasy [Электронный ресурс]. – URL: https://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2015/03/terry-pratchetts-joyful-absurd-human-fantasy/387598/ (дата обращения: 04.07.2025).

© Р.С. Шепилов

СЕКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.В. ПОТАНИНА: ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА ВОСТОКОВЕД В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

Федорова Вера Ивановна
д.и.н., профессор
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева»

Аннотация: В статье рассматривается жизненный и научный путь А.В. Потаниной, её вклад в развитие российского востоковедения. Анализируются результаты научных экспедиций в Центральную Азию и основные научные труды. Выявляется проблематика научных исследований, концептуальные подходы к изучении культуры народов Центральной Азии, раскрывается значение её трудов для развития отечественной науки.

Ключевые слова: А.В. Потанина, востоковедение, Центральная Азия, Восточносибирский отдел Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО), этнография, шаманизм, ламаизм.

A.V. POTANINA: THE FIRST FEMALE ORIENTALIST IN RUSSIAN SCIENCE

Fedorova Vera Ivanovna

Abstract: The article examines the life and scientific path of A.V. Potanina, her contribution to the development of Russian Oriental studies. The results of scientific expeditions to Central Asia and the main scientific works are analyzed. The problems of scientific research, conceptual approaches to the study of the culture of the peoples of Central Asia are revealed, the importance of her works for the development of national science is revealed.

Key words: A.V. Potanina, Oriental studies, Central Asia, East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society, ethnography, shamanism, Lamaism.

Александра Васильевна Потанина вошла в историю российского востоковедения как первая женщина, обратившаяся в своем научном творчестве к изучению народов Центральной Азии. Вместе со своим мужем,

Н.Г. Потаниным, выдающимся ученым, исследователем Сибири и Центральной Азии, организатором научного изучения этого обширного региона, возглавлявшего в 1887-1890 гг. ВСОИРГО, она участвовала в научных экспедициях в Бурятию, Монголию, Алтай, Урянхайский край, Тибет и Китай. Однако Потанина не стала только лишь бледной тенью своего знаменитого мужа, она сформировалась как самостоятельный ученый в области этнографии, труды которой получили высокую оценку в научных кругах. Она была принята в члены ИРГО и награждена Константиновской медалью.

Потанина родилась 06. 02. 1843 г. в Нижегородской губернии в семье сельского священника В. Лаврского. С детских лет она привыкла к спартанскому быту, постоянным трудам и заботам, которые она, как старшая в семье, разделяла вместе со своей матерью. В раннем возрасте у неё проявилась любознательность и одаренность. К 8-ми годам девочка уже умела не только читать, но и сочинять небольшие рассказы. Особенно её привлекали сюжеты о путешествиях в далекие загадочные земли, рассказы о которых она слышала от своей няни, часто ходившей на богомолье по святым местам. Незаурядные способности девочки были замечены Е.П. Юрьевой, теткой известного общественного деятеля 1860-х гг. П.Д. Боборыкина. Часто бывая в доме Лаврских, она взялась руководить её образованием.

Большое влияние на духовное развитие Александры оказал также её брат Валериан, в юности друживший с Н.А. Добролюбовым. Он привил ей интерес к естествознанию, научив собирать гербарии, проводить химические опыты. Александра Викторовна, ощущая в себе потребности и силы к выбору самостоятельного жизненного пути, приняла решение стать учительницей. После смерти отца в 1861 г. она открывает в его приходе школу для девочек, а в 1867 г., когда в Нижнем Новгороде открылось женское епархиальное училище, стала в нем преподавать.

Поворотным моментом в жизни молодой учительницы стала встреча в 1872 г. с другом её брата – Г.Н. Потаниным. Она произошла в Никольске, куда был выслан брат за участие в революционной деятельности. Здесь же отбывал ссылку и Потанин. С первой встречи обнаружилось родство характеров и духовных интересов, которое стало фундаментом их будущего семейного союза, принесшего огромную пользу отечественной науке. Через год молодые люди поженились, а в 1875 г. благодаря хлопотам П.П. Семенова-Тянь-Шанского, Потанин получил полное помилование и право переехать на жительство в Петербург. Здесь он начинает готовиться к экспедиции в

Монголию, и Александра Викторовна деятельно помогает мужу, изучая методику препарирования биологических экспонатов, составления гербариев. На новом поприще особенно пригодились способности Потаниной к рисованию. Хотя она специально и не обучалась этому, но перед отъездом в экспедицию консультировалась по вопросам техники рисунка у известного художника И.И. Шишкина.

Первая экспедиция в жизни Александры Васильевны состоялась в 1876-1877 годах. За это время были пройдены сотни верст по Русскому и Монгольскому Алтаю, собраны ценные материалы по географии, геологии, энтомологии, ботанике, этнографии.

1878-1879 гг. прошли для Потаниных за обработкой экспедиционного материала, а летом 1879 г. она вместе с мужем отправляется в экспедицию по Туве. Маршрут экспедиции проходил по южному склону Саянских гор и верховьям Енисея. Закончив вторую экспедицию, Потанины прибыли в Иркутск. Отчет об экспедиции занял 2 тома, значительная часть материала в них принадлежала Александре Викторовне, хотя она и не являлась официальным участником экспедиции.

В 1880-1883 гг. Потанины провели в Петербурге. С 1883 г. начинается новая экспедиция Потаниных в Восточный Тибет, которая продолжалась два года и 6 месяцев. За это время было пройдено 5700 верст, собран большой материал для характеристики природы, экономики и общественного быта населения Внутреннего Китая.

Отчитавшись за экспедицию перед Академией наук, Потанины в 1887 г. вновь возвращаются в Иркутск, где Григорий Николаевич возглавил деятельность Восточносибирского отдела ИРГО. В 1890 г., убедившись, что работа ВСОИРГО налажена, Потанины возвращаются в Петербург.

В 1892 г. они вновь направляются в экспедицию в восточный Тибет. Это путешествие стало последним для Александры Васильевны, здоровье которой уже было подорвано тяготами и лишениями в длительных экспедициях. 8 мая 1893 г. её постиг первый удар, а 19 сентября на пути в Чунцинфу она скончалась. Похоронена в Кяхте.

Главным направлением научной деятельности Потаниной стали этнографические исследования. Этнография во второй половине XIX в. переживает настоящий взлет. Она аккумулировала в себе новейшие достижения в естествознании и гуманитаристике и воспринималась современниками как передовой рубеж науки. Потанину в этнографии привлекало то, что исследование было направлено на человека в его

повседневной жизни. Она была убеждена, что не в политике и не в экономике раскрывается подлинная сущность человеческих отношений. Там они продиктованы необходимостью, и человек вынужден играть социальную роль, отведенную ему обстоятельствами. Человек освобождается только в повседневной обстановке, где он может в полной мере раскрыть индивидуальные особенности свой личности.

В научном наследии Потаниной мы не найдем глубоких теоретических обобщений, смелых идей о происхождении и миграциях этносов, её роль в изучении народов Центральной Азии много скромнее и заключалась преимущественно в том, чтобы собрать этнографическую информацию. Главным методом изучения для неё становится непосредственный контакт со своим объектом, это так называемое, включенное наблюдение. Этот метод чрезвычайно важен, так как позволяет узнать то, что скрыто от визуального наблюдения, проникнуть в сущность ритуалов, обрядов, образно-знаковых систем – словом, всего того, что раскрывает сложную культурную семантику явлений, имеющую ключевое значения для расшифровки этнического самосознания. В этой роли Александра Викторовна была незаменима, так как обладала огромным человеческим обаянием, эмпатией, обращенной прежде всего к тем группам (этническим, возрастным, гендерным, социальным), представители которых испытывали притеснения в обществе. Исследовательский контакт с ними был затруднен.

В научном наследии Потаниной превалируют в основном путевые заметки, написанные на основе полевых дневников, по которым затем составлялись научные отчеты. Часть своих заметок Потанина опубликовала в популярных изданиях: газете «Восточное обозрение» и литературном приложении к ней «Сибирском сборнике», журнале «Русское богатство», газете «Русские ведомости» и др. В академическом издании («Известиях ВСОИРГО») у неё была опубликована только одна работа «Молочное хозяйство бурят Верхнеудинского округа», в основу которой был положен её доклад, сделанный в 1887 г. в ВСОИРГО. Позднее материалы доклада были включены Потаниной в этнографический очерк «Из наблюдений над жизнью бурят Верхнеудинского округа». В нем она дает комплексное исследование бурятского населения, включая вопросы этнического происхождения, языковой принадлежности, рассматривает численность, ареал расселения, родоплеменную структуры, историю контактов с русскими, современную систему управления, хозяйственно-бытовой уклад.

Главным предметом изучения для неё становятся религиозные верования бурятов. Она пытается вникнуть в картину языческого миропонимания, анализируя мифологию, заклинания, символические знаки шаманской одежды. Особенно интересны рассуждения Потаниной о шаманстве как разновидности язычества. Она видит причины зарождения язычества как древнейшей формы религии в сакрализации сил природы: «Шаманство – это вера в благодетельные и враждебные силы природы. Народ первобытный так сильно зависит от окружающей его природы и на первых порах своей истории так беззащитен против стихий, что невольно должен преувеличивать могущество физических явлений, среди которых проходит и от которых зависит его жизнь», – пишет она [9, с. 4].

Потанина рассматривает шаманизм как разновидность язычества и относит к самым примитивным формам религиозных представлений, которые соответствует первобытно-родовым отношениям. Однако современное бурятское общество, по её убеждению, уже переросло эту стадию, и шаманизм переживает кризис, перестав удовлетворять потребности как религиозное мировоззрение. Те племена, в жизни которых сильнее выражено влияние русского населения, переходят к христианству, а там, где сильнее влияние монгольского культурного элемента – к буддизму. При этом она замечает, что даже там, где буряты активнее контактируют с русскими, они предпочитают буддизм. Потанина объясняет это не только их языковой и этнической близостью к монголам, но и буддистской веротерпимостью, а также близостью ламаизма к языческим культам [9, с. 15].

Выводы о сохранении в ламаизме пережитков шаманизма Потанина основывает на изучении проблемы в таких своих работах, как «Религиозная пляска в монастыре Кадигава» (1885), «Гумбум, монастырь зонкавистов» (1886), «Театральные представления и религиозные празднества в Китае» (1885), «Монголия и монголы» (1891). Она признает цивилизующую роль ламаистских монахов по отношению к бурятам, монголам, народам Тибета, утверждая, что монастыри являются центрами грамотности, книгопечатания, сохранения старинных книг, рукописей. Хотя цивилизующий эффект ослабляется тем, что религиозная литература написана на книжном тибетском языке, недоступном для понимания низов, монахи почти не изучают монгольский язык и фольклор. Однако Потанина всё же считает, что культурный раскол среди народов Тибета выражен не так резко, как в Китае. Ламаистские монахи более толерантны и с готовностью идут на использование в религиозных службах местного языка. Тогда как в китайской

империи в положении покоренных народов она видит черты культурной дискриминации.

Потанина едва ли не первой из российских этнографов обратилась к изучению положения женщины у народов Центральной Азии. Для исследователей мужчин эта тема была практически закрыта, так как жизнь женщины на Востоке замыкалась исключительно семейной сферой и её участие в общественных делах было минимизировано.

Женская тема присутствует почти во всех трудах Потаниной, но крупным планом она представлена в очерке «О китайской женщине». Как этнографа Потанину интересуют в основном подробности культурно-бытового уклада (одежда, питание, жилище, досуг), и она, старательно живописует эти сюжеты, но не менее актуальным для неё являются и социальные аспекты. Она не может оставаться безучастной к варварскому обычаю «золотого лотоса» – бинтования ног женщин, сохранившемся с древних времен, который придает ногам форму цветка лотоса. Традиционно считалось, что эта практика существовала только в аристократических слоях, и являлась культурным маркером принадлежности женщин к высшему обществу, так как. служила доказательством привилегированности и богатства её супруга, который мог содержать неработающую жену. Потанина показывает, что к концу XIX в. этот обычай распространился уже во всех слоях китайского общества и стал своеобразным символом национальной идентичности китайцев, выделяющим их в империи как господствующую нацию над остальными народами, среди которых этот обычай не практиковался.

Потанина называет этот обычай насильственным уродованием женщин, который наносит вред их физическому здоровью и делает абсолютно неспособными вести полноценную общественную жизнь. Женщина обречена на изолированное существование в доме мужа и быть полностью зависимой от него. В тех социальных группах, где женщина все же вынуждена трудиться, даже выполнение несложных трудовых операций доставляет ей нестерпимое мучение.

Особенно трагична судьба вдов, которые, потеряв мужа, оказываются абсолютно беспомощными и неспособными к дальнейшему существованию. Потанина констатирует рост женского суицида, указывая на то, что «китайское общество принимает самоубийство вдовы с уважением» [9, с. 202]. И хотя Потанина уходит от каких-либо оценочных суждений, пытаясь сохранять научный объективизм, но само по себе опубличивание этих фактов

должно привести читателя к выводам о кризисном состоянии китайского общества, в котором подобная социальная аномалия получила моральное одобрение. Но самым ярким проявления кризиса, по мнению Потаниной, стало широкое распространение употребления опиума, в том числе и среди женщин.

Представляет интерес общий вывод Потаниной о состоянии китайского общества. Она подметила то, что составляет характерный признак всех традиционных обществ: «обычай царит над всею китайскою жизнью» [9, с. 209]. Он сковывает личную инициативу, ограничивая возможности для поступательного развития. В этом она видит причину отставания, не только Китая, но и всего Востока.

Локомотивом прогресса стала Западная Европа, но что она несет народам Востока, смогут ли они принять плоды прогресса или станут его жертвой? Такой вопрос витал на рубеже XIX-XX вв. в науке, породив множество теорий расистского типа о неспособности архаических народов к прогрессу. Потанина хотя и не рефлексирует на эту тему, но свой взгляд имеет. Она твердо знает, что прогресс имеет не только технико-экономическое измерение. Для Потаниной хорошо знакомой с религиозной жизнью азиатских народов, нет никаких сомнений, что она в духовном плане гораздо более насыщена и богата, чем у так, называемых, цивилизованных народов. И по своему творческому потенциалу народы Востока ничуть не уступают европейской культуре. А их художественное наследие может стать почвой для обновления художественных традиций западной культуры.

Свои рассуждения на эту тему Потанина подкрепляла авторскими зарисовками орнаментов одежды, украшений, предметов быта, интерьера жилища, мастерски передовая особенности художественной стилистики, богатство цветовой палитры и композиции произведений традиционного искусства. Значительная часть её рисунков хранится в музее ВСОИРГО и архиве Научной библиотеки Томского университета.

Итак, Потанина внесла существенный вклад в этнографическое изучение народов Центральной Азии. Ей принадлежит большая заслуга в исследовании религиозных верований бурят, монголов, урянхов, тибетцев. Она стала пионером в постановке женской темы, собрав уникальный материал, характеризующий роль женщин в традиционном хозяйстве народов Востока, её положение в семье. Признанием заслуг Потаниной в российском востоковедении стало её избрание в члены ИРГО и награждение Константиновской медалью. В 1895 г. по инициативе председателя

географического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Д.Н. Анучина был издан посмертный сборник трудов А.В. Потаниной, в который вошли её публикации в научных сборниках и журналах. В предисловии к сборнику говорилось о «неизгладимой заслуге Александры Викторовны в истории землеведения Азии». Подчеркивалась мысль, что своим беззаветном служением науке Потанина участвовала в «достижении общечеловеческого счастья, принеся столько жертв на пользу и благо человечества» [9, с. I].

Список литературы

1. Арсеньева Л.Г. Изучение этнографии бурят в восточно-сибирском отделе Русского географического общества (РГО) в 1850-1920 гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2013. – №7. –С.150-153.

2. Арсеньева Л.Г. Изучение российскими географами (ВСОРГО) внутренней Азии (вторая половина XIX В.) // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2015. – №7. – С.216-220.

3. Дмитриенко Н.М. Жизненный подвиг Александры Викторовны Потаниной // Музееведческое наследие Северной Азии. Труды Александры Викторовны Потаниной / публ. и ком.: Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк, И.А. Голев, С.Е. Григорьева, К.А. Кузоро. – Томск: Изд-во Том. ун-та, – 2022. – С. 5-14.

4. Зарин В.М., Зарина Е.А. Путешествия А.В. Потаниной. М.: Гос. изд-во географической лит, –1950. – 97 с.

5. Козьмин Н. Н. Исторический очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела РГО за 50 лет // Оттиск из Известия ВСОРГО. – Иркутск, 1905. –Т. 35. – № 2. – 43 с.

6. Малолетко А. М. Александра Викторовна Потанина // География и природопользование Сибири, – 2015. – № 20. – С. 136–142.

7. Потанина А.В. Записки о моих родных и о моем детстве// Музееведческое наследие Северной Азии. Вып. 3: Труды Александры Викторовны Потаниной / публ. и ком.: Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк, И.А. Голев, С.Е. Григорьева, К.А. Кузоро. – Томск: Изд-во Том. ун-та, – 2022. – С.15-33.

8. Потанина А.В. Молочное хозяйство у бурят Верхнеудинского округа // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Иркутск, – 1890. – Т. XXI. – № 2. – С. 35–41.

9. Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М.: Типография Елизаветы Гербекъ, – 1895. – 296 с.

10. Сибирь. Монголия. Китай. Тибет. Путешествия длиною в жизнь / Г. Н. Потанин, А. В. Потанина; Русское географическое общество. – Москва: Эксмо, 2017. – 439 с.

© В.И. Федорова

SEVERAL JEWISH AND TURKIC MESSAGES IN THE KHAZAR INSCRIPTIONS

Rjabchikov Sergei Victorovich
general director
The non-profit organisation «The Sergei Rjabchikov Foundation – Research Centre for Studies of Ancient Civilisations and Cultures»

Abstract: In the paper, Sergei V. Rjabchikov has studied various Khazar inscriptions which show Jewish and Turkic cultural influence of this ancient civilisation. Some issues of the religion, history and economics are described. The author used the methods of structural and contrastive linguistics.

Key words: Jewish, Turkic, Khazar, Khazaria, Khazarian.

НЕСКОЛЬКО ИУДЕЙСКИХ И ТЮРКСКИХ СООБЩЕНИЙ В ХАЗАРСКИХ НАДПИСЯХ

Рябчиков Сергей Викторович

Аннотация: В данной работе автор изучил различные хазарские надписи, которые показывают иудейское и тюркское культурное влияние этой древней цивилизации. Некоторые проблемы религии, истории и экономики были описаны. Автор применил методы структурной и контрастивной лингвистики.

Ключевые слова: иудейский, тюркский, хазар, Хазария, хазарский.

Introduction

Khazaria has been comprehensively investigated [1; 2; 3; 5; 6; 7]. We continue to research images and inscriptions from this country [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18].

The Research

1. Consider a bone product from the Don region during the existence of the Khazar Khaganate [9, p. 129, fig. 20, *15*], see fig. 1.

Here the menorah is represented in the centre of the picture. The rhombi related with the menorah are the images of the bright light.

In the Judaism (Book of Exodus 26: 35, 40: 24), the candlestick was put toward the south in the tabernacle. It was the solar symbolism. Notice that every day the sun moves from the east (morning) to the west (evening) through the south (noon) in many places that lie in the northern hemisphere.

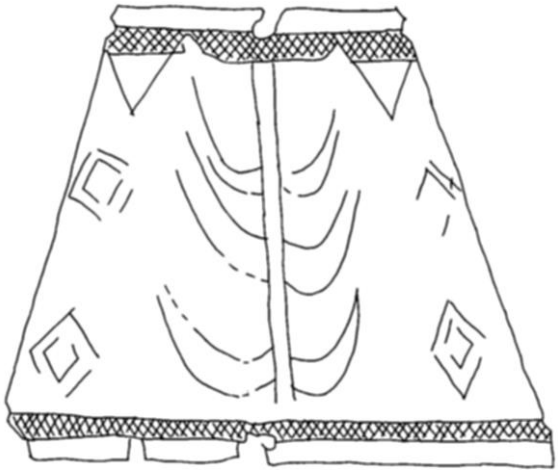

Fig. 1. A bone product from the Don region during the existence of the Khazar Khaganate

2. Consider a bone point (a piece a rhyton for wine?) with a engraved donkey figurine and some letters from Sarkel (Sh-r-kil) [1, p. 42, fig. 28, *1*], see fig. 2.

Fig. 2. A bone point with a engraved donkey figurine and some letters from Sarkel (Sh-r-kil)

The main record reads: *Qb* ‘abundant.’

Vocabulary

Kap- means ‘abundant.’ Cf. Old Turkic *köp* ‘many; abundant; big; very’ [10, p. 317], Chuvash *kapmar* ‘large; huge,’ Tatar *kup* ‘many; significantly; abundantly.’

In the Judaism (Book of Genesis 49: 11), epithets of offspring, fertility and wealth are presented on the terms ‘foal,’ ‘ass,’ ‘wine’ and ‘grapes’: “Binding his

foal unto the vine, and his ass's colt unto the choice vine; he washed his garments in wine, and his clothes in the blood of grapes."

3. Consider a mug from the Samosdelskoe settlement [11, p. 82, fig. 12, *1*], see fig. 3.

Fig. 3. A mug from the Samosdelskoe settlement

The record reads: *Šd* 'The king.'

Vocabulary

Š*ad* means 'king (Khazar title)' [2, p. 212].

Obviously this object for wine, other drinks or water belonged to a ruler.

4. Consider an amphora from Taman (Tamatarha; S-m-k-r-ts) [4, p. 46, fig. 1], fig. 4.

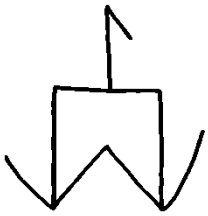

Fig. 4. An amphora from Taman

The record reads: *Ičč* 'Drink!'

Vocabulary

Ič- means 'to drink.' Cf. Old Turkic *ič*- 'to drink' [10, p. 201], Chuvash *eç* 'to drink,' Tatar *eč* 'to drink.'

In my opinion, the reduplication letter *č* ultimately conveys the decorative doubling.

5. Consider a vessel handle from the Bilyar settlement [8, p. 274-275, fig. K 11], see fig. 5.

The record reads: *Qč* 1 *mjn* 2 'The payment to a craftsman is two (coins) for one jar.'

Vocabulary

Qača means 'dishes,' cf. Old Turkic *qača* 'dishes' [10, p. 400], Chuvash *kashak* 'spoon,' Tatar *kashyk ayak* 'dishes,' Kyrgyz *kazan* 'cauldron.'

Majn- means ‘remuneration, payment to craftsman’, cf. Old Turkic *manču* ‘remuneration, payment to craftsman’ [10, p. 336], Azerbaijani *manat* ‘coin.’

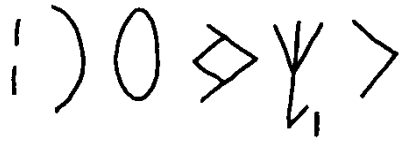

Fig. 5. A vessel handle from the Bilyar settlement

Conclusions

In the paper, the writer has studied various Khazar inscriptions which show Jewish and Turkic cultural influence of this ancient civilisation. Some issues of the religion, history and economics are described. The author used the methods of structural and contrastive linguistics.

References

1. Artamonov M.I. (1958). Sarkel – Belaya Vezha // Artamonov M.I. (ed.) Proceedings of the Volga-Don archaeological expedition. Vol. 1. Materials and research on the archaeology of the USSR. No 62. Moscow – Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, pp. 7-84.
2. Artamonov M.I. (1962). History of the Khazars. Leningrad: The State Hermitage Press.
3. Brook K.A. (2006). The Jews of Khazaria. Lanham: Rowman and Littlefield.
4. Chkhaidze V.N. (2003). The inscribed medieval amphora from the Taman museum of viticulture and wine-making // Brief reports of the Institute of Archeology, vol. 215, pp. 45-50.
5. Dunlop D.M. (1954). The history of the Jewish Khazars. Princeton: Princeton University Press.
6. Golb N., Pritsak O. (1982). Khazarian Hebrew documents of the tenth century. Ithaca: Cornell University Press.
7. Gumilev L.N. (1966). Discovery of Khazaria. Moscow: Nauka.
8. Kyzlasov I.L. (1994). Runic scripts of the Eurasian steppes. Moscow: Oriental Literature.
9. Mikheev V.K. (1985). The Don region within the Khazar Khaganate. Kharkov: Kharkov State University.
10. Nadelyaev V.M. et al. (1969). Ancient Turkic dictionary. Leningrad: Nauka.

11. Popov P.V. (2011). Preliminary results of the study of the ceramics of the Samosdelskoe settlement // Vasilyev D.V. (ed.) The Samosdelskoe settlement: Issues of study and interpretation. Astrakhan: Astrakhan digital printing, pp. 60-88.

12. Rjabchikov S.V. (2023). The Khazars and Russians in signs and inscriptions // Ivanovskaya I.I., Posnova M.V. (eds.) Science of the XXI century: Challenges, formation, development. Collection of articles of the XIII International scientific and practical conference, held on 19 October 2023 in the city of Petrozavodsk. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", pp. 124-130.

13. Rjabchikov S.V. (2023). The burial of the Khazar military ruler Bulan has been discovered (About the record on an ancient pot) // Ivanovskaya I.I., Posnova M.V. (eds.) Science, society, technology in the conditions of global transformation. Collection of articles of the International scientific and practical conference, held on 24 October 2023 in the city of Petrozavodsk. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", pp. 92-99.

14. Rjabchikov S.V. (2023). The capital city of Itil (Atil) of Khazaria has been found (On the data of epigraphy) // Ivanovskaya I.I., Posnova M.V. (eds.) Innovative vector of development of modern science. Collection of articles of the II International scientific and practical conference, held on 7 November 2023 in the city of Petrozavodsk. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", pp. 110-128.

15. Rjabchikov S.V. (2024). The Khazars with their royal symbols: Deer (elk) and eagle // Ivanovskaya I.I., Posnova M.V. (eds.) All-Russian student Lomonosov conferences – 2024. Collection of articles of the IV All-Russian scientific and practical conference held on 5 November 2024 in the city of Petrozavodsk. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", pp. 127-131.

16. Rjabchikov S.V. (2024). The Khazar inscription on a bull's skull: The preliminary exploration // Ivanovskaya I.I., Posnova M.V. (eds.) Science of the Young – Science of the Former. Collection of articles of the XIII International scientific and practical conference held on 13 November 2024 in the city of Petrozavodsk. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", pp. 175-180.

17. Rjabchikov S.V. (2024). The Khazar mythology and fine art: Turkic and Jewish typical characteristics // Ivanovskaya I.I., Posnova M.V. (eds.) Science of the XXI century: Challenges, formation, development. Collection of articles XX International scientific and practical conference, held on 18 November 2024 in the

city of Petrozavodsk. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science”, pp. 185-189.

18. Rjabchikov S.V. (2024). The some Khazar inscriptions devoted to the economy have been deciphered // Ivanovskaya I.I., Posnova M.V. (eds.) Science of the young – science of the future. Collection of articles XIV International scientific and practical conference, held on 3 December 2024 in the city of Petrozavodsk. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science”, pp. 148-154.

© S.V. Rjabchikov, 2025

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Ветчинкин Лев Леонидович
студент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»
Научный руководитель: **Гришакова Лариса Валерьевна**
к.и.н., доцент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению процесса трансформации исторической науки в контексте цифровизации и компьютеризации всех сфер общественной жизни. Автором приводятся позиции, связанные с возможностью интеграции передовых технологий, в том числе, искусственного интеллекта в исторические исследования. Делается вывод о необходимости верификации данных, полученных в ходе автоматизированных процессов.

Ключевые слова: историческая наука, цифровизация, искусственный интеллект, архивные материалы, автоматизация сбора данных.

HISTORICAL SCIENCE IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION: NEW HORIZONS AND CHALLENGES OF MODERN REALITY

Vetchinkin Lev Leonidovich
Scientific adviser: **Grishakova Larisa Valerievna**

Abstract: The article is devoted to the process of transformation of historical science in the context of digitalization and computerization of all spheres of public life. The author presents positions related to the possibility of integrating advanced technologies, including artificial intelligence, into historical research. It is concluded that it is necessary to verify the data obtained during automated processes.

Key words: historical science, digitalization, artificial intelligence, archival materials, automation of data collection.

На протяжение всего периода своего существования историческая наука всегда эволюционировала вслед за технологическим прогрессом общества, проделав при этом огромный путь: от фиксирования информации на папирусе (именно на нём был написан первый трактат Геродота) до создания цифровых баз данных, 3D реконструкций и использования ИИ при расшифровке и оцифровывании исторических документов [1, С. 2].

Таким образом, актуальность изучения вопросов, связанных с трансформацией исторической науки в условиях цифровой реальности обусловлена необходимостью разработки чётких стратегий работы с документальными, вещественными и прочими источниками, дабы не допустить случаев искажения исторической действительности и выводов по тем или иным событиям, поскольку подобное чревато негативными последствиями, как для науки (поскольку неправильность результатов приводит к нарушению цепочки причинно-следственных связей), так и для общества (так как важные исторические события могут быть преданы забвению, либо интерпретированы совершенно ненадлежащим образом, что в свою очередь сформирует некорректное представление об историческом событие или факте у обывателя).

Вопросы, связанные с изменениями в исторической науке в эпоху цифровой трансформации, активно исследуются, как зарубежными, так и отечественными учёными. Рассмотрим ряд наиболее релевантных из них. Так, в работе И.М. Гарсковой «Цифровые методы исторического исследования: новые возможности и ограничения» [2] подобно рассматриваются аспекты, связанные с трансформацией исследовательских практик под влиянием цифровизации и технологизации общества, выделяются ключевые проблемы, возникающие при интерпретации данных, полученных в ходе исследования и так далее. В статье В.В. Лапина «Цифровая трансформация исторической науки: вызовы и перспективы» [3] также рассматриваются изменения в историографии, обусловленные влиянием технологического прогресса, а также вопросы этики при работе с Big-DATA.

Целью статьи стало изучение основных изменений в исторической науке, обусловленных технологическим развитием общества и активной цифровизацией всех отраслей его жизни.

Источниками исследования послужили нормативные документы Российской Федерации, такие как Распоряжение Правительства РФ от 31.03.2022 № 759-р «Об утверждении Концепции развития цифровых технологий в сфере культуры» [4], Приказ Министерства культуры РФ от 15.12.2020 № 2453 «Об утверждении плана мероприятий по реализации проекта «Цифровая культура» [5], а также Постановление Правительства РФ от 21.07.2020 № 1089 «О федеральном проекте «Цифровые технологии» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [6].

Ключевым направлением цифровизации в исторической науке в последнее время стала оцифровка архивных документов, древних памятников письменности и прочих артефактов [7, С. 37]. Проведение подобной работы имеет огромное значение, поскольку повышает доступность к вышеуказанным источникам, а также позволяет минимизировать риск нанесения механических повреждений в процессе работы с ними. Задействуя инструменты ИИ, самостоятельно распознающие текст, перед исторической наукой открывается ряд новых горизонтов, которые связаны, в первую очередь, с упрощением доступа к документальной базе. Однако не стоит забывать, что ручная проверка достоверности полученных данных остаётся всё так же актуальной [8, С. 95]

Также перед современной исторической наукой встаёт вопрос переоценки всех ранее проведённых исследований и верификации полученных результатов на предмет достоверности [3, С. 80]. Подобное становится возможным благодаря работе, например, с Big Data, что позволяет изучать массовые явления (миграции, а также изменение генома в результате неё, что значительным образом меняет представления о расселении народов по континентам; глобальные и локальные изменения климата и их влияние на ход истории и так далее), также задействуя технологии ИИ, в частности, Natural Language Processing (обработка естественного языка) исследователи получают информацию об эмоциональном окрасе текста исторического документа, какой диалект языка был задействован при написании него, а также (на основе анализа тональности алгоритмами) вычислить искажение событий в угоду сторонним факторам (например, идеологизированности), что помогает деконструировать сложившиеся предубеждения по тем или иным историческим вопросам [9, С. 115]. Отдельно стоит отметить возможность создания исходя из полученных данных динамических карт, позволяющих отследить то, как развивались события человеческой истории с непосредственной привязкой к местности.

Обобщая вышесказанное, мы приходим к следующему выводу: в эпоху цифровой трансформации историческая наука сделала огромный шаг вперёд. Появились новые возможности, позволяющие работать с большим количеством данных, выстраивать модели исторических событий, а также конкретизировать ранее полученные результаты. Однако стоит обратить внимание на то, что алгоритмизация исторического исследования не отменяют того факта, что конечная интерпретация данных осуществляется непосредственно человеком, а также не даёт гарантий 100% точности полученных данных. В связи с этим необходимо тщательно анализировать результаты деятельности искусственного интеллекта, дабы не допускать случаев искажения исторической действительности, но при этом и не стоит испытывать излишний скепсис по отношению к подобным технологическим новшествам, поскольку они в значительной степени полезны для дальнейшего развития истории как науки.

Список литературы

1. Бородкин Л.И. Историческая информатика: этапы развития и новые вызовы цифровой эпохи // Историческая информатика. 2018. № 4. С. 1–12.

2. Гарскова И.М. Цифровые методы в исторических исследованиях: новые возможности и ограничения // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2019. № 2 (35). С. 78–95.

3. Лапин В.В. Цифровая трансформация исторической науки: вызовы и перспективы // Историческая информатика. 2020. № 3. С. 1–15.

4. Об утверждении Концепции развития цифровых технологий в сфере культуры: распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 759-р // Собрание законодательства Российской Федерации. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408119443 (дата обращения: 15.07.2025).

5. Об утверждении плана мероприятий по реализации проекта “Цифровая культура”: приказ Министерства культуры Российской Федерации от 15 декабря 2020 г. № 2453 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012240024 (дата обращения: 15.07.2025).

6. О федеральном проекте “Цифровые технологии” национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”: постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 1089 // Собрание законодательства Российской Федерации. URL: http://static.government.ru/

media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 15.07.2025).

7. Орехов Б.В., Федюкин И.И. Цифровые архивы и историческая память: проблемы доступа и интерпретации // Информационный ресурс России. 2021. № 5. С. 34–42.

8. Петров А.С. Искусственный интеллект в анализе исторических текстов // Новая и новейшая история. 2021. № 6. С. 88–102.

9. Захаров В.Н., Кириллов А.К. Большие данные и машинное обучение в исторических исследованиях. М.: Институт российской истории РАН, 2021. 214 с.

© Ветчинкин Л.Л., 2025

СЕКЦИЯ ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

DOI 10.46916/21082025-6-978-5-00215-840-9

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ АРТ-ОБЪЕКТОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ АРХИТЕКТУРНО-ДИЗАЙНЕРСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Прохоров Сергей Анатольевич
д.иск., профессор
Прохоров Никита Сергеевич
к.иск., доцент
Соколик Марина Максимовна
студент
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова»

Аннотация: В статье проводится анализ интеграции информационных технологий в процесс проектирования арт-объектов в архитектурном пространстве. Описываются разработки интерактивных арт-объектов, выполненных на занятиях студентами под руководством преподавателей.

В конце статьи делается вывод о важной роли приобретения студентами навыков проектировании интерактивных арт-объектов при формировании эстетического облика современного архитектурного пространства.

Ключевые слова: арт-объект, информационные технологии, архитектурное пространство, интерактивные художественные формы, архитектурное образование.

INFORMATION TECHNOLOGIES IN ARTISTIC DESIGN OF ART OBJECTS AS A COMPONENT OF THE PROCESS OF TRAINING STUDENTS OF ARCHITECTURAL-DESIGN FIELD

Prokhorov Sergey Anatolievich
Prokhorov Nikita Sergeevich
Sokolik Marina Maksimovna

Abstract: The article analyzes the integration of information technologies into the process of designing art objects in the architectural space. The article

describes the development of interactive art objects made in the classroom by students under the teacher guidance.

At the end of the article, it is concluded the important role of students acquiring skills in designing interactive art objects in shaping the aesthetic appearance of a modern architectural space.

Key words: art object, information technology, architectural space, interactive art forms, architectural education.

Целью данного исследования является рассмотрение организационной роли архитектурно-художественных форм как объектов эстетики, изобразительного искусства, архитектуры в процессе раскрытия определенного аспекта художественного осмысления городского пространства [1, с. 206].

К таким формам относятся городские арт-объекты, представляющие художественные инсталляции, цветографические установки или любые другие объекты, созданные специально для городской среды. Они преображают пространство, делая его живым и запоминающимся [2].

В этой парадигме одним из интереснейших и ярких явлений, в настоящее время, представляет собой проектирование современных интерактивных арт-объектов, несущих возможности синтеза и применения информационных и художественных визуальных технологий, с помощью которых будут создаваться новые способы взаимодействия человека и его окружения, что, впоследствии, может стать основной формой организации городского пространства [3].

Интерактивные арт-объекты в архитектурном пространстве должны обладать визуальной привлекательностью, использовать новые цифровые мультимедийных средства художественной выразительности, иметь веб-интерфейс для связи с виртуальной средой, осуществлять контакт не только с аудиторией, но и с городской средой [4].

Таким примером может служить интерактивный арт-объект «Погода в доме», выполненный художницей М. Звягинцевой и расположенный на территории жилищного комплекса iLove в г. Москва. Посетители Арт-объекта «Погода в доме» могут укрыться под декоративным зонтом, где их ждет сюрприз из сотни бабочек — символ чувства влюбленности [5] (рис. 1).

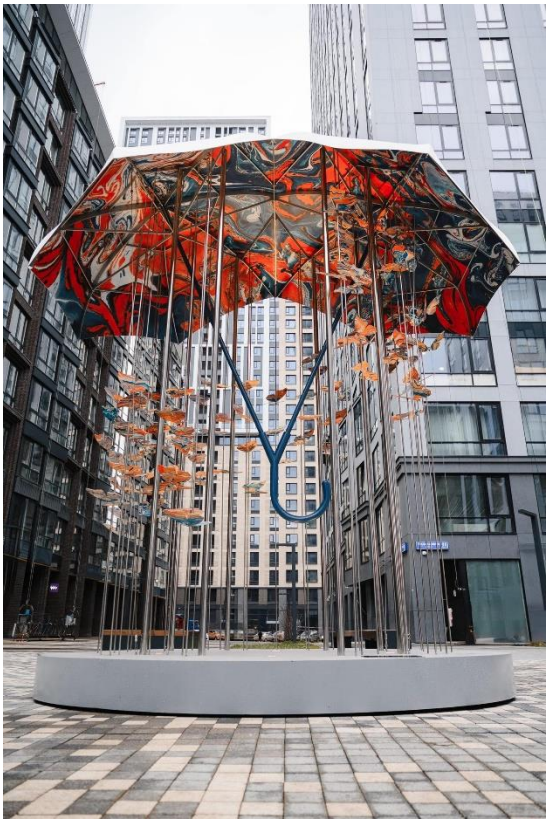

Рис. 1. Звягинцева М. Интерактивный арт-объект «Погода в доме», расположенный на территории ЖК iLove. Москва

Технические и изобразительные приемы, используемые в проектировании интерактивных форм арт-объектов в организации архитектурного пространства, необходимо изучать в процессе подготовки студентов художественному проектированию городской среды. При этом, уже на начальном этапе комплексного проектирования должны ставиться задачи двойного назначения — как изобразительно-информационного, так и развлекательного характера.

Проектная техническая составляющая создания интерактивный форм арт-объектов предполагает использование смарт-панелей в качестве дисплеев для показа изображений, а также текстовой информации. Эти панели должны быть иметь специально разработанное ПО, электронные датчики, отслеживающие поведение посетителей, их взаимодействие с пространством и обеспечивающие обратную связь. Художественная визуальная составляющая проектирования арт-объектов имеет важное значение в формировании визуального цифрового архитектурного пространства, предусматривает интегрирование в них изобразительной составляющей, генерирования шрифтов, подсветок, изменение цветовой гаммы, уровня яркости и т.д.

Например, интерактивный арт-объект «Метка» представляет собой информационный цветографический портал среднего размера с обратной связью, как изобразительно-информационного, так и развлекательного назначения, предназначенный для проведения различных мероприятий праздников, конференций, интерактивные дискуссий и обеспечивающий, при этом, высокое качество изображения и звука.

Арт-объект «Метка» должен обладать не только художественной уникальной визуальной составляющей, но и широкими техническими мультимедийными возможностями, предназначенными для обмена информацией, в том числе эффективного интерактивного междугороднего и международного общения в режиме реального времени.

В основе интерактивного арт-объекта «Метка» лежит конструкция из композитных коррозиеустойчивых материалов, которая служит опорой для большого двухстороннего проекционного экрана-монитора и других необходимых компонентов, поставленных на объемную декоративную форму розы ветров (рис. 2).

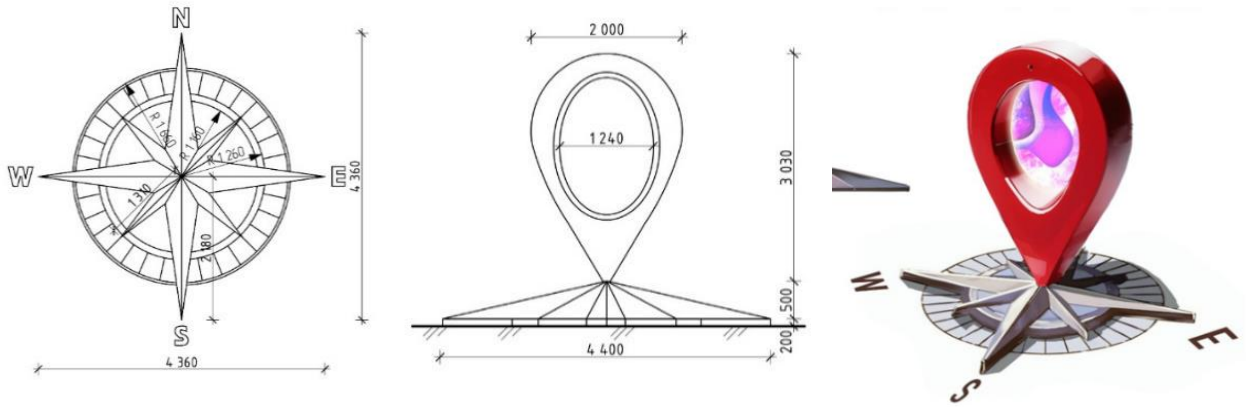

Рис. 2. Чертежи разработки цветографической интерактивной установки арт-объекта «Метка»

Интерактивный арт-объект имеет форму всем известной метки, которую часто используют на поисковых картах, а двухсторонний экран обеспечивает возможность демонстрации любого изображения, расширяя возможности взаимодействия с аудиторией, делая его художественную составляющую более привлекательной и запоминающейся (рис. 3).

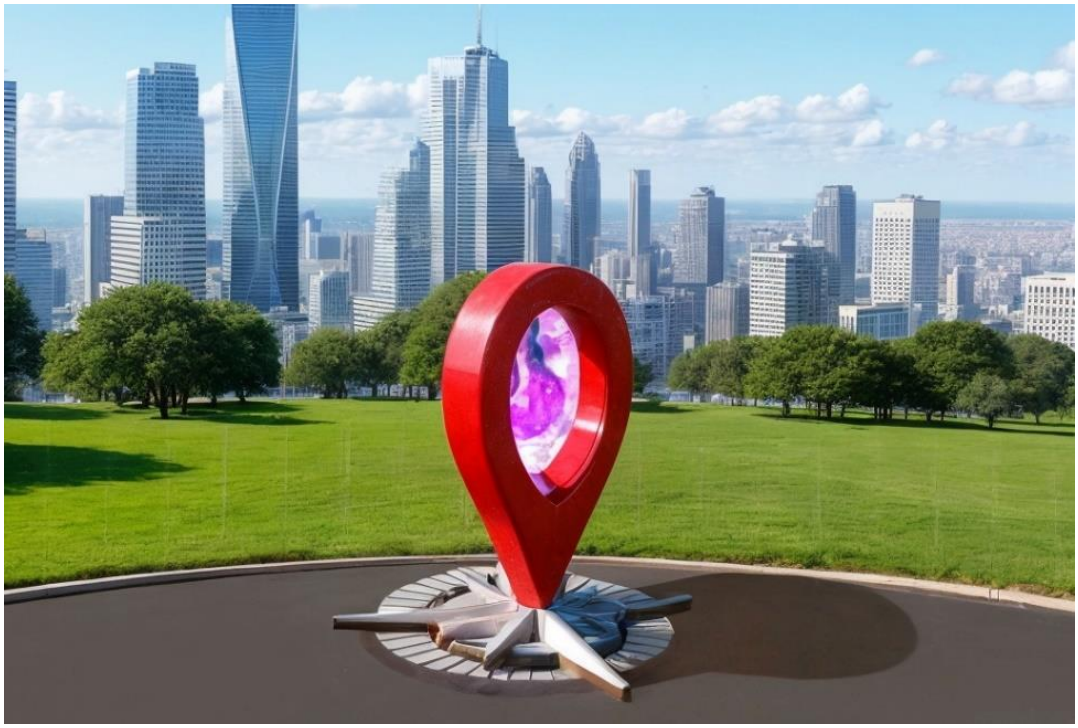

Рис. 3. Визуализация разработки цветографической интерактивной установки «Метка»

При проектировании арт-объектов необходимо учитывать применение современных композитных материалов, позволяющих эффективно сочетать функциональность, эстетику и экологичность в современном городском пространстве.

Стоит отметить, что арт-объекты являются ценностными уникальными элементами среды, привносящими современные черты уникальности, формируя новый стиль и совершенствуя концепт искусства в городском пространстве [6, с. 11].

В заключение, необходимо констатировать, что в процессе обучения интеграции информационных технологий в составляющую арт-объектов, студентами приобретаются новые знания и навыки, открывающие новые возможности для решения будущих задач, начиная от улучшения функционального и социального обустройства городов, до создания новых художественных форм, обладающих интерактивными свойствами и визуальными цифровыми цветовыми и световыми эффектами, а также инновационными кинетическими конструкциями в организации уникальной архитектурной среды.

Список литературы

1. Рябкова Т.В. Художественный образ города в изобразительном искусстве // Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30, № 2. С. 205–210.

2. Арт-объекты и искусство в городском благоустройстве. URL: https://blokstudio.ru/blog/art-obekty-v-gorodskoj-srede (дата обращения: 26.07.2025).

3. Устинченко, Е.В. Роль дизайна в формировании инновационной среды города. URL: https://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz26_pril/48/template_article-ar=k21-40-k40.htm (дата обращения: 26.07.2025).

4. Медведев М.А. Взаимодействие интерактивных арт-практик с городской средой // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2010. № 2. С. 81-84.

5. iLove интерактивный арт-объект, посвященный семье и любви. URL: https://www.vedomosti.ru/kp/news/2024/11/22/1076739-gk-kortros-ustanovil-v-zhk-ilove-art-obekt-posvyaschennii-seme-lyubvi (дата обращения: 26.07.2025).

6. Шутка А.В., Гурьева Е.И. Современные тенденции формирования арт-объектов в городской среде (на примере жилого комплекса «Виадук» в г. Воронеже) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2022. Т. 24, № 4. С. 9–19.

© С.А. Прохоров, Н.С. Прохоров,
М.М. Соколик, 2025

DOI 10.46916/21082025-2-978-5-00215-840-9

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТОНАЦИОННО-СЛУХОВЫХ НАВЫКОВ У СТУДЕНТОВ-ДИРИЖЁРОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Дорошенко Тамара Михайловна
преподаватель-эксперт
НАО «Павлодарский педагогический университет
имени Әлкей Марғұлан»

Аннотация: В настоящей статье освещаются вопросы воспитания и развития музыкального слуха, как одной из основных проблем музыкального образования. Выявляются особые характерные качества, так называемого хорового слуха, раскрываются различные технические приемы для организации хоровой звучности, рассматриваются вопросы выработки определенных слуховых навыков, необходимых дирижеру в будущей практической деятельности.

Воспитанию высокой слуховой активности, совершенствованию и выравниванию профессиональных качеств музыкального слуха способствует применение методики «Хорового сольфеджио». Данная методика предполагает пение полным составом хора с соблюдением основ хорового исполнительства: вокальной установки, строя, динамики, ансамбля, дикции. Она включает в себя комплекс интонационных и ритмических упражнений, слуховой анализ, сольфеджирование и музыкальный диктант.

Основная цель автора – систематизация и концентрированное представление различных форм интонационно-слуховой работы в рамках курса хорового сольфеджио. Анализируемая методика ориентирована на развитие таких аспектов внутреннего гармонического слуха как: пение аккордов вслух или про себя по вертикали, мысленное представление звучания четырехголосного хора, исполнение гармонических отрывков наизусть. Основной ее задачей является совершенствование навыков активного певческого слуха и музыкальной памяти, чистого интонирования, как в сольном исполнении, так и в многоголосии.

В статье приводятся различные примеры вокально-интонационных упражнений, способствующих практическому усвоению норм голосоведения, активизации и развитию гармонического слуха. Также освещаются вопросы

развития полифонического слуха - способности слуха расчленять звуковую ткань на голоса, а также слышать их совместное звучание.

Автор рассматривает данную методику как связующее звено между теоретической базой сольфеджио и практическими требованиями хорового класса при подготовке хоровых дирижеров.

Ключевые слова: музыкальный слух, хоровая звучность, хоровое сольфеджио, хоровой дирижер, хоровое исполнительство.

FORMATION OF INTONATION-AUDIT SKILLS IN STUDENT CONDUCTORS: METHODOLOGICAL ASPECT

Doroshenko Tamara Mikhailovna

Abstract: This article highlights the issues of education and development of musical ear, as one of the main problems of music education. The special characteristic qualities of the so-called choral hearing are revealed, various techniques for organizing choral sonority are revealed, the issues of developing certain auditory skills necessary for the conductor in future practical activities are considered.

The use of the Choral Solfeggio technique contributes to the upbringing of high auditory activity, the improvement and alignment of the professional qualities of musical ear. This technique involves singing with the full composition of the choir, observing the basics of choral performance: vocal installation, tuning, dynamics, ensemble, diction. It includes a complex of intonational and rhythmic exercises, auditory analysis, solfegging and musical dictation. It should be noted that there are different approaches to the choice of musical material for auditory analysis, musical dictation and solfegging. I.E. Tikhonova believes that one should rely on live impressions, choral music of domestic composers.

The analyzed technique is focused on the development of such aspects of internal harmonic hearing as: singing chords aloud or to oneself vertically, mental representation of the sound of a four-part choir, performing harmonic passages by heart. Its main task is to improve the skills of active singing ear and musical memory, pure intonation, both in solo performance and in polyphony.

The article provides various examples of vocal-intonation exercises that contribute to the practical assimilation of the norms of voice leading, the activation and development of harmonic hearing. It also highlights the development of

polyphonic hearing - the ability of hearing to divide the sound fabric into voices, as well as to hear their joint sound.

The author considers this technique as a link between the theoretical basis of solfeggio and the practical requirements of the choir class in the preparation of choir conductors.

Key words: musical ear, choral sonority, choral solfeggio, choral conductor, choral performance.

Введение

Одним из основных вопросов методики обучения дирижера является взаимосвязь жеста и музыки, управление реальной звучностью. Ни для кого не секрет, что зачастую слух и мануальная техника находятся на разных уровнях развития, и недостатки слухового воспитания неопытный музыкант старается прикрыть излишней «инициативностью» дирижирования, что несомненно плохо отражается на исполнении. Органичная связь слуха и жеста — то основное качество, которое должно воспитываться на всех уровнях подготовки специалиста. Первостепенное и главное здесь — слух дирижера.

Воспитание слуха всегда было и остается одной из основных проблем музыкального образования. Вопросами воспитания и природы слуха занимались исполнители и педагоги, теоретики и практики. И это правомерно, потому что вне слуха нет музыки, нет художественного исполнения, нет музыканта как личности. Развитый музыкальный слух способствует более успешной профессиональной деятельности. Большое место вопросам музыкального слуха отводится в книге Б.М. Теплова «Психология музыкальных способностей» [1, С. 93]. Он считал, что «музыкальным слухом» в широком значении является звуковысотный, тембровый, динамический, ритмический, а в узком значении это только звуковысотный слух. Д.К. Кирнарская в своем пособии «Психология музыкальной деятельности. Теория и практика» также отмечает, что звуковысотное движение – это основной носитель «смысла в музыке» [2, С.168]. Б. Диков утверждает, что слуховые представления музыканта являются центральным звеном исполнительского процесса [3, С.58].

Но специфика отдельных музыкальных «специальностей» несомненно, влияет на развитие особого, будем называть так – профессионального качества слуха. Необходимо выяснить, что именно входит в понятие «особое качества слуха» хорового - приведем несколько примеров. Случается, что дирижер хора слышит абсолютную высоту звука, исполненного на любом

музыкальном инструменте, но не может определить высоту звука во время пения певца или хора без сопровождения. Бывает, что дирижер просит хор петь выше, в то время как певцы поют высоко, или, напротив, просит хор петь ниже, в то время как певцы понизили исполняемое произведение почти на четверть тона (речь идет о музыке a cappella). А иногда, желая «наладить» строй, дирижер несколько раз повторяет отдельные звуки (или аккорды) на фортепиано. Печальные примеры можно продолжить.

Во всех этих случаях у дирижера совершенно недостаточно развит специфический хоровой слух, так называемое чувство хора, которое определяется «умением слышать тембр хора (общий, отдельных партий, групп, различных сочетаний), ритм хора (ритмическая структура отдельных партий, «ритмокомплекс» звучащего), строй хора (единство вертикали и горизонтали отдельных партий, групп, хора)» [4, С. 131-132].

Задача воспитателей хоровых дирижеров - способствовать выработке определенных слуховых навыков, развивая природные данные ученика, с тем, чтобы подготовить молодого дирижера к будущей практической деятельности.

Способствовать решению этой задачи может эффективный и оригинальный метод «Хорового сольфеджио». Метод, представляющий из себя комплекс музыкальных приемов и упражнений, прежде всего, связан с именем Г.А. Струве – композитором, дирижером, педагогом, создателем системы массового музыкального воспитания. В своей методике Струве использовал лучшие принципы из педагогики в области обучения и воспитания детей З. Кодая, К. Орфа, П. Ванхаубе, Д. Кабалевского. В настоящее время данная методика пользуется успехом в работе с детскими хоровыми коллективами ДМШ и общеобразовательных школ.

Большая роль в деле становления предмета «Хоровое сольфеджио» как дисциплины в системе среднего и высшего образования принадлежит профессору Санкт-Петербургской консерватории И.Е. Тихоновой. По ее определению это «специальный предмет для образования и воспитания профессиональных качеств слуха дирижера-хоровика средствами хоровой звучности, соединивший в себе черты, присущие и сольфеджио, и специальности» [5].

Материалы и методы

Сущность методики «Хоровое сольфеджио» можно сформулировать как «сольфеджио хором». Иными словами, «главным содержанием хорового сольфеджио являются различные варианты интонационно-слуховых

упражнений, выполняемых хоровым коллективом или его отдельными группами. В данном контексте хоровое сольфеджио можно рассматривать как связующее звено между теоретической базой сольфеджио и практическими требованиями хорового класса» [6, С. 3]. Предлагаются следующие упражнения.

Интонируемые упражнения

Интонируемые упражнения исполняются хором tutti, однородными хорами, малыми ансамблями, соло. При пении обязательна правильная и однотипная вокальная установка. Это приучает студентов к ясному слышанию тембра хора, отдельных групп, партий, певцов.

На уроках хорового сольфеджио используются различные виды упражнений. Всевозможные ритмоигры способствуют воспитанию ритмического чувства, пение цепочек интервалов повышает активность мелодического интонирования, разнообразные аккордовые упражнения развивают отдельные качества гармонического слуха. Вместе с тем, вводя ритмические задания в интервальные и аккордовые упражнения, можно, таким образом, не только усложнять и разнообразить их, но и одновременно работать над воспитанием нескольких компонентов слуха: мелодического и ритмического или ритмического и гармонического. Или, например, если при пении интервалов используется не унисонный, а аккордовый вариант, то в этом случае развиваются активность мелодического интонирования и гармонический слух. Но вначале очень важно сосредоточить внимание на одной задаче, на одном элементе, так как направленность внимания помогает в усвоении материала. Задания должны быть доступными, формулироваться ясно и немногословно. Рояль используется только в случае необходимости.

Есть определенная систематика упражнений по нарастающей трудности: от отдельно взятого интервала, аккорда к повторению его в параллельном движении, к соединению с другими созвучиями, с употреблением вначале простых, затем более сложных ритмических фигураций, полиритмии от средней звучности к форте и пиано. По замечанию музыковеда Б.К. Алексеева, для дирижеров-хоровиков занятия по хоровому сольфеджио должны строиться, прежде всего, на хоровой основе, так как «дирижеры-хоровики являются не только и не просто хоровиками, но еще и (прежде всего!) дирижерами» [7, С. 119].

Во время пения упражнений педагог дирижирует, параллельно с этим решая другую важную задачу – контроль над качеством интонации.

Обратимся к упражнениям. Вот некоторые из них.

1. Мелодическая попевка в различных метро-ритмических вариантах

*Звуковой мате*риал: мелодическая попевка из 4-5 звуков.

Хору предлагаются различные метро-ритмические варианты. При необходимости мелодическая попевка повторяется.

Упражнение исполняется unison, в аккордовом или интервальном варианте.

2. Ритмический диктант

Варианты:

а) педагог исполняет на фортепиано мелодию (8-12 тактов); студенты отхлопывают ритм в ладоши или проговаривают его (нота без точки - та, нота с точкой - ти; пауза - сю (возможны любые другие слоги).

Музыкальный материал: темы из хоровой и инструментальной музыки;

б) педагог выстукивает ритмический рисунок, по которому студенты узнают, определяют, сольфеджируют знакомую мелодию.

Музыкальный материал: популярные мелодии, массовые песни, образцы народной музыки.

3. Полиритмические упражнения

Звуковой материал: тема любого музыкального произведения.

Условия: хор делится на 2 группы, одна поет тему, у другой - ритмическое остинато.

Варианты: ритмическое остинато может быть в виде определенных звуков, данных педагогом или ритмический рисунок отхлопывается в ладоши.

4. Различные сочетания интервалов - цепочки интервалов в последовательном движении

Главным в упражнении является точное интонирование интервала, выравнивание интервального «хода».

Условия: от данного звука поется несколько интервалов подряд. Вершина предыдущего является основанием последующего и при пении не повторяется. Каждый звук - половина, темп умеренный.

Варианты: цепочка интервалов может быть направлена в одном направлении (вверх или вниз) или может сочетать оба направления (вверх и вниз, вниз и вверх).

Упражнение исполняется unison.

5. Секвенции из секундовых последовательностей

Условия: от данного звука подряд поется несколько (4-5) звеньев хроматической секвенции в заданном направлении. Точная нотация секунд

обязательна. Мотив секвенции состоит из 4 интервалов. Темп упражнения умеренный.

Варианты: секвенции могут быть в восходящем или нисходящем движении. Возможно введение ритмических рисунков. Упражнение - исполняется чаще unison, интересны и многоголосные варианты.

6. Пение различных ладовых образований

Условия: необходима ясная и своевременная смена ладовых ориентиров, точное определение опорных интонационных тонов.

Варианты:

а) пение в пределах октавы последовательно в одном направлении двух разных тетраккордов (например: нижний тетраккорд лидийского лада до и нижний тетраккорд соль-минора дважды - гармонического).

б) пение в пределах октавы последовательно вверх и вниз - разные тональности;

в) в пределах октавы поются звукоряды с различным количеством знаков (лады и тональности при этом не называются).

Упражнение исполняется unison, темп быстрый, длительности - все четвертные. Во всех вариантах возможно использование многоголосия (движения параллельными интервалами, аккордами).

7. Различного вида «творческие» задания (гармонизация мелодий, импровизации на заданную тему, импровизации хором, ансамблями в заданной фактуре, жанре, стиле).

Устный диктант.

Устный диктат одна из форм работы на хоровом сольфеджио, подразумевающая сольфеджирование по памяти прозвучавшей музыкальной темы (понятие «тема устного диктанта» — условное, так как в качестве темы могут быть использованы не только завершенные по форме построения, но и фраза, и отдельный ход - мотив), которая в дальнейшем становится музыкальным материалом для целой серии специальных интонируемых упражнений.

Некоторые вопросы методики проведения устного диктанта

Работа над темой подразумевает пять стадий: услышать осмыслить, проинтонировать внутренним слухом, спеть, услышать в процессе собственного исполнения. Для многоголосия характерны те же стадии, но главным является осознание, осмысление многоголосной фактуры (комплекса), затем функционально - гармонического плана и мелодической линии голосоведения.

Перед началом диктанта слушается камертон «ля», тема дается в фортепианном исполнении. После первого проигрывания определяются особенности фактуры звучащего примера: лад, тональность, метро-ритмическая структура. Внимание обращается на тематическое зерно, тип дальнейшего развития, специфику каденций. Целесообразно отметить наиболее характерные стилевые авторские черты; разумеется, в том случае, если пример несет их в себе. В случае необходимости разбираются отдельные интонации (трудный или неудобный «ход» пропевается от разных звуков) и метро-ритмические трудности. Диктант повторяется. После этого студенты интонируют тему внутренним слухом, затем сольфеджируют. Темы устных диктантов разделяются на группы: одноголосие (однотональное, однотональное с хроматизмами и метро-ритмическими трудностями) и многоголосие (однотональное, однотональное с хроматизмами и метро-ритмическими трудностями и модулирующее).

Варианты заданий:

1. Тема транспонируется от данного звука или в заданной тональности;

2. Каждый такт диктанта поется в новой тональности;

3. Тема сольфеджируется четырехголосным аккордом. При пении внимание концентрируется прежде всего на фонизме данного аккорда;

4. Тема проводится каноном, монометрнчно, с единой сильной долей в начале каждого такта, вне зависимости от смысловой акцентуации музыкального текста. Временное расстояние и порядок вступления голосов называет преподаватель. Как вариант возможно исполнение канона со смещением метрических акцентов - полиметрия. Канон может быть исполнен многоголосно (интервал, аккорд).

Чтение с листа

Чтение с листа - не только превосходное упражнение, но и своеобразная и довольно точная оценка всех комплексных занятий по воспитанию слуха, музыкального мышления, других профессиональных качеств будущих хоровых дирижеров. Г. Фрадкин в своем пособии «Чтение с листа на уроках сольфеджио» также утверждает, что «пение с листа - важнейший практический навык; он заключается в сольфеджировании без предварительного разучивания» [8].

Методика проведения этой формы занятий достаточно известна. Хочется подчеркнуть лишь некоторые специфические детали. Главное понять, что пение с листа (как и все на хоровом сольфеджио) — массовая форма

работы. Именно здесь вырабатываются навыки не только верного чтения нот с листа, но ансамблевого пения в партии, группе, хоре, оттачиваются специфические качества слуха. Разумеется, чтение с листа - творческий процесс: воссоздание музыкального произведения, раскрытие его художественного содержания. В идеале это не просто пение отдельных нот с листа, но пение с ощущением их связи между собой, с ощущением становления, выстраивания формы в процессе собственно хорового исполнительства.

Во время пения интонируемых упражнений, работы над устным диктантом возможно применение пульсации в отдельных случаях по указанию педагога.

Использование вариантов дирижирование – пульсация поможет укрепить ритмические ощущения студентов, и ценно здесь то, что, вырабатывая необходимые навыки, мы идем по пути сближения сольфеджио и специальности, воспитываем слух, специфическими, специальными средствами.

Заключение

Много еще вопросов в методике слухового воспитания. Не следует думать, что хоровое сольфеджио явится той «панацеей» которая вылечит любые профессиональные болезни нашего слуха. Прежде всего, хоровое сольфеджио – это только один из имеющихся способов специального слухового воспитания, который в сочетании с хоровыми дисциплинами дает вполне ощутимые результаты и приносит несомненную пользу в воспитании будущих хоровых дирижеров. Поэтому данная методика предполагает комплексное использование вокально-интонационных и ритмических упражнений, сольфеджирования, музыкального диктанта и слухового анализа, что способствует развитию внутреннего гармонического слуха, активизации музыкальной памяти и повышению точности интонационного исполнения. Важным аспектом методики является систематизация различных форм интонационно-слуховой работы, направленных на развитие способности воспринимать как отдельные голосовые линии, так и их совокупное многоголосное звучание.

Список литературы

1. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей [Текст]. – М. – 2015. – С. 93.

2. Кирнарская Д.К. Психология музыкальных способностей. Теория и практика [Текст] / – М. – 2003 г. – С. 168

3. Диков Б. Методика обучения игре на духовых инструментах [Текст]. – М. – 2011. – С . 58

4. Тихонова И.Е. О воспитании музыкального слуха хоровых дирижеров // Актуальные проблемы музыкальной педагогики: Гос. муз.-пед. институт им. Гнесиных. [Текст]. – № 62. – М. – 2014. – С. 131-132.

5. Тихонова И.Е. Хоровое сольфеджио: к проблеме воспитания музыкального слуха хоровых дирижеров / Автореф. дис. канд. иск.: 17.00.02; Ленинград. гос. конс. им. Н.А. Римского-Корсакова.-Л., 1978 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/khorovoe- solfedzhio-k-probleme-vospitaniya-muzykalnogo-slukha-khorovykh-dirizherov

6. Пороховниченко М.Е. Хоровое сольфеджио: интонационно-слуховые упражнения, методические комментарии [Текст]. – Минск. – 2016. – С. 3.

7. Алексеев Б.К. О преподавании сольфеджио на дирижерско-хоровых факультетах и отделениях. Воспитание музыкального слуха: Сб. ст.: метод. пособие для музыкальных учебных заведений [Текст]. – М. – 1977. – С. 119.

8. Фрадкин Г. Чтение с листа на уроках сольфеджио [Электронный ресурс]. – 2017. URL: https://notkinastya.ru/fridkin-g-chtenie-s-lista-na-urokah-solfedzhio/

9. Рагс Ю. Проблемы воспитания музыкального слуха (о соотношении учебного предмета сольфеджио с художественной практикой) // Вопросы воспитания музыкального слуха [Текст]. – Л. 2015. – С. 7-19.

10. Современные тенденции в совершенствовании преподавания сольфеджио в общем и профессиональном музыкальном образовании // Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование» [Электронный ресурс]. – 2017. – №1. – С.91-100. URL: http://elanbook.com/ joumal/issue/

© Т.М. Дорошенко

КУЛЬТУРНЫЙ СИМБИОЗ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И В КИТАЕ

Кан Тун
Белорусский государственный педагогический университет

Аннотация: В статье анализируются ключевые аспекты современного образования: обеспечение образовательного равенства, цифровизация учебного процесса, межкультурное сотрудничество и реконструкция эстетического образования. Эстетическое образование рассматривается как эффективный инструмент преодоления этих вызовов, поскольку оно способствует развитию эмоционального интеллекта, креативного мышления и межкультурной эмпатии у учащихся. В статье раскрываются примеры российско-китайского партнёрства в области художественного образования, включая совместные курсы, цифровые арт-платформы и исследовательские инициативы. Обосновывается необходимость интеграции эстетики в цифровое образование как средства формирования глобального гражданского сознания, культурного баланса и инновационного потенциала будущего поколения.

Ключевые слова: современное образование, цифровизация, эстетическое образование, образовательное равенство, культурная интеграция, международное сотрудничество, глобализация, межкультурный диалог, инновации в образовании.

CULTURAL SYMBIOSIS AND THE RECONSTRUCTION OF AESTHETIC EDUCATION IN RUSSIA AND CHINA

Kang Tong

Abstract: The article analyzes key aspects of modern education: ensuring educational equality, digitalization of the educational process, intercultural cooperation and reconstruction of aesthetic education. Aesthetic education is considered as an effective tool for overcoming these challenges, as it contributes to the development of emotional intelligence, creative thinking and intercultural empathy in students. The article reveals examples of Russian-Chinese partnership in the field of art education, including joint courses, digital art platforms and research initiatives. The need to integrate aesthetics into digital education as a means of

forming global civic consciousness, cultural balance and innovative potential of the future generation is substantiated.

Key words: modern education, digitalization, aesthetic education, educational equity, cultural integration, international cooperation, globalization, intercultural dialogue, educational innovation.

In the 21st century, global education systems have entered a phase of intensive digitalization and structural reform. As a major educational power in Eurasia, Russia has gradually shifted from a state-centered, collectivist system to a more pluralistic and globally engaged model. This transformation is driven not only by technological innovation but also by deeper challenges related to cultural identity and social equity. Especially after the COVID-19 pandemic, digital platforms have emerged as key engines of reform in Russian education [1, p. 19].

The Russian government has launched national initiatives such as “Digital Economy,” “Russian Electronic School,” and “My School,” establishing a unified digital infrastructure for teaching and learning. These efforts have improved accessibility, promoted personalized learning, and facilitated lifelong education. However, regional disparities remain significant. According to the Ministry of Education’s 2023 report, approximately 28% of rural schools still lack stable internet access, limiting the quality of digital learning [2, p.88].

Educational equity is not only a matter of technology or hardware; it is rooted in broader socio-economic structures. Students from disadvantaged communities often lack a quiet study environment, access to digital tools, or cultural capital. In such cases, technological expansion may inadvertently exacerbate existing inequalities rather than resolve them. Thus, education reform in Russia — like in many countries — must strive to reconcile innovation with social justice and cultural inclusion.

Within this context, aesthetic education offers a vital point of entry for balancing technology, humanity, and fairness. By integrating cultural awareness, creativity, and emotional understanding, aesthetic education can anchor technological modernization in deeper human values. This paper proposes that aesthetic education should not be seen as peripheral, but rather as central to reshaping the identity, empathy, and global vision of future learners.

Aesthetic education has traditionally played a role in transmitting national culture in Russia, but globalization is shifting it toward a more open, international model. The integration of Eastern and Western aesthetic philosophies is becoming a key driver of this transformation. Western aesthetic education, shaped by thinkers

like Kant and Schiller, emphasizes logic, reason, and formal beauty; in contrast, Confucian and Daoist traditions in the East value introspection, harmony with nature, and the fusion of art and life. Their convergence is enabling aesthetic education to evolve from teaching artistic techniques into a platform for cross-cultural understanding [6, p. 47].

In practical terms, many Russian schools and universities are now incorporating Chinese calligraphy, mask painting, and traditional craft-making into their curricula. These interdisciplinary experiences not only expand students' artistic horizons but also strengthen their cultural identity and empathy. Joint initiatives between Chinese and Russian universities — such as bilingual art courses, collaborative research, and virtual exhibitions — have proven effective in promoting cultural literacy and global citizenship [4, p. 40].

Digital technology has also revitalized aesthetic education. Virtual museums, AI-assisted design tools, and immersive VR art platforms allow students from even remote areas to engage with global artistic practices. Such technologies enhance inclusion, particularly for neurodiverse learners and those with language difficulties. Studies have shown that visual and interactive learning environments can help these students better understand content and express themselves [5, p. 63].

Sino-Russian collaboration holds particular promise in the domain of digital aesthetic education. Both countries possess strong artistic traditions and robust public education systems, and both are actively pursuing educational digitalization. Viable areas of cooperation include joint curriculum design, cross-cultural research on digital aesthetic outcomes, and virtual student residencies. Through culturally responsive programs and collaborative creation, the two nations can contribute to building a "global public space for aesthetic education" rooted in creativity, empathy, and intercultural understanding [7, p. 28].

To realize these goals, this paper proposes the following strategies:

- elevate aesthetic education as a strategic priority within national curricula, reinforcing its interdisciplinary and intercultural significance;
- invest in digital infrastructure and teacher training to reduce regional disparities;
- promote curriculum development that reflects diverse cultural identities and global perspectives;
- deepen international cooperation, especially between China and Russia, to foster shared learning communities centered on creativity and empathy.

A crucial measure for the integration of Chinese and Russian aesthetics lies in reforming art education systems. Traditional Chinese art education has long

prioritized technical inheritance, particularly in ink painting, calligraphy, and the appreciation of classical forms. Meanwhile, Western, Russian art pedagogy, has emphasized conceptual exploration and material experimentation. To achieve deep aesthetic integration, curriculums must incorporate both traditions: teaching Chinese students about Western perspective, abstraction, and conceptualism, while introducing Russian students to Chinese notions of emptiness, flow, and brush rhythm.

The following measures for the integration of Chinese and Russian aesthetics will promote cultural dialogue. Establishing intercultural discourse platforms involves constructing platforms for intercultural aesthetic dialogue. These can take the form of academic conferences, biennials, residency programs, and publishing outlets specifically dedicated to the study and practice of aesthetic integration. The establishment of dedicated journals would enable sustained scholarly engagement, encouraging theorists, artists, and curators to publish comparative studies, case analyses, and critical reviews. Online platforms and AI-based curatorial tools can also support virtual intercultural dialogue, allowing artists across geographies to collaborate on digital artworks, performances, and immersive installations. Furthermore, government-supported cultural diplomacy programs can play an essential role in this process. By supporting joint exhibitions, research grants, and artist residencies, states can foster a favorable policy environment for long-term intercultural aesthetic collaboration.

Institutional frameworks must also evolve to support long-term integration. This involves developing national and international art foundations that explicitly prioritize cross-cultural projects, funding research centers dedicated to comparative aesthetics, and incentivizing museums to curate integrative exhibitions.

In conclusion, Russia’s education reform reveals that sustainable transformation cannot rely on technology alone. It must be grounded in cultural understanding, social inclusion, and humanistic values. Aesthetic education serves as a crucial bridge between innovation and identity, offering valuable insight for building a more inclusive and culturally resonant global education system.

References

1. Wang Xiaoming. Challenges of Equity in Digital Education and Policy Responses [J]. Educational Research, 2022(5): 17–23.

2. UNESCO. Global Education Monitoring Report 2023: Technology in education – A tool on whose terms [R]. Paris: UNESCO, 2023.

3. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Statistics on International Students in Russia 2024 [EB/OL]. https://minobrnauki.gov.ru, 2024.

4. Liu Zhiyong. Cross-cultural Educational Cooperation and the “Belt and Road” Strategy [J]. Comparative Education Review, 2021(9): 38–45.

5. Chen Jin. Transformation Paths of Arts Education in the Digital Environment [J]. Modern Distance Education, 2023(1): 60–66.

6. Chen Xuening. Innovation in Arts Education from the Perspective of Comparative Aesthetics between East and West [J]. Arts Education Research, 2023(2): 45–50.

7. Zhang Xin. Building Global Public Cultural Spaces and Fostering Digital Literacy [J]. Education and Culture, 2022(11): 27–34.

© Kang Tong

СЕКЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.453
DOI 10.46916/21082025-4-978-5-00215-840-9

ШОПИНГ КАК ФОРМА ДОСУГА, ИЛИ КАК МОЛОДЕЖЬ ИСПОЛЬЗУЕТ ПОКУПКИ ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ

Луцькая Екатерина Евгеньевна
к.филос.н., доцент
Московский педагогический государственный университет
Горлова Виктория Николаевна
магистрант
Московский педагогический государственный университет

Аннотация: В статье исследуется шопинг как форма досуга, акцентируется внимание на том, как молодежь использует покупки для развлечения и социализации. С развитием потребительской культуры шопинг перестал быть лишь функциональной необходимостью и стал важным элементом социальной жизни, позволяя молодежи не только удовлетворять базовые потребности, но и взаимодействовать с окружающими и в ходе развлекательного процесса снижать уровень стресса. В статье рассматриваются современные тенденции в потребительских практиках, а также психологические аспекты шопинга, который становится неотъемлемой частью досуга и культурной жизни молодежи.

Ключевые слова: шопинг, досуг молодежи, социализация, развлечение, психологические аспекты шопинга, потребительская культура молодежи.

SHOPPING AS A FORM OF LEISURE OR HOW YOUNG PEOPLE USE SHOPPING FOR ENTERTAINMENT AND SOCIALIZATION

Lutskaya Ekaterina Evgenievna
Gorlova Viktoria Nikolaevna

Abstract: The article examines shopping as a form of leisure, focuses on how young people use shopping for entertainment and socialization. With the development of consumer culture, shopping has ceased to be just a functional necessity and has become an important element of social life, allowing young

people not only to meet basic needs, but also to interact with others and reduce stress levels during the entertainment process. The article examines current trends in consumer practices, as well as the psychological aspects of shopping, which is becoming an integral part of the leisure and cultural life of young people.

Key words: shopping, youth leisure, socialization, entertainment, psychological aspects of shopping, youth consumer culture.

Шопинг как одна из популярных форм досуга, претерпел значительные изменения с развитием потребительской культуры и социальных практик. Современные тенденции развития потребительских практик демонстрируют, что для молодежи шопинг давно не просто функциональная необходимость: в последние десятилетия шопинг в жизни молодежи превратился в нечто большее, чем просто покупка товаров [2]. Сегодня покупки – это не только способ удовлетворения базовых потребностей, но и важная часть досуга, социального взаимодействия и самовыражения. Для молодежной аудитории шопинг стал не только способом приобретения необходимых товаров, но и важным элементом социальной жизни и развлечений [4]. В этом контексте шопинг становится культурным феноменом, важным элементом социальной жизни, который объединяет людей и позволяет им находить единомышленников, а также оказывает психологическое воздействие, снижая уровень стресса за счет развлекательного процесса.

Процесс шопинга неразрывно связан с походами по местам для покупок, которыми в последние десятилетия стали торговые центры и магазины, являющиеся важными элементами городской культуры. В крупных городах молодежь часто посещает такие заведения не только и не столько для того, чтобы сделать покупки, но и для того, чтобы провести время в приятной атмосфере. В таких местах открываются кинотеатры, кафе, игровые зоны, что превращает торговые центры в пространства, где можно не только совершать покупки, но и развлекаться [5]. Это способствует тому, что шопинг становится частью более широкого досугового процесса, где развлечения и покупки взаимосвязаны.

Для молодежной аудитории шопинг превратился в вид развлечения. Брендовые магазины, специализированные торговые центры и разнообразие товаров создают ощущения увлекательного путешествия, где покупка становится не главной целью, но лишь частью развлекательной программы. Важно отметить, что у молодых людей покупки часто сопровождаются элементами игры: поиск скидок, участие в акциях, обмен вещами и даже

создание «покупательских челленджей» становятся частью ежедневной практики. Это в значительной степени влияет на восприятие шопинга, который интереснее, чем обычный процесс приобретения товаров.

Покупки в современном обществе не ограничиваются традиционными магазинами и торговыми центрами. Не удивительно, что молодежь активно взаимодействует и с традиционными торговыми центрами, и с недавно появившимися интернет-магазинами, маркетинговыми платформами и маркетплейсами. В сети активно развиваются новые формы шопинга, например, участие в онлайн-распродажах или виртуальные примерочные. Такие новые формы шопинга также являются и частью развлекательной культуры, где важно не только что ты покупаешь, но и как ты участвуешь в процессе [3].

Современные исследования, посвященные шопингу, подчеркивают его возросшую социальную функцию [1, 6]. Молодежь часто использует покупки не только для удовлетворения материальных потребностей, но и как способ взаимодействия с окружающими, часть досуговой активности, позволяющей поддерживать социальные связи. Совместные походы в магазины, участие в распродажах, обмен опытом покупок становятся важным элементом социализации. Молодежные компании часто проводят время в торговых центрах не столько с целью что-то купить, сколько для того, чтобы провести время вместе, обсудить последние модные тенденции или познакомиться с новыми людьми. Современные торговые центры не только предлагают разнообразие товаров, но и создают атмосферу, способствующую общению [3]. В торговых центрах молодежь часто встречается с друзьями, пробуя и обсуждая новинки в мире моды и технологий. Это не просто покупка товара, а новая культура досуга, в которой покупка становится лишь одной из частей процесса общения. Совершая покупки в компании друзей, молодежь имеет возможность не только приобрести товары, но и провести время в приятной компании, обсудить новости и актуальные тренды [7].

Покупки становятся частью более широкого социального контекста, где важную роль играют общение и коллективные практики. В торговых центрах или на уличных рынках молодые люди могут взаимодействовать с друзьями, обмениваться мнениями и обсуждать модные новинки. Это становится важной частью социальной жизни, так как покупки и торговые зоны играют роль «глобальных социальных пространств». В таких местах встречаются разные культурные и социальные группы, а также происходят разнообразные акты коммуникации, что позволяет молодым людям чувствовать себя частью

более широкой социальной сети. В этом контексте покупка товаров превращается в способ социальной интеграции [8], а торговые центры становятся еще и местом для развлечений. Дополняющие точки продаж кинотеатры, кафе, игровые зоны способствуют формированию особой социальной среды, где шопинг становится неотъемлемой частью социальной жизни молодежи [9].

Важной особенностью шопинга как формы досуга является его способность служить источником эмоционального удовлетворения. Процесс покупки часто сопровождается чувством радости от обладания новыми вещами, что влияет на психоэмоциональное состояние молодых людей. Для многих шопинг становится своеобразной «психологической терапией», позволяя избавиться от стресса, поднять настроение или почувствовать контроль над собственной жизнью [11]. Вобравший в себя элементы игры шопинг стал увлекательным и занимательным, что делает его активной формой досуга, в которой не просто участвуют индивиды с их предпочтениями, но и в результате взаимодействий складываются социальные отношения [6]. В условиях стресса и нестабильности походы в магазины могут служить не только способом расслабления, но и способом эмоциональной компенсации. Покупки могут стать источником удовлетворения потребности в новизне, контроле над ситуацией, а также в ощущении принадлежности к группе [11]. Сам процесс шопинга молодые люди часто используют как отвлечение от насущных проблем. Можно сказать, что шопинг оказывает на молодых людей эффект, схожий с эффектом от потребления «развлекательного контента», что создает у молодых людей ощущение отдыха и расслабления, в результате которого выравнивается их эмоциональное состояние.

Для более глубокого исследования изучаемых аспектов, была выдвинута гипотеза, что процесс шопинга является формой современного досуга, в процессе которого молодые люди ищут альтернативные способы развлечения, поддерживают социальное взаимодействие и регулируют свое психологическое состояние. Для проверки данной гипотезы авторами был разработан опрос, направленный на выявление отношения молодых людей к шопингу и его влиянию. В исследовании приняло участие 40 респондентов от 18 до 27 лет. По итогам опроса была выявлена общая картина, которая в большинстве своем соответствует описанным выше рассуждениям. Так согласно полученным данным, половина опрошенных молодых людей хотя бы несколько раз в месяц посещают магазины и выбирают шопинг в качестве

досуга. Остальная часть принявших участие в исследовании молодых людей поделилась поровну, отметив, что ходят по магазинам редко, раз в несколько месяцев или, наоборот, посещают магазины раз в неделю, что, вероятнее всего, зависит от финансовой составляющей и занятости респондентов. Результаты опроса показывают, что шопинг для большинства респондентов является именно одной из форм досуга.

Большинство молодых людей предпочитают ходить на шопинг либо в одиночку, либо с друзьями. Лишь немногие выбирали в качестве спутников для совершения покупок членов семьи или партнеров. Никто из опрошенных не ходит на шопинг с коллегами, что, вероятно, можно объяснить тем, что между коллегами не выстроены настолько доверительные отношения, допускающие совместные походы по магазинам. По всей видимости, процесс шопинга для молодых людей является чем-то более интимным, сближающим, чем они не готовы делиться с малознакомыми людьми. Большей части респондентов нравится процесс совершения покупок, в первую очередь одежды, обуви, косметики и парфюмерии. Основной причиной для совершения покупки является удовлетворение потребности, но лишь немного меньшее число респондентов покупают товары для получения удовольствия. Третье место в мотивации шопинга получило проведение времени с друзьями. Отметим, что ни один из респондентов не ответил, что его не интересует шопинг. Большинство респондентов не считают шопинг ни положительным, ни отрицательным способом социализации, но корреляция все же идет к тому, что значительная часть респондентов воспринимают шопинг положительно, что говорит о том, что для них этот способ социализации приемлем.

Две трети из опрошенных предпочитают смешанный вариант покупок (офлайн и онлайн). Данные опроса показывают, что офлайн-покупки в торговых центрах и магазинах по-прежнему актуальны для потребителей и также используются как площадки для развлекательного времяпрепровождения с друзьями. Однако социальные сети и онлайн-форматы также набирают обороты, поскольку половина опрошенных молодых людей отметили, что часто обсуждают покупки и шопинг с друзьями в социальных сетях. Интересно также отметить, что большая часть молодых людей, предпочитающих совершать покупки в одиночку часто используют социальные сети для обсуждения покупок и шопинга с друзьями. То есть, даже не осуществляя покупки совместно с друзьями, семьей или партнером, эта часть молодежи все равно задействует тему шопинга в качестве темы для онлайн-общения и поддержания коммуникации.

Оценивая влияние шопинга на настроение, можно уверено отметить, что он, в основном, положительно влияет на настроение людей и считает шопинг эффективным способом снятия стресса, что отметило большинство опрошенных. При этом, ни один из респондентов не считает, что шопинг оказывает отрицательное влияние на настроение. Таким образом, используя шопинг как досуг в качестве развлечения и способа социальной коммуникации молодежь убеждена, что этим улучшает свое психологическое состояние.

В то же время, результаты опроса говорят о том, что большинство опрошенных не считают шопинг полноценной заменой других форм досуга. Отсутствие значительного количества респондентов, считающих, что шопинг может полностью заменить другие формы досуга, говорит о том, что люди ценят разнообразие способов проведения свободного времени. Наличие группы респондентов, считающих шопинг частичной заменой или относящихся к нему нейтрально, может быть связано с тем, что шопинг может рассматриваться как способ проведения досуга, но не единственный.

Проведенное исследование показало, что современная молодежь положительно относится к шопингу как процессу развлечения, снятия стресса, а покупки офлайн и онлайн создают возможности для общения с ближайшим окружением. Таким образом, шопинг как форма досуга, представляет собой многогранный процесс. Шопинг для молодежи сегодня стал не просто процессом покупки, а важной социальной и культурной практикой, объединяющей элементы досуга, социализации и развлечения. Современные молодые люди активно используют покупки не только для удовлетворения базовых потребностей, но и как способ построения социальных связей, развлекательное мероприятие, снижающее уровень стресса. Торговые центры, бренды и магазины превращаются в социальные пространства, где молодежь не только делает покупки, но и формирует свой образ жизни, а сам процесс шопинга трансформируется в сложную и увлекательную форму досуга, в которой важна не только покупка, но и эмоции, переживания и связи, возникающие в процессе совершения покупок [10].

Влияние маркетинга, социальных сетей и трендов усиливает роль шопинга как культурного и социального явления, что делает его важной частью современной молодежной культуры [5]. В условиях быстро меняющегося общества шопинг стал важным инструментом для поддержания социальных связей и взаимодействия с внешним миром, служа не только

способом приобретения товаров, но и важным элементом социализации, общения и развлечения. Шопинг отражает тенденции современной массовой культуры, где потребление и досуг тесно переплетаются, становясь неотъемлемой частью жизни молодежи.

Важно понимать социокультурные и психологические аспекты шопинга, осознавать влияние, которое шопинг оказывает на молодежную психику и социальную жизнь. Необходимо более глубоко оценить его влияние на молодежь и на общество в целом и научиться правильно использовать возможности шопинга, избегая негативных последствий.

Список литературы

1. Лещинская С. Н. Социологический анализ потребительских практик студенческой молодежи // Человек. Общество. Инклюзия. – 2019. – № 4(40). – С. 47–55.

2. Мохова Д. А. Особенности потребительского поведения молодежи // StudNet. – 2022. – №6. – С. 7148–7154.

3. Воронин И. Н. Торгово-развлекательный центр как новый объект рекреации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. – 2013. – №4. – С. 129–137.

4. Доржиева И. Ц., Мисайлова В. В. Факторы потребительского поведения студенческой молодежи: социологический анализ // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 5. – С. 23–25.

5. Ерохина Л. Д., Федоров А. А. Влияние социальных онлайн медиа на потребительские предпочтения молодежи возрастной категории 22–25 лет // Социодинамика. – 2022. – №9. – С. 1–9.

6. Фоломеева Т. В. Социально-психологический подход к исследованию потребительского поведения // Вестник Московского университета. – Серия 14. Психология. – 2012. – №1. – С. 145–154.

7. Охолина И. Е. Шопинг как вид досуга и проявление культуры массового консюмеризма в постиндустриальную эпоху // Вестник ТГПУ. – 2014. – №4 (145). – С. 31–34.

8. Петренко Е. В. Роль досуговых практик в социализации молодежи. – М.: Молодая гвардия, 2020. – 180 с.

9. Яковлева М. В. Феномен «шопинга» в контексте современной культуры // Труды СПБГИК. – 2008. – №.177. – С. 143–149.

10. Усольцева М. С. Шопинг как форма досуга у подростков и студентов. Социологический анализ // Наука и современность. – 2012. – № 17. – С. 170–172.

11. Посыпанова О. С. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей. – Калуга, 2012. – 296 с.

© Е.Е. Луцькая, В.Н. Горлова, 2025

УДК 316.354

ПРОГРАММЫ ЛОЯЛЬНОСТИ В ТУРИСТИЧЕСКОМ БИЗНЕСЕ: СТРАТЕГИИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Луцькая Екатерина Евгеньевна
к.филос.н., доцент
Московский педагогический государственный университет
Крюкова Валерия Сергеевна
магистрант
Московский педагогический государственный университет

Аннотация: В статье рассматриваются программы лояльности как ключевой элемент маркетинговой стратегии организаций, занимающихся туристическим бизнесом. Анализируются их основные типы, принципы действия, влияние на поведение потребителей и конкурентоспособность организаций. Приведены примеры успешных кейсов российских и зарубежных компаний, относящихся к сфере туристического бизнеса. Особое внимание уделено социальным технологиям (персонализация, интеграция лояльности с другими каналами взаимодействия с клиентами) и роли цифровых технологий в обеспечении программ лояльности.

Ключевые слова: лояльность, туризм, удержание клиентов, маркетинговые стратегии, потребительское поведение.

LOYALTY PROGRAMS IN THE TOURISM BUSINESS: STRATEGIES AND EFFECTIVENESS

Lutskaya Ekaterina Evgenievna
Kryukova Valeria Sergeevna

Abstract: The article considers loyalty programs as a key element of the marketing strategy of organizations engaged in the tourism business. Their main types, principles of operation, impact on consumer behavior and competitiveness of organizations are analyzed. Examples of successful cases of Russian and foreign companies related to the field of tourism business are given. Special attention is paid to social technologies (personalization, integration of loyalty with other

channels of customer interaction) and the role of digital technologies in providing loyalty programs.

Key words: loyalty, tourism, customer retention, marketing strategies, consumer behavior.

Туристический рынок переживает трансформации, связанные не только с ростом конкуренции, но и со значительными изменениями потребительского поведения, которые вызвала цифровизация. Сегодня индивид, желающий совершить туристическую поездку, может с помощью цифровых инструментов «собрать» ее самостоятельно, не прибегая к услугам специализированных туристических агентств. Для индивидуального потребителя работают онлайн-платформы, где можно прочитать отзывы, сравнить цены и выбрать самый интересный и привлекательный в ценовом отношении вариант. В условиях, когда традиционные методы привлечения клиентов теряют эффективность, особую значимость приобретают программы лояльности, направленные на формирование долгосрочных отношений с клиентами. По мнению ряда зарубежных исследователей, именно такие программы позволяют не только стимулировать повторные покупки, но и укреплять эмоциональную связь с брендом [1, 2, 3].

Механизмы программ лояльности разнообразны: от накопления баллов до предоставления эксклюзивных услуг. Классическими примерами таких программ являются «Аэрофлот-Бонус», «S7 Priority», а также «Marriott Bonvoy» и «Accor ALL». Эти программы не просто вознаграждают клиента, но призваны сформировать у него ощущение своего привилегированного положения. Например, участники программы «Marriott Bonvoy» получают бонусные ночи в отелях сети, улучшенные гостиничные номера и доступ к бизнес-залам в аэропортах, что напрямую влияет на их выбор при бронировании [4, 5, 6].

Особое значение программы лояльности имеют и для онлайн-сервисов. Такие платформы, как «Ozon Travel» или «OneTwoTrip», предоставляют бонусы за бронирование через них и используют данные о поведении пользователей в сети для формирования персонализированных предложений. Это усиливает их позиции в условиях цифровой конкуренции, где удобство и индивидуальный подход становятся решающими факторами выбора [9, 10].

Программы лояльности эффективно действуют и в банковско-туристических партнёрствах. Так, клиенты банков (Тинькофф, Сбербанк и др.) получают бонусы за оплату туристических услуг картами этих банков. Эти

бонусы можно использовать для оплаты туров или билетов, что способствует росту спроса и усиливает взаимосвязь между финансовыми и туристическими рынками [8].

Исследования показывают, что клиенты, участвующие в программах лояльности, склонны тратить на 15–25% больше на туристические и транспортные услуги, чем те, кто в них не участвует. Отметим, что такие клиенты менее чувствительны к ценам и с большей вероятностью рекомендуют компанию другим [11]. При этом эффективность программ повышается при использовании технологий Big Data и элементов геймификации: уровни, достижения, конкурсы способствуют росту вовлеченности.

Однако разработку программ лояльности не назовешь беспроблемной. Основными ограничениями являются перегруженность рынка одинаковыми предложениями, недостаточная персонализация и сложные условия начисления и использования бонусов. Потребители всё чаще ожидают от компаний прозрачности, простоты и индивидуального подхода [15, 17].

Наибольшей эффективности удаётся достичь тем компаниям, которые интегрируют лояльность со скрупулезным анализом клиентского поведения и обеспечивают омниканальные коммуникации. В таких случаях программы становятся не просто инструментом вознаграждения, но и каналом для понимания нужд клиента, что позволяет выстраивать гибкие маркетинговые стратегии.

Итак, программы лояльности в туристическом бизнесе играют ключевую роль в удержании клиентов и увеличении финансового показателя пожизненной ценности клиента (LTV, Lifetime Value). В условиях цифровизации услуг и обострения конкуренции именно этот показатель становится неотъемлемым элементом маркетинга. Однако для достижения устойчивого эффекта необходимо учитывать не только структуру программы, но и контекст приобретения потребительского опыта – направленность интереса, созвучность интереса и предложения, удобство интерфейса для пользователя.

Список литературы

1. Smith A., Sparks L. The impact of loyalty programs on customer retention // Journal of Marketing Management. 2009. Vol. 25(3). P. 273–292.

2. Johnson G. Loyalty Marketing Strategies. New York: Marketing Press, 2012.

3. Тейлор М. Роль лояльности в поведении потребителей // Журнал маркетинга и потребителей. 2020. № 12(3). С. 56–72.

4. Wirtz J., Mattila A., Lwin M. How effective are loyalty programs in the hospitality industry? // Tourism Management Journal. 2010. Vol. 31(5). P. 715–725.

5. Marriott International. Marriott Bonvoy Rewards Program. 2020. https://www.marriott.com

6. Accor Hotels. Le Club AccorHotels: Программа лояльности. 2022. https://group.accor.com

7. Аэрофлот. Программа лояльности «Аэрофлот-Бонус». 2022. https://www.aeroflot.ru

8. Тинькофф Банк. Платежные программы и бонусы. 2023. https://www.tinkoff.ru

9. Ozon Travel. Программа лояльности. 2022. https://www.ozon.travel

10. OneTwoTrip. Программа лояльности OneTwoTrip. 2022. https://www.onetwotrip.com

11. Березка С.М. Программы лояльности: зарубежный и российский опыт // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. №5. С.113–131. https://doi.org/10.38050/01300105201657

12. Васина И. А. Программы лояльности как инструмент маркетинга в туризме // Экономика и управление. 2019. № 4(27). С. 75–81.

13. Морозова А. С. Анализ эффективности программ лояльности на российском рынке туристических услуг // Вестник туризма. 2021. № 2(8). С. 42–56.

14. Гаврилова М. А. Влияние программ лояльности на потребительское поведение в сфере туризма // Туры и путешествия. 2017. № 3(11). С. 27–33.

15. Чернов И. Н. Управление программами лояльности на рынке туризма. М.: Финансовая школа, 2016.

© Е.Е. Луцькая, В.С. Крюкова

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

СОХРАНЕНИЕ И АДАПТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В БЕЛОРУССКОМ ТЕАТРАЛЬНОМ И МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Стефанович Полина Андреевна
студент
Научный руководитель**: Пагоцкая Елена Викторовна**
к. иск.
УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

Аннотация: В статье рассматриваются формы народного театра в белорусском искусстве от истоков его возникновения, его историческое развитие и современное состояние. Подчеркивается, что белорусское театральное и музыкальное искусство формировалось на протяжении веков на основе народных традиций и обрядов, которые сохранялись, адаптировались и продолжают существовать в новых формах. Анализируется влияние театра на белорусскую культуру, его функции как института социального общения и самовыражения, а также участие белорусских театров в международных культурных процессах.

Ключевые слова: народный театр, белорусское искусство, театральная культура, традиционный театр, музыкальное искусство, международные фестивали.

PRESERVATION AND ADAPTATION OF NATIONAL TRADITIONS IN THE BELARUSIAN THEATER

Stefanovich Polina Andreevna
Scientific adviser: **Pahotskaya Elena Viktorovna**

Abstract: The article examines the forms of folk theater in Belarusian art from the origins of its origin, its historical development and current state. It is emphasized that the Belarusian theatrical and musical art has been formed over the centuries on the basis of folk traditions and rituals, which have been preserved, adapted and continue to exist in new forms. The article analyzes the influence of the theater on the Belarusian culture, its functions as an institution of social

communication and self-expression, as well as the participation of Belarusian theaters in international cultural processes.

Key words: folk theater, Belarusian art, theatrical culture, traditional theater, musical art, international festivals.

Белорусская культура представляет собой сложное и многослойное явление, сформировавшееся в результате длительного исторического процесса, включающего взаимодействие различных этнических, социальных и культурных факторов. Ее корни уходят в глубокую древность, когда формировались первые коллективные представления, обряды и художественные практики, отражающие специфику национального менталитета и духовного мира белорусского народа.

Важной особенностью белорусской культуры является ее способность сохранять традиционные ценности, одновременно интегрируя внешние влияния, что способствует ее динамичному развитию и адаптации к современным условиям. Театральное искусство в этом контексте выступает не только как форма художественного выражения, но и как значимый институт, способствующий формированию национальной идентичности, укреплению культурной памяти и развитию общественного диалога.

История белорусского театра насчитывает не одно столетие. На белорусских землях довольно рано появились разнообразные виды театральных представлений – религиозные постановки братских школ, светские частновладельческие, народные драмы. Белорусский театр – давнее и уникальное явление в национальной художественной культуре нашего народа. Белорусское сценическое искусство зародилось в те времена, когда люди начали осознавать себя в окружающем мире и совершать религиозные обряды, связанные с солнечным циклом.

Дворяне – магнаты и шляхта − стремились создать культурную атмосферу в своих усадьбах, для чего приглашали иностранных композиторов, актеров и драматургов, что способствовало синтезу белорусских, российских и западноевропейских театральных и музыкальных традиций. В этих условиях белорусский театр стал местом для экспериментов и инноваций, где смешивались разные театральные формы, стили и техники. Это привело к появлению частновладельческих театров и капелл. Самые известные театры в XVIII в. существовали в крупных магнатских резиденциях в Гродно у А. Тизенгауза, в Несвиже и Слуцке у Радзивиллов, в Шклове у С. Зорича, в Ружанах у Сапег, в Слониме у М. Огинского и др.

В магнатских резиденциях проводилось множество представлений, спектаклей, торжественных театрализованных мероприятий, что способствовало развитию театрального искусства в стране и становлению определенных театральных традиций. Эти музыкальные театры не только обогатили культурную жизнь регионов, но и становились площадками для реализации талантов артистов и композиторов, обогащая белорусскую культуру уникальными произведениями.

Важную роль в культурном обмене играли гастроли театров, которые проходили в крупных городах, таких как Вильно, Минск, Бобруйск. Эти гастроли привлекали внимание местной публики и способствовали формированию театрального и музыкального вкуса. Белорусские театры за недостатком национальной драматургии адаптировали зарубежные пьесы, что способствовало развитию оригинального репертуара, в котором сочетались локальные и европейские элементы.

Народные формы сценического искусства сохранялись параллельно с развитием светского театра. В сельской местности продолжали жить фольклорные представления, уличные спектакли и обрядовые действа, передаваясь из поколения в поколение. Такое сосуществование профессионального и народного театра обогащало культурную палитру Беларуси, создавая уникальный синтез традиций и инноваций. Этот процесс особенно ярко проявился в XX веке, когда театральные коллективы начали активно использовать народные мотивы и образы в современных постановках, что способствовало сохранению культурного наследия и его адаптации к современным условиям [3, с. 215].

Для театральных постановок характерно осмысление исторического опыта, трансляция социальных ценностей и актуализация культурных кодов, что делает театр важным элементом культурного пространства Беларуси. Таким образом, исследование развития белорусского театра позволяет выявить ключевые механизмы взаимодействия традиций и инноваций, а также понять роль искусства в формировании и поддержании национального самосознания в условиях глобализации и культурного обмена [1, с. 10].

В области театрального искусства наблюдается постепенное становление белорусской театральной традиции, которая возникла на основе религиозных обрядов и светских мероприятий. Появление первых профессиональных театральных трупп и развитие светских спектаклей свидетельствует о растущем интересе к театру как к форме искусства, способной отражать социальные и культурные реалии времени.

Взаимодействие с российскими и европейскими театральными традициями привело к появлению новых форм и жанров, что обогатило белорусскую сцену. К примеру такой популярный театр батлейка, имеющий аналоги кукольного религиозного театра у всех белорусских соседей, до сих пор популярен и имеет свои разновидности в разных регионах Беларуси [1].

Свой театр есть в каждом областном центре. В настоящее время в стране наравне с государственными театрами работает большое количество самодеятельных народных коллективов, в том числе: кукольные театры, драматические театры, музыкальные театры. Особое значение в нашей стране всегда имеют театральные постановки, основанные на произведениях классической и современной белорусской литературы. Такие спектакли не только развлекают публику, но и выполняют образовательную функцию, погружая зрителей в историю, традиции и духовные ценности. В белорусских драматических театрах востребовано творчество таких национальных авторов, как Владислав Голубок («Пісаравы імяніны»), Янка Купала («Павлинка»), Алексей Дударев («Вечер», «Рядовые», «Чорная панна Нясвіжа»), Кондрат Крапива («Брама неўміручасці») и др. В репертуаре музыкальных театров особой популярностью пользуются произведения Олега Ходоско (балеты «Вишневый сад», «Титаник»), Владимира Солтана (опера «Дикая охота короля Стаха» по повести Владимира Короткевича), Дмитрия Смольского (опера «Седая легенда», либретто Владимира Короткевича). В одном ряду с балетами П. Чайковского и опереттами И. Кальмана и И. Штрауса стоят и произведения белорусских композиторов Вячеслава Кузнецова (балет «Анастасия» по легенде об Анастасии Слуцкой), Евгения Глебова (балет «Маленький принц»), Андрея Мдивани (балет «Страсти (Рогнеда)») и др.

Из последних премьер знаковым событием стала постановка творческого проекта «Патетический дневник памяти» в Большом театре оперы и балета (2025). Творческий проект был создан на основе произведений белорусских композиторов и документальных свидетельств трагедии и героизма белорусского народа в годы Великой Отечественной войны [2].

Современная культурная жизнь Беларуси динамична и разнообразна. В стране проходят музыкальные фестивали: «Белорусская музыкальная осень», «Минская весна», «Золотой шлягер», «Музы Нясвіжа». Ежегодно в ноябре проводится Международный Минский кинофестиваль «Лістапад». Символом фестивального движения Беларуси стал Международный фестиваль искусств «Славянский базар» в Витебске, участие в котором принимают популярные артисты из разных стран мира.

Современное искусство Беларуси стремится сохранить национальные традиции, одновременно способствуя развитию популярных мировых достижений. Произведения белорусских композиторов, мировой классической и популярной эстрадной музыки звучат в исполнении как профессиональных, так и самодеятельных коллективов. Многие из них стали символами Беларуси, ее брендом: Президентский оркестр Республики Беларусь, Национальный оркестр симфонической и эстрадной музыки, Государственный академический симфонический оркестр, Государственная академическая хоровая капелла имени Г. Ширмы, Национальный академический народный хор Республики Беларусь имени Г.И. Цитовича, вокальная группа «Чистый голос», вокально-инструментальный ансамбль «Песняры», вокально-инструментальный ансамбль «Сябры» и др.

Театральная жизнь Беларуси насыщена яркими фестивальными событиями. Постоянную прописку в разных городах страны получили престижные театральные фестивали, на которые приезжают коллективы со всего мира. Среди самых известных форумов: Международный театральный фестиваль «Белая вежа» (Брест), Международный фестиваль театрального искусства «Панорама» (Минск), Международный фестиваль студенческих театров «Тэатральны куфар», Международный молодежный театральный форум «M@art. Контакт» (Могилев), Международный форум театрального искусства «TEART» (Минск), Белорусский международный фестиваль театров кукол (Минск), В рамках Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске» проходит полюбившаяся публике программа «Театральные встречи».

Таким образом, театр в Беларуси не только сохраняет богатое наследие прошлого, но и активно формирует культурное пространство настоящего, способствуя развитию творческих инициатив и укреплению национальной идентичности. В условиях глобализации и культурного обмена белорусский театр продолжает оставаться важным носителем культурных традиций, что подчеркивает его значимость в контексте как национальной, так и мировой культуры.

Список литературы

1. Барышев Г. И. Батлейка / Г. Барышев. – Минск: Бел. университет культуры. − 2000. – 270 с.

2. Патетический дневник памяти [Электронный ресурс] // Большой театр Беларуси. − URL:https://bolshoibelarus.by/rus/repertuar/opera-repertuar/item/726-pateticheskij-dnevnik-pamyati.html (дата обращения: 07.07.2025).

3. Сохар, М. Ю. Тэатральная школа Беларусі: ад вытокаў да сучаснасці / М. Ю. Сохар.– Минск: А.М. Вараксин, 2013. – 518 с.

© П.А. Стефанович

СЕКЦИЯ ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ИКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МОДА

Стругова Лилия Сергеевна
студент
Научный руководитель: **Опенков Михаил Юрьевич**
д.ф.н., профессор
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова

Аннотация: В статье рассматривается проблема влияния искусственного интеллекта на экспериментальную моду в контексте стремительного развития современного мира. Искусственный интеллект способствует переосмыслению понятий стиля и телесности, трансформирует способы дизайна и производства моды.

Ключевые слова: экспериментальная мода, искусственный интеллект, стиль, нейронные сети.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND EXPERIMENTAL FASHION

Strugova Lilia Sergeevna
Openkov Mikhail Yurievich

Abstract: The article examines the problem of the influence of artificial intelligence on experimental fashion in the context of the rapid development of the modern world. Artificial intelligence contributes to the rethinking of the concepts of style and physicality, transforms the ways of fashion design and production.

Key words: experimental fashion, artificial intelligence, style, neural networks.

Современный мир развивается со стремительной скоростью, что сказывается на всех отраслях жизни человечества. XXI век можно назвать эпохой технологического прогресса, что подтверждает быстрое развитие технологий, внедрение искусственного интеллекта во все сферы жизни человека, в том числе моду.

Экспериментальная мода – направление, отражающее неординарные новаторские подходы дизайна как самих предметов одежды, так и аксессуаров, дополняющих образ. Сам «эксперимент» может проявляться в использовании непривычных форм, материалов, структур или сочетании нескольких разных стилей.

На данном этапе стоит разграничить понятия «тело» и «телесность». Тело – физический объект, принадлежащий самому человеку как отдельному организму. Телесность – это социальное тело человека, его манера одеваться, послание, которое он передает через свою одежду и следование моде.

Один из критериев, по которому различаются «тело» и «телесность» - это отношение к физическому миру. Тело обладает исключительно физическими характеристиками. Телесность – это то, что не имеет отношения к врожденным качествам, а приобретается человеком и развивается в нем в процессе освоения и обустройства культуры.

Телесность – это система отношений между плотью и размещаемыми на ней культурными знаками [1, с. 210].

В индустрии моды ключевую роль играет понятие стиля. В контексте индустрии моды, стиль – это образное решение костюма, посредством элементов, отличающихся художественной и пластической однородностью» [2, с. 215]. Однако данное понятие можно рассмотреть как некое послание. В последнее время все более явным становится влияние искусственного интеллекта на индустрию моды. Через определение модных тенденций, искусственный интеллект выстраивает человеческую телесность, как бы создавая послание для людей в будущее (каким должен быть их внешний вид). На данном этапе искусственный интеллект соединяется с экспериментальной модой.

Экспериментальная мода – мода, экспериментирующая с конструкцией, силуэтами, материалами и/или способами презентации [3, с. 1].

Традиционные, классические представления о красоте могут быть повреждены возникновением новых, экспериментальных тенденций моды. Модельеры, дизайнеры, стилисты и другие специалисты данной профессиональной сферы могут использовать искусственный интеллект для генерации сложно создаваемых, уникальных коллекций для предварительного просмотра. Стоит отметить, что возможности искусственного интеллекта открывают экспериментальной моде новые горизонты для самовыражения.

Искусственный интеллект, в контексте экспериментов в индустрии моды, может кардинально перевернуть взгляд людей на стиль, создавая новые

форматы одежды и аксессуаров, опираясь на физические особенности, предпочтения человека. Также с помощью нейронных сетей экспериментальная мода может распознать эмоциональные признаки человека (с помощью компьютерного зрения проанализировать мимику человека: положение мышц лица, глаз, губ, бровей; Оценить голос: тембр, интонацию или скорость речи; Обработать текст: фразы, слова) или обстановку в мире (мониторинг новостных ресурсов: СМИ, соц. сети; анализ событий с помощью документов: снимки спутника, рост или спад цен, различные статистики).

Каждая эпоха характеризуется определенным состоянием, получающим свое образное выражение в костюме. Его изменения, всевозможные модные проявления зачастую являются отражением глубоких экономических, социально-психологических и политических перемен, происходящих в обществе [4, с. 168].

В пример можно привести модные тенденции советского периода. Составной частью советского образа жизни являлся костюм.

Начиная с конца 1990-х годов российские и зарубежные историки и искусствоведы доказывают сам факт существования советской моды [4, с. 169].

В Советском Союзе одежда и костюм выступали как знаки принадлежности или непринадлежности к «своим». Таким образом, специфический советский стиль одежды служил идеологическим средством, во-первых, отделить мир советский от мира западного, а во-вторых, на территории советского мира отличать добро от зла, честного гражданина от вредителя или классового врага [5, с. 166].

Требования к новой советской моде были самые общие: скромная, изящная, приспособленная к трудовому быту, гигиеничная, красивая, но самое главное – сделанная хорошими руками советских мастеров. Первым и главным шагом на пути к решению этой задачи считалось освобождение от западной моды [4, с. 169].

Основные попытки создания в СССР специфической советской моды относятся к послевоенному периоду. Чтобы советские люди после войны вспомнили о «правильном» каноне красоты, в 1944 году было принято решение о возобновлении издания журнала мод. И сразу после победы, в июне 1945 года, выходит в свет первый номер. В то же время был разработан проект, который предполагал ужесточение «железного занавеса», чтобы оградить СССР от влияния западных модных тенденций, а также перенести в

мирные условия военно-директивные методы управления лёгкой промышленностью [4, с. 170].

Мода занимала центральное место в визуальной и материальной культуре этих десятилетий и наряду с перфомансом, изобразительным искусством, танцем, кинематографом и фотографией играла важную социальную роль, привлекая внимание к самым острым проблемам своего времени [5, с. 11].

Также искусственный интеллект может помочь экспериментальной моде стать более динамичной и интерактивной.

Например, в 2025 году бренд одежды «Anrealage», в рамках Парижской недели моды, представил новую коллекцию одежды под названием «Screen», в которую вошли платья-дисплеи. Платья сплетены из множества миниатюрных аккумуляторов, что позволяет проецировать различные изображения [6, с. 1].

«Больше, чем просто одежда. Эти внушительные графические силуэты являются интерфейсом для новой формы моды, второй кожи SCREEN, и представляют будущее, где люди могут обмениваться и делиться дизайном одежды, которую они носят. Подобно живому рекламному щиту, мягкие нити и текстиль могут складываться, вязаться, сшиваться и драпироваться в любую форму», – сказал владелец фирмы «Anrealage» [6, с. 1].

Также, стоит отметить, что нейронные сети обладают множеством навыков, таких как: анализ данных, персонализированная помощь, компьютерное зрение (что позволяет загружать, распознавать картинки), автоматизация рутинных задач, генерация контента и др. Большое количество разнообразных навыков искусственного интеллекта может упростить поиск новых способов самовыражения. Искусственный интеллект, опираясь на существующие тренды, может генерировать новые модные тенденции и персонализировать их как под конкретного человека, так и под общество в целом. Использование искусственного интеллекта экспериментальной модой оптимизирует работу данной индустрии, так как нейронные сети способны обрабатывать очень большие объемы данных, включающие как мировую обстановку, так и потребительские предпочтения.

Экспериментальная мода имеет преимущество использования нестандартных материалов для производства. С каждым годом все чаще оглашается проблема экологической ответственности. Благодаря тому, что в экспериментальной моде могут использоваться нетрадиционные материалы для производства вещей, появляется возможность экологического

производства и нанесении минимального вреда окружающей среде. Искусственный интеллект, в свою очередь, может упростить этот процесс (с помощью мониторинга производственных процессов, предлагая альтернативные методы производства с минимальными потреблениями ресурсов и снижением отходов). Например, провести анализ среди экологических материалов и вывести наиболее подходящие, ориентируясь на цену, качество и практичность или же с помощью цифровых технологий создать новые материалы, безопаснее и экологичнее для человека и окружающей среды.

Мир уже никогда не станет прежним, значит, и экология вчерашнего дня будет качественно отличаться от экологии дня завтрашнего. И основой этих преобразований становятся новейшие цифровые технологии, благодаря которым уже сегодня появляются материалы, в полной мере экологичные и безопасные для человека и для экосистемы [7, с. 230].

Ученые вместо одних натуральных материалов (того же хлопка) готовы предложить их природные аналоги — например, ткани из ферментированного чая. Разработана технология Kombucha, благодаря которой специалисты производят одежду из обычного чая. Сегодня она пользуется незначительной популярностью среди дизайнеров одежды и в разряд массовых технологий не переходит. В качестве альтернативы предлагаются к массовому производству и другие ткани растительного производства (из конопли, крапивы и т. д.) и даже биологически выращенные в лабораториях, но эти проекты развиваются недостаточно быстро в отличие от разработок технологических [7, с. 231].

Также нейронные сети могут оптимизировать выбросы от производственных процессов, предлагая альтернативные методы создания вещей, персонализировать создаваемые изделия, что исключит остатки не распроданных товаров или заранее разрабатывать виртуальную модель изделия, что поможет снизить потребление ресурсов при создании настоящей вещи.

Цифровые технологии снижают потребление ресурсов и экологически вредных материалов на этапе производства одежды. Разработка виртуальной модели одежды минимизирует количество материалов, необходимых для ее создания, а также сокращает количество отходов и загрязнения окружающей среды при производстве макетов и образцов. Использование цифровых технологий поможет оптимизировать производственный процесс и логистику, сокращая транспортировку и снижая уровень выбросов вредных веществ в атмосферу [8, с. 9].

«Применение ИИ сегодня – одна из самых востребованных исследовательских тем в области моды, ученые ищут свой подход в разработке дизайнов изделий» [8, с. 64], - данная цитата отражает актуальность использования искусственного интеллекта в индустрии моды. Внедрение нейронных сетей в эту сферу оптимизирует многие процессы, что только увеличит количество новых проектов.

Подводя итоги, стоит отметить, что экспериментальной моде характерно влиять на переосмысление человеком понятия «телесности». Эта отрасль моды разрушает традиционные понятия стиля, функционала вещей или половой принадлежности элементов одежды. Это позволяет модельерам и дизайнерам создавать образы, не привязывая их к конкретному полу, возрасту или культурной идентичности, что способствует выражению внутреннего мира людей вне устоявшихся традиций.

Искусственный интеллект, в качестве помощника экспериментальной моды, обладает способностью анализировать данные об общественных настроениях. Данное качество может помочь индустрии развиваться гораздо стремительнее. Появится возможность для создания уникальных коллекций товаров (искусственный интеллект может предлагать уникальные коллаборации, совмещать несколько трендов в одной вещи), которые будут иметь какой-либо контекст или, наоборот, не привязывая ни к чему, просто выглядеть необычно, выходя за рамки стандартизированных вещей.

Использование нетрадиционных материалов в производстве, безусловно, снизит выбросы отходов, что положительно скажется на окружающей среде, а также толкнет человечество на переосмысление самого процесса создания изделий, соответствующих модным тенденциям. Экспериментальная мода, в этом смысле, будет служить проводником как в мир стиля и самовыражения, так и мир ответственности перед нашей планетой. Алгоритмы нейронных сетей, оптимизируя процессы производства экологически, сделают индустрию моды более осознанной.

Современный мир, где экспериментальная мода в союзе с искусственным интеллектом могут задавать новые тенденции, давая возможности новым, инновационным подходам создания изделий закрепиться в обществе, став традиционными нормами.

Список литературы

1. Торопова А.А. Философия телесности: Канон + РООИ “Реабилитация”, 2024, с. 256

2. Сафина Л.А. Дизайн костюма: Ростов н/Д «Феникс», 2006, с. 390

3. Граната Ф. Экспериментальная мода. Искусство перформанса, карнавал и гротескное . - Мск.: Новое литературное обозрение, 2021. - 238 с.

4. Виниченко И. В. Мода в условиях социализма // Russian Journal of Education and Psychology. - 2011. - №2. - С. 168-171.

5. Франческа Г. Экспериментальная мода Искусство перформанса, карнавал и гротескное тело. - 2-е изд. - Мск.: Новое литературное обозрение, 2024. - 340 с.

6. Screen: ANREALAGE Fall Winter 2025.26 Collection // Dscene URL: https://www.designscene.net/latest (дата обращения: 01.08.2025).

7. Сапожникова В.С Экологичность как функция моды в обществе цифровых трансформаций // Знание. Понимание. Умение. - 2021. - №1. - С. 226-238.

8. Голованева, А. В. Цифровизация моды как перспективный способ сокращения пагубного влияния на экологию // Костюмология. – 2023. - Т. 8 - № 2. - С. 1-14.

9. Демидова М. Д., Рыкова Е. С. Применение современных технологий искусственного интеллекта в индустрии моды // Материалы и технологии. - 2024. - №2. - С. 61-67.

© Л.С. Стругова, 2025

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

НАУЧНЫЙ ПОИСК: ПРОБЛЕМЫ, ВЕКТОРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Часть 2

Сборник статей
Международной научно-практической конференции,
состоявшейся 18 августа 2025 г. в г. Петрозаводске.
Ответственные редакторы:
Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.
Подписано в печать 21.08.2025.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 18.66.
МЦНП «НОВАЯ НАУКА»
185002, г. Петрозаводск,
ул. С. Ковалевской, д.16Б, помещ.35
office@sciencen.org
www.sciencen.org

16+

НОВАЯ НАУКА
Международный центр научного партнерства

NEW SCIENCE
International Center for Scientific Partnership

МЦНП «НОВАЯ НАУКА» - член Международной ассоциации издателей научной литературы «Publishers International Linking Association»

ПРИГЛАШАЕМ К ПУБЛИКАЦИИ

1. **в сборниках статей Международных и Всероссийских научно-практических конференций**
   https://www.sciencen.org/konferencii/grafik-konferencij/

2. **в сборниках статей Международных и Всероссийских научно-исследовательских, профессионально-исследовательских конкурсов**
   https://www.sciencen.org/novaja-nauka-konkursy/grafik-konkursov/

3. **в составе коллективных монографий**
   https://www.sciencen.org/novaja-nauka-monografii/grafik-monografij/

https://sciencen.org/